

МОСКОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В.ЛОМОНОСОВА

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Л.Н. ГУМИЛЕВА
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

УЧАСТИЕ КАЗАХСТАНА И РОССИИ В ВТО И В ЕАЭС: ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

Международной научной онлайн-конференции,
организованной кафедрами международного права
Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева и
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

5 ОКТЯБРЯ 2021 ГОДА

Нур-Султан - Москва
2021

МОСКОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА

УЧАСТИЕ КАЗАХСТАНА И РОССИИ В ВТО И В ЕАЭС: ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

**Международной научной онлайн-конференции,
организованной кафедрами международного права**

Евразийского национального университета

имени Л.Н. Гумилева

и Московского государственного университета

имени М.В. Ломоносова

5 октября 2021 года

**Нур-Султан - Москва
2022**

УДК 327
ББК 66.4
Қ18

Под общей редакцией
профессора, д.ю.н. Сарсембаева М.А.

Редакционная коллегия:
Тлепина Ш.В. профессор, д.ю.н., Кадышева О.В. доцент, к.ю.н.,
Ойнарова А.А. PhD

Қ18 Қазақстан мен Ресейдің ДСҰ және ЕАЭО-қа қатысуы: проблемалар мен сын-қатерлер = Участие Казахстана и России в ВТО и в ЕАЭС: проблемы и вызовы = Participation of Kazakhstan and Russia in the WTO and in the EAEU: problems and challenges: мат-лы межд. науч. онлайн-конф. – Нур-Султан-Москва: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2022. – 162 с. – Англ., каз., рус.

ISBN 978-601-337-609-7

В современных условиях интеграционные объединения способствуют реализации политических, экономических, геополитических интересов государств-участников, при этом каждое объединение определяет свою собственную модель развития, определяющую направления взаимодействия. Участие Казахстана и России в ВТО и в ЕАЭС в теории и практике международного права имеет важное значение. 5 октября 2021 года кафедра международного права ЕНУ им. Л.Н. Гумилева и кафедра международного права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова провели Международную научную онлайн-конференцию на тему «Участие Казахстана и России в ВТО и в ЕАЭС: проблемы и вызовы».

Сборник содержит статьи ученых и молодых исследователей – магистрантов, аспирантов, докторантов Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Казанского (Приволжского) федерального университета, Казахского национального университета им. аль-Фараби.

Издание адресовано широкому кругу читателей, всем, интересующимся проблемами и перспективами участия государств в ВТО и ЕАЭС.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978-601-337-609-7

© ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2022

Предисловие

Вступление Казахстана в ВТО в 2015 году, а также участие Армении, Кыргызстана, России в ВТО создает определенные обязательства как перед ЕАЭС, так и перед ВТО, в связи с этим обсуждение вопросов участия Казахстана и России в ВТО и в ЕАЭС является актуальной повесткой. Членство стран-участниц ЕАЭС в ВТО оказывает влияние на экономику стран, в том числе и на методы управления внешнеэкономической деятельностью, предусматривает рассмотрение споров в Органе по разрешению споров ВТО с участием государств-членов ЕАЭС (кроме Беларуси), затрагивающих право ЕАЭС. В связи с этим изучение взаимодействия ВТО и ЕАЭС приобретает важное значение.

Совместное проведение кафедрой международного права ЕНУ им. Л.Н. Гумилева и кафедрой международного права МГУ им. М.В. Ломоносова онлайн-конференции позволило обсудить вопросы региональной интеграции, гуманитарного сотрудничества в рамках ЕАЭС, привлечение иностранных инвестиций в авто- и агромашиностроительный сектор Республики Казахстан при содействии ЕАЭС, особенности управления инвестиционными проектами стран ЕАЭС, техническое регулирование в ЕАЭС, а также вопросы, рассматривающие деятельность ВТО, к примеру, прямой эффект норм ВТО, работа Апелляционного органа ОРС ВТО, применение санитарных и фитосанитарных мер в ВТО и др.

Тематический спектр научных статей представлен коллективами Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Казанского (Приволжского) федерального университета, Казахского национального университета им. аль-Фараби.

Материалы конференции представлены на казахском, русском и английском языках. Авторский стиль изложения сохранен, за содержание статей авторы несут личную ответственность.

Оглавление

Тлепина Ш.В. Участие Казахстана в ЕАЭС: правовой регламент гуманитарного сотрудничества.....	7
Исполинов А.С. Прямой эффект норм ВТО.....	21
Сарсембаев М.А. Правовые средства привлечения иностранных инвестиций в авто- и агро-машиностроительный сектор Республики Казахстан при содействии ЕАЭС.....	27
Абайдельдинов Е.М. Гармонизация и унификация законодательств государств-членов ЕАЭС.....	51
Кадышева О.В. Кризис системы разрешения споров в ВТО: уроки для международного правосудия.....	55
Майдырова А.Б. Особенности управления инвестиционными проектами стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС).....	60
Кешнер М.В. Применение Статей об ответственности государств в режиме ВТО: итоги и перспективы (к 20-летию Статей об ответственности государств).....	67
Пернеева Г.А. Посткеңестік аймақтағы мемлекеттердің Дүниежүзілік сауда ұйымына қосылу үрдісін талдау.....	75
Карабаев Ф.Ж. ЕАЭО: қылмыспен күрестегі ынтымақтастықтың кейбір мәселелері.	84

Ойнарова А.А. Состояние и перспективы развития технического регулирования в Евразийском экономическом союзе.....	89
Кала Н.С. Review of Eurasian Economic Union member states' International energy cooperation.....	98
Тараканова Я.В. Критерий научной обоснованности в рамках Соглашения ВТО по санитарным и фитосанитарным мерам.....	103
Қаражан Б.С. Системный анализ правовых аспектов электромобильности, автопилотности машин, выпускаемых промышленностью Казахстана, реализуемых в ЕАЭС и поставляемых на экспорт в соответствии с правилами ВТО.....	106
Пименова С.Д. Обеспечительные меры в судах евразийской интеграции.....	118
Тлеубеков С.Т. Принцип недискриминации в промышленной политике ЕАЭС: правовые проблемы и взаимосвязь с режимом наибольшего благоприятствования ВТО.....	122
Елеген А.Е. Правовое регулирование применения искусственного интеллекта в рамках ВТО: современные вызовы.....	128
Жалғас Д.Н. ЕАЭО шеңберінде Қазақстан Республикасы мен Ресей Федерациясының кеден заңнамаларына салыстырмалы-құқықтық талдау.....	137
Ерболов Д.Е. ЕАЭО кеден одағы шеңберіндегі Қазақстан Республикасы мен Беларусь арасындағы кедендік қатынастар.....	145

Жұбатқан А.К.

ЕАЭО мүшелері Қазақстан мен Қырғызстан арасындағы кедендік байланыстар: қазіргі жағдайы мен даму болашағы..... **152**

ВОПРОСЫ-ОТВЕТЫ..... 159

**Участие Казахстана в ЕАЭС: правовой регламент
гуманитарного сотрудничества**

Тлепина Шолпан Валерьевна

sholpanw@yandex.kz

д.ю.н., профессор, заведующая кафедрой международного права
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан

Евразийский экономический союз – международная организация региональной экономической интеграции, обладающая международной правосубъектностью и учрежденная Договором о Евразийском экономическом союзе. В ЕАЭС обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики. Государствами-членами Евразийского экономического союза являются Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация. ЕАЭС создан в целях всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик и создания условий для стабильного развития в интересах повышения жизненного уровня населения государств-членов [1].

Вместе с тем актуальным вопросом на повестке дня для ЕАЭС является и гуманитарное сотрудничество. Направления социально-гуманитарного сотрудничества государств-членов Союза определены Декларацией о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС, принятой в конце 2018 г. [2] Так, в документе обозначен доступ населения к современным достижениям в области образования, науки, здравоохранения, туризма и спорта в целях повышения благосостояния и качества жизни граждан стран Союза, что особенно актуально для обеспечения реальных потребностей граждан государств-членов в развитии интеграционного взаимодействия в социально-гуманитарной сфере [3].

Принимая во внимание, что государства-члены ЕАЭС являются участниками СНГ следует упомянуть о Соглашении о гуманитарном сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств от 26 августа 2005 года [4]. Стороны принимают

согласованные меры для развития гуманитарного сотрудничества в следующих областях:

- создание максимально благоприятных условий для взаимообогащения национальных культур;
- сохранение особенностей и достижений национальных образовательных систем;
- научное сотрудничество для развития приоритетных направлений науки и технологий;
- формирование общего информационного пространства СНГ;
- полное и эффективное использование спортивного потенциала, укрепление связей между спортсменами и организациями, действующими в области физической культуры и спорта;
- туризм как один из факторов углубления дружественных отношений, в целях наиболее полного взаимного ознакомления с национальными культурами и традициями;
- развитие молодежного движения и углубления взаимопонимания между представителями молодого поколения государств-участников СНГ [3].

Перспективы развития новых стратегических направлений евразийской интеграции в области образования и науки, здравоохранения, туризма и спорта обсуждались на панельной сессии «Новые грани ЕАЭС: стратегия развития в интересах граждан», которая прошла 26 сентября 2019 г. в Бишкеке в рамках IV Международного выставочного форума «Евразийская неделя» [5].

В развитии евразийской интеграции сделан акцент на формировании единого экономического пространства и развитии торгово-экономической сферы. Однако, учитывая опыт интеграционных объединений мира, необходимо признать, что воспроизводство социальной базы в интересах дальнейшего расширения и углубления интеграции невозможно без включения в повестку дня социально-гуманитарных задач, без разработки системной работы с населением государств-членов ЕАЭС. Именно социальные результаты функционирования ЕАЭС, несмотря на кажущееся внеэкономическое содержание, имеют решающее значение для будущего развития Союза, обладают способностью стимулировать процесс модернизации в государствах-членах. На увеличении поддержки интеграционных процессов, преодолении многочисленных препятствий в формировании сплоченности народов положительно скажется включение в стратегию построения нового

интеграционного объединения социально-гуманитарной составляющей, цель которой – формирование наряду с единым экономическим пространством единого социально-гуманитарного пространства. Страны ЕАЭС стремятся адаптировать западные практики, в том числе и в социально-гуманитарной сфере, руководствуясь часто прагматичными соображениями. Принципиально важным является необходимость дополнения этого движения развитием социально-гуманитарного сотрудничества внутри ЕАЭС, если его участники стратегически настроены на повышение эффективности Союза. Без формирования общего гуманитарного пространства отношения в рамках Союза будут уязвимы для экономических проблем и информационных манипуляций [3].

По нашему мнению, социально-гуманитарные проекты в рамках евразийской интеграции требуют серьезного анализа, так как их содержание не всегда соответствует ожиданиям населения, в том числе молодежи и активным социальным группам. Без запуска программ эффективного социально-гуманитарного сотрудничества евразийский интеграционный проект рискует потерять динамику [3]. В этом отношении могут быть полезны наработки по линии Содружество Независимых Государств (СНГ), так как ЕАЭС имеет ряд соглашений непосредственно с СНГ. В какой-то мере оба межгосударственных проекта взаимосвязаны друг с другом, так как все члены ЕАЭС состоят в СНГ.

В рамках СНГ функционирует Совет по гуманитарному сотрудничеству государств-участников Содружества Независимых Государств. Совет рассматривает концептуальные вопросы, определяет приоритетные направления и формы сотрудничества, вносит в установленном порядке на рассмотрение Сторон и органов СНГ предложения, направленные на решение конкретных задач в гуманитарной сфере [3]. Также в 2006 г. был создан Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств. Целью Фонда является обеспечение финансирования мероприятий (проектов) в области гуманитарного сотрудничества, согласованных с Советом. Большая часть проектов МФГС носят междисциплинарный характер. Так, значительная часть проектов в области сотрудничества молодежи имеют образовательный компонент. В свою очередь, ряд проектов в области науки и образования направлены на сближение и

развитие сотрудничества молодежи стран Содружества через совместное обучение и повышение квалификации. Образовательный компонент содержат и многие проекты в области культуры и искусства, которые включают мастер-классы, лекции и выступления видных деятелей театра, литературы, кино перед студентами профильных учебных заведений [6].

Без культурно-гуманитарных связей трудно выстраивать полноценные отношения между государствами. Для достижения атмосферы полного взаимного доверия необходимы контакты в сфере культуры, науки, образования. Как отметил государственный деятель и дипломат Армении Армен Смбатян: «Рано или поздно мы к этому обязательно придем. А почему не опередить события и в ближайшее время начать строить эти мосты, которые наверняка помогут развитию экономических отношений». Не следует уменьшать значимость гуманитарной сферы для сближения народов и укрепления экономического сотрудничества. Следует согласиться с точкой зрения, что идеи евразийства в 20-х годах прошлого столетия развивали не экономисты, а деятели науки и искусства, например, П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, П.П. Сувчинский и др., которые особое значение придавали вопросам культуры и общества. Экономическая и гуманитарная сферы взаимодействия должны органично дополнять друг друга [7].

В российском экспертном сообществе уже обсуждались предпосылки гуманитарного сотрудничества в ЕАЭС, к которым относятся:

– трудовая миграция, следствием которой являются обмен культур, взаимодействие на бытовом уровне, потребность в национальных каналах, распространении культуры;

– интересы бизнеса в гуманитарных проектах и гуманитарном сопровождении;

– молодежные обмены;

– научные проекты на евразийском пространстве;

– общие экологические проблемы;

– историко-культурные связи между пограничными регионами

[8].

Вместе с этим, анализируя Договор о функционировании ЕАЭС и отдавая должное экономической направленности этой организации, подчеркнем, что регулирование социально-гуманитарной деятельности почти в нём не затронуто. Отчасти социально-

гуманитарный характер имеют ст. 61 о защите прав потребителей и ст. 97 и 98 о социальной защите трудящихся стран-членов. В Положении о Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) в ст. 1, помимо п. 18 о деятельности Комиссии в сфере трудовой миграции, также п. 20 указывает и на «иные сферы, определенные Договором и международными договорами в рамках Союза». Положение ЕЭК о Консультативном комитете по вопросам социального обеспечения дополнено соблюдением пенсионных прав, оказанием медицинской помощи и профессиональной деятельности трудящихся государств-членов Евразийского экономического союза (в редакции Решения Коллегии ЕЭК от 27 апреля 2015 года № 36 и Решения Коллегии ЕЭК от 21 ноября 2017 года № 159) [7].

Вместе с тем стоит отметить, что государства-члены ЕАЭС, Евразийская экономическая комиссия и Евразийский банк развития проводят мероприятия, которые имеют отношение к гуманитарным проектам в рамках ЕАЭС. Следует обратить внимание на тот положительный момент, что большинство из них проводилось среди молодежи. Так, 28–31 октября 2014 года в городах Москва и Рязань прошел Фестиваль молодежи и студентов стран пояса добрососедства (евразийской молодежи) «Евразия – это мы!», на котором обсуждались вопросы межнационального сотрудничества, реализации общих проектов и молодежной политики, образования молодежи [9]. В декабре 2017 года уже в третий раз в НИУ «Высшая школа экономики» прошла деловая игра Международная модель ЕАЭС, в которой приняли участие не только студенты, но и чиновники из ЕЭК [10].

ЕАБР проводятся ежегодные международные конференции «Евразийская экономическая интеграция». Так, XIV международная конференция прошла 29 ноября 2019 года в Москве, в работе которой приняли участие руководители ЕЭК, министерств и ведомств, национальных компаний, представители международных финансовых организаций, научных и деловых кругов. В ходе развернувшихся дискуссий были обсуждены и актуальные вопросы формирования единого евразийского гуманитарного пространства [11]. В апреле 2019 года ЕАБР объявил о проведении открытого творческого конкурса «Евразийская интеграция и развитие – XXI век», нацеленного на развитие и укрепление межкультурных и экономических связей между странами региона [7].

В качестве примера формирования позитивного имиджа ЕАЭС можно выделить работу первой евразийской молодежной медиашколы, проходившей 24–29 марта 2019 года в Минске. Данный проект был организован ЕЭК совместно с Фондом поддержки публичной дипломатии им. А. М. Горчакова, Центром исследований вопросов союзной интеграции и Центром изучения перспектив интеграции. Целью данного проекта для молодых журналистов стал поиск путей совершенствования медиапространства в странах ЕАЭС и странах-партнерах, подключение региональных СМИ к освещению евразийской интеграции [12]. По словам заместителя Департамента развития интеграции ЕЭК Гоар Барсегян: «Евразийская интеграция открывает все больше перспектив и возможностей для граждан и бизнеса, поэтому потребность в доступной и понятной информации о Союзе растет» [13].

В рамках проведения 25–27 сентября 2019 года в г. Бишкек IV Международного выставочного форума «Евразийская неделя» прошла «Школа молодого лидера ЕАЭС». Деятельность данной школы была направлена на укрепление сотрудничества молодежи стран-участниц, повышение образовательного уровня молодого поколения, были представлены образовательные программы вузов ЕАЭС [7].

В 2019 году был создан Молодежный совет при ЕЭК. Молодежный совет – это добровольное объединение должностных лиц и сотрудников ЕЭК, созданное в 2019 году. Его цель – популяризация идеи евразийской интеграции, развитие молодежного сотрудничества в рамках ЕАЭС, в том числе путем осуществления взаимодействия с молодежными объединениями государственных органов стран Союза, другими молодежными организациями государств-членов и третьих стран. Молодежный совет ЕЭК наладил тесное взаимодействие с ключевыми партнерами – Советом молодых дипломатов МИД России, Росмолодежью, Ассоциацией молодежных правительств РФ, Молодежным парламентом при Государственной Думе ФС РФ и другими организациями. В сентябре 2019 года совместно с Росмолодежью участники Молодежного совета организовали бизнес-игру «Сделано в ЕАЭС: Евразийский бренд на глобальном рынке», в которой приняло участие более 50 студентов и молодых специалистов. Бизнес-игра состоялась в рамках деловой программы Международного молодежного форума «Евразия Global», который проходил в Оренбурге со 2 по 8 сентября 2019 г. Бизнес-игра

была отлично воспринята участниками. В дальнейшем планируется продолжать проводить такие мероприятия, в том числе на площадках других государств ЕАЭС. Наиболее масштабная инициатива Молодежного совета – проект «Наши герои», посвященный празднованию 75-летия Победы в Великой Отечественной войне. В рамках проекта участники собрали фотографии и истории более 300 родственников сотрудников, принимавших участие в войне. Экспозицию можно посмотреть в штаб-квартире Комиссии и на сайте [14].

Имеющиеся достижения и предлагаемые инициативы должны доводиться до сведения не только экспертов, но и широкой общественности, используя возможности Интернет. Осваивая новые сферы и направления взаимодействия, необходимо информировать население, формировать положительное общественное мнение не только граждан стран участниц, но и граждан других государств, заинтересованных в более тесном сотрудничестве, уделяя особое внимание молодежи. Гуманитарное сотрудничество предполагает взаимодействие на межгосударственном уровне и бизнеса, и науки, и культуры, и СМИ. И это не только проведение выставок или обмен студентами, современные реалии требуют применения новейших технологий, чтобы привлечь, прежде всего, молодых людей, реализуя интересные для этой возрастной группы формы сотрудничества. Для повышения интереса молодежи необходимо заинтересовать и предложить более привлекательный образ будущего этого интеграционного объединения. И, прежде всего, делать это с использованием современных технологий искусственного интеллекта, например, электронное правительство, умные города, зеленая энергетика и другие ноу-хау [7].

Налаживание межвузовских связей и обмена студентами, совместные научные программы будут способствовать повышению академической мобильности и интересу молодых людей к Союзу. Важной при этом может стать реализация профильных образовательных программ бакалавриата и магистратуры. В связи с этим хотелось бы упомянуть совместную с вузами стран-участниц Союза магистерскую программу Томского государственного университета «Евразийская интеграция: политика, право, торгово-экономическое взаимодействие», которая является частью сетевых программ двойного магистерского диплома, магистерская программа «Евразийская экономическая интеграция», реализуемая на базе

факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ. Также исследователями и экспертами предлагается создание Евразийского сетевого университета как объединение вузов государств-членов, который станет мотором сотрудничества с научным сообществом и позволит вовлечь молодых людей в исследовательские проекты в рамках ЕАЭС. Совместное научно-образовательное сотрудничество должно быть направлено на создание инновационного продукта в процессе реализации научно-технических программ среди студентов стран ЕАЭС [7].

Кафедра международного права ЕНУ им. Л.Н. Гумилева также вносит свой вклад в развитие гуманитарного сотрудничества в области послевузовского образования. Кафедра реализует программу двойного диплома. С 2009 года ведется программа «двойного диплома» в рамках Сетевого университета СНГ, предусматривающая совместную с РУДН, МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА), с 2014 г. – МГИМО (Университет) МИД Российской Федерации подготовку магистров по международному праву. В 2019 г. начата программа двойного диплома с Казанским (Приволжским) федеральным университетом, в 2021 г. – с Академией государственного управления при Президенте Республики Таджикистан. В 2021 году между Институтом международного права и международных отношений Киргизской государственной юридической академии (Бишкек, Киргизия) и кафедрой международного права Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г. Нур-Султан, Казахстан) было заключено Соглашение о совместной подготовке магистров по направлениям подготовки 7М04202-«Международное право» (ЕНУ им. Л.Н. Гумилева) и 530500-«Юриспруденция», профиль «Международное право, Европейское право» (КГЮА).

Кафедра работает по плану изданий учебников и учебных пособий по различным отраслям и направлениям международного права. В магистратуре действуют ОП по международному праву (с 2003 г.) и интеграционному праву (с 2014 г.). В рамках ОП Интеграционное право, профессорско-преподавательский состав кафедры принял участие в подготовке учебника для бакалавриата, специалитета, магистратуры и аспирантуры «Международная интеграция и интеграционное право» (2017).

На кафедре реализуются фундаментальные исследования с участием зарубежных исследователей – «Анализ взаимодействия договорных органов ООН со странами ОЭСР и ЕАЭС в целях

адаптации в Казахстане мирового опыта выполнения международно-правовых обязательств и сохранения национальной специфики в процессе модернизации законодательства» (научный руководитель проф. Абайдельдинов Е.М., от РУДН участвуют Абашидзе А.Х., Конева А.Е.), «Вклад Республики Казахстан в совершенствование национального и международно-правового режима контроля за ракетными технологиями и использование космических технологий в мирных целях» (научный руководитель PhD Куликпаева М.Ж., начальник отдела международно-правового законодательства и сравнительного правоведения ИЗ РК). Кафедра взаимодействует ведущими российскими вузами, кафедрами международного права – РУДН, МГЮУ им. О.Е. Кутафина, МГИМО (Университет) МИД Российской Федерации, Казанского (Приволжского) ФУ, Бакинского государственного университета, Ташкентского государственного юридического университета, Киргизского национального университета им. Жусупа Баласагына, Казахского национального университета им. аль-Фараби.

Со вступлением в силу Договора о ЕЭАС трудящимся государств-членов гарантировано прямое признание документов об образовании. Договор о Союзе в данном случае закрепил право работодателя на признание документов об образовании, которое было ранее закреплено в ряде соглашений, заключенных между правительствами стран ЕАЭС на двусторонних и многосторонних уровнях [15]. Таким образом, в целях осуществления гражданами стран Союза трудовой деятельности признаются документы об образовании, выданные образовательными организациями государств-членов, без проведения установленных законодательством государства трудоустройства процедур признания документов об образовании [16]. Положения Договора о Союзе, гарантирующие прямое признание документов об образовании для целей трудоустройства, должны способствовать более свободному перемещению трудовых ресурсов в ЕАЭС, что, в свою очередь, приведет к созданию общего цивилизованного рынка труда на пространстве Союза. При этом трудящиеся, претендующие на занятие педагогической, юридической, медицинской или фармацевтической деятельностью в другом государстве-члене, могут быть допущены к этим видам деятельности в соответствии с законодательством государства трудоустройства. Это значит, что они должны проходить установленную законодательством государства

трудоустройства процедуру признания документов об образовании [16].

Научно-техническое и инновационное сотрудничество с целью создания новейших «прорывных» технологий в рамках ЕАЭС должно проходить с привлечением молодых людей. Новому поколению людей легче освоить новейшие технологии и использовать их в новых условиях работы бизнес-субъектов и цифровизации экономики, например, при создании цифровых платформ для бизнес-проектов, что важно в условиях развития цифрового рынка ЕАЭС. Необходим переход от конкуренции стран к их взаимовыгодной кооперации и при этом полезными могут стать усилия молодых специалистов, например, посредством создания платформы ЕАЭС «Молодые предприниматели». Новые форматы научно-образовательного взаимодействия должны включать и привлечение крупных компаний для активизации механизмов государственно-частного партнерства. Создание совместных центров научной молодежи по передовым технологиям с предоставлением им стажировок и полевых исследований в различных странах, используя возможности всех участников ЕАЭС. Для реализации таких проектов (отправить за рубеж молодых специалистов на профильные конференции, на стажировку в крупные компании и т.д.) необходимо стимулировать инвестиции бизнес-структур в молодых ученых и специалистов [7].

В рамках Департамента развития интеграции ЕЭК ежегодно проходят школы для молодых экспертов, ученых и журналистов, представители Комиссии принимают активное участие в различных научно-практических конференциях и форумах, проводят лекции для студентов высших учебных заведений государств Союза. Хотя, проанализировав тематику проводимых лекций, отметим, что, все они были посвящены исключительно вопросам экономики. На данных мероприятиях обсуждаются и актуальные теоретические и практические вопросы развития гражданской молодежи, а также механизмы мобилизации интеллектуального и творческого потенциала молодого поколения для решения общественно значимых задач. И для этого надо поддерживать инициативы в гуманитарной сфере и активно использовать форматы публичной дипломатии. Выступления с лекциями в вузах стран-участниц, проведение конференций, спартакиад и других мероприятий направлены на то, что молодые люди, строя свою профессиональную карьеру,

связывали бы её с данным объединением. При проведении подобных мероприятий полезным, на наш взгляд, является то, что помимо повышения образовательного уровня молодежи представляется возможность поиска и реализации молодежных инициатив, а также определение перспектив по трудоустройству. В поисках работы молодые люди часто перемещаются по странам-участницам. Высокая мобильность населения зависит от защиты трудовых прав и созданных условий, в которых есть возможность быстро адаптироваться и интегрироваться в стране трудоустройства [7].

1 июля 2021 года в странах Евразийского экономического союза была введена в эксплуатацию «Унифицированная система поиска «Работа без границ» – первый совместный цифровой проект на евразийском пространстве. Это международная поисковая система, которая предоставляет доступ к информации о свободных рабочих местах и соискателях вакансий, содержащихся в информационных системах государств-членов в сфере трудоустройства и занятости. Проект направлен на обеспечение взаимодействия рынков труда в рамках Союза с помощью цифровых инструментов, расширение функционала национальных информационных систем за счет добавления возможностей для поиска резюме и вакансий по всем странам ЕАЭС. В проекте «Работа без границ» участвуют уже действующие системы из пяти стран-участниц ЕАЭС: информационная система по поиску работы и подбора персонала «Горц» <http://workforall.am> (Республика Армения), информационный портал государственной службы занятости <http://gsz.gov.by> (Республика Беларусь), информационный портал «Работа» – электронная биржа труда Министерства труда и социальной защиты населения Республики Казахстан <https://www.enbek.kz/>, информационный портал «Занятость» Информационной системы рынка труда Министерства труда и социального развития Кыргызской Республики <http://www.zanyatost.kg>, информационная аналитическая система – общероссийская база вакансий «Работа в России» <https://trudvsem.ru/> (Российская Федерация). Информационные системы государств-участников проекта взаимодействуют между собой посредством типового программного обеспечения (интегрированного в национальные информационные системы), уникального унифицированного интерфейса и методов API. Воспользоваться унифицированной системой поиска «Работа без границ» можно после авторизации в этих национальных

информационных системах. Пользователям системы (соискателям вакансий и работодателям) будет предоставлена возможность выбора одного или нескольких государств Союза, где требуется осуществить поиск работы или подбор персонала, получить доступ к информации о вакансиях и соискателях, содержащейся в национальных информационных системах, а также интерактивно взаимодействовать с соискателем и работодателем [17].

Таким образом, расширение связей в гуманитарной сфере, прежде всего, среди молодежи позволит укрепить конструкцию ЕАЭС в будущем. К экономической направленности дополнительные возможности дает сближение построения гражданского общества в странах-участницах, сотрудничества в сфере науки и образования, проведении культурных мероприятий, реализации совместной молодежной политики. Гуманитарное взаимодействие позволит сохранить исторически сложившиеся человеческие связи народов, раскрыть новые возможности сближения образовательного, научно-технического, культурного уровней стран ЕАЭС. Тенденцией полноценного развития ЕАЭС должно стать включение гуманитарного сотрудничества в его нормативно-правовую базу [7].

Стоит отметить, что в рамках Союза развиваются гуманитарные связи на двусторонней основе, к примеру, учреждение филиала Российского центра науки и культуры в Алматы или Казахстанского культурно-делового центра в г. Москва. Полагаем, что подобные связи должны развиваться на уровне всех стран ЕАЭС [7].

Активное подключение молодежи, прежде всего, из стран ЕАЭС, к различным гуманитарным проектам позволит создать благоприятные условия для будущего этой организации. Гуманитарное сотрудничество способно усилить эффект кооперации и коммуникации между людьми, а использование в этих целях новейших технологий позволит заинтересовать и молодежь. Молодые специалисты могли бы стать активными участниками площадок для диалога и продвижения целей цифровой трансформации [7].

Отметим, что гуманитарное сотрудничество, особенно с привлечением молодых граждан ЕАЭС, заложит тот необходимый фундамент, который будет способствовать эффективному интеграционному процессу. Однако различные гуманитарные проекты хоть и реализуются, но слабо освещаются в СМИ. Поэтому уделить должное внимание формированию положительного общественного мнения об этой организации, в первую очередь, среди

молодежи, представляется крайне важным. Дальнейшее активное проведение мероприятий, подобных выше рассмотренным, позволит укрепить интеграционные тенденции на евразийском пространстве. Информирование граждан разных стран о деятельности ЕАЭС не только, например, в сфере торговли и инвестиций, а и образовательных или культурных программах, на наш взгляд, будет способствовать формированию позитивного общественного мнения о ЕАЭС среди населения разных стран, привлекая внимание, прежде всего, молодых людей. Необходимо проводить популяризацию идеи евразийской интеграции и активную информационную кампанию о деятельности ЕАЭС, достигнутых результатах, перспективах и ближайших проектах. Как было отмечено, положительный эффект будет достигнут на основе механизмов публичной или общественной дипломатии с вовлечением широких слоев граждан, в первую очередь, молодежь [7].

Гуманитарное сотрудничество является одним из центральных направлений в современной системе международных отношений. В государствах-членах ЕАЭС также существуют гуманитарные связи, которые способствуют интеграции. По многим направлениям государства взаимодействуют также и в рамках СНГ. Вместе с тем полагаем, что в рамках ЕАЭС создаются условия для углубления уже существующих связей и создания новых направлений сотрудничества. Проведение совместных мероприятий и проектов с участием представителей ЕЭК способствует пониманию целей и задач евразийской интеграции.

Список использованных источников

1. Евразийский экономический союз // <http://www.eaeunion.org/#about>
2. Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС от 6 декабря 2018 года // https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01420213/ms_10122018
3. Шамахов В.А. Социальное и гуманитарное сотрудничество: опыт и перспективы // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020, №1(31). С. 31-35. // <https://www.eijournal.ru/jour/article/view/773/256>
4. Соглашение о гуманитарном сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств от 26 августа 2005 года // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/H050000314>
5. Молодые лидеры ЕАЭС: новые образовательные возможности и идеи создания евразийских брендов // <https://globalcentre.hse.ru/news/309047145.html>

6. О деятельности Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств - участников СНГ // http://www.mfgs-sng.org/local/images/mfgs/o_deyatelnosti_mezhgosudarstvennogo_fonda_gumanitarnogo_sotrudnichestva_gosudarstv.pdf

7. Кузнецова Е. В. Гуманитарное сотрудничество молодежи ЕАЭС как ресурс евразийской интеграции // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. 2019. №2-2. // <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanitarnoe-sotrudnichestvo-molodezhi-eaes-kak-resurs-evraziyskoj-integratsii>

8. Егоров В.К., Комлева В.В., Жуликова О.В., Фраттини Ф. Международное гуманитарное сотрудничество на евразийском пространстве // https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3732331

9. Евразия – это мы! // <https://mgimo.ru/about/news/social/261423/>

10. III Международная модель ЕАЭС в Высшей школе экономики // <https://cceis.hse.ru/news/213313633.html>

11. XIV международная конференции «Евразийская экономическая интеграция» // <https://eabr.org/press/conference/xiv-mezhdunarodnoy-konferentsii-evraziyskaya-ekonomicheskaya-integratsiya/#tab-0>

12. Евразийская молодёжная медиашкола в Минске // <https://www.eurasian-partnership.org/post/%D0%B5%D0%B2%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%>

13. Выпускники первой евразийской молодежной медиашколы и их наставники: «Проект востребован!» // <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/03-04-2019-4.aspx>

14. Евразийская интеграционная повестка становится молодежной // <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/04-12-2020-9.aspx>

15. Соглашение между Правительством Республики Беларусь, Правительством Республики Казахстан, Правительством Кыргызской Республики, Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и званиях от 24 ноября 1998 г.; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и званиях от 27 февраля 1996 г.; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о взаимном признании документов об образовании, ученых степенях и ученых званиях от 15 сентября 2001 г. и др.

16. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. // <http://pravo.eaeunion.org/SESSION/PILOT/main.htm>

17. Проект «Работа без границ» стартовал в ЕАЭС // <https://eec.eaeunion.org/news/proekt-rabota-bez-granic-startoval-v-eaes/>

Прямой эффект норм ВТО

Исполинов Алексей Станиславович

ispolinov@inbox.ru

д.ю.н., профессор кафедры международного права
МГУ им. М.В. Ломоносов, Москва, РФ

Каждое государство, вступающее в ВТО, должно для себя решить вопрос о возможности для частных лиц (включая и компании из других стран) оспорить любую внутреннюю меру не в ОРС ВТО, а в национальных судах этого государства, ссылаясь при этом на ее противоречие обязательствам ВТО и прося суд применить для разрешения спора норму права ВТО, а не норму национального права. Другим требующим ответа является вопрос о возможности для частных лиц требовать возмещения ущерба, причиненного либо применением внутренней меры, которая была признана ОРС ВТО как несоответствующая праву ВТО, либо задержкой (или отказом) со стороны государства исполнить это решение ОРС. Сразу оговорюсь, что для ответов на эти вопросы будет использован уже устоявшийся в зарубежной научной литературе термин «прямой эффект» (direct effect), под которым понимается как раз случаи, когда частные лица используют не применимые положения национального законодательства, а нормы международного договора (в данном случае нормы соглашений ВТО) для обоснования своей позиции при рассмотрении спора в национальном суде. В свою очередь национальный суд применяет именно эти нормы международного договора для разрешения спора, в том числе и при обжаловании внутренних нормативных актов.

Надо сразу отметить, что позиции российских судов и Суда ЕАЭС по этой проблематике до недавнего времени не отличались четкостью и внятностью. Но вот решение коллегии по административным спорам ВС РФ по делу ООО «ПРОММЕТ» вполне может ознаменовать новую страницу в этих вопросах. Впервые на уровне ВС РФ предпринята попытка сформулировать отношение к прямому эффекту норм права ВТО в российском правовом порядке, а конкретно к возможности оспорить принятый нормативный акт (в данном случае Постановление Правительства

РФ) на основе его противоречия одному из пунктов Протокола о присоединении России к ВТО.

Согласно п. 1 ч. 4 ст. 2 закона «О Верховном Суде Российской Федерации» ВС РФ рассматривает в качестве суда первой инстанции административные дела об оспаривании нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации в случае их противоречия вышестоящим нормативным актам. Именно в рамках этой процедуры коллегией ВС по административным спорам (председатель - Романенков Н.С.) было рассмотрено заявление ООО «ПРОММЕТ» о признании недействующим пункта 13 Изменений в ставки вывозных таможенных пошлин на товары, вывозимые из Российской Федерации за пределы государств – участников соглашений о Таможенном союзе, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2020 г. N 2364.

По мнению заявителя, оспариваемые им положения не соответствуют части V Перечня CLXV уступок и обязательств по товарам (далее – Перечень CLXV), являющегося Приложением I к Протоколу о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению о создании ВТО. Таким образом, Правительство РФ нарушило принятое Россией в рамках соглашения Всемирной торговой организации обязательство по сохранению ставок вывозной таможенной пошлины на отходы и лом черных металлов на уровне, не превышающем ставки, установленные соответствующими строками столбца «Ставка пошлины по окончании переходного периода» таблицы, приведенной в части V Перечня CLXV.

Однако для начала напомним, как проблема применения норм ВТО решается другими странами. Абсолютное большинство придерживается запрета на такое применение норм ВТО, решая этот вопрос на законодательном уровне либо через соответствующие разъяснения высших судов. По первому пути пошли США. В статье 102 Акта о соглашении Уругвайского раунда (Uruguay Round Agreement Act) говорится, что ни одно лицо, кроме самих США, не может основывать свои исковые требования или строить свою защиту в судах США, исходя из любых положений соглашений ВТО, и не может оспаривать на основе норм ВТО ни одно положение внутренних актов, а также действие или бездействие любого правительственного органа [1]. Позиция ЕС в отношении права ВТО была сформирована в целом ряде решений Суда ЕС во многом с

учетом происходивших в то время торговых конфликтов между ЕС и США. Наиболее развернутое обоснование отказа признать прямой эффект права ВТО Суд ЕС привел в решении по делу C-120/06 *Fiammand Fedon* [2]. Повторив и расширив систему аргументов, сформированную при принятии решения по делу C-149/96 *Portugal v. Council* [3], Суд ЕС занял весьма жесткую позицию, заявив, что соглашения ВТО не предоставляют частным лицам какие-либо права, на которые они могли бы ссылаться в судах ЕС. Поэтому частные лица не могут требовать в судах ЕС ни признания акта ЕС незаконным на основании его противоречия праву ВТО, ни возмещения ущерба на основании невыполнения Европейским союзом решения ОРС ВТО. Суд ЕС считает, что Соглашения ВТО обладают значительной спецификой — они предлагают широкое поле для поиска компромисса, для торга между государствами на любой стадии разрешения возникших между ними разногласий. В этих условиях суды ЕС не считают возможным вмешиваться и ограничивать свободу маневра органов исполнительной и законодательной власти ЕС [4].

Применительно к Соглашениям ВТО и механизму разрешения споров в рамках ВТО отмечаемая всеми национальными судами других стран-членов ВТО их специфика состоит в абсолютно сознательно заложенной вилке для решения вопроса об исполнении какой-либо нормы ВТО либо решения по спору, вынесенного в рамках ОРС ВТО. Эта вилка выглядит следующим образом: (а) исполнение как наиболее предпочтительный вариант, (б) неисполнение с выплатой согласованной компенсации (попросту говоря, можно откупиться), (в) неисполнение без компенсации, когда договориться не получается [5]. Тогда нужно понимать, что за этим могут последовать санкции, но и здесь возможен компромисс на любой стадии спора. Именно из этого сегодня исходят практически все государства – участники ВТО, но они предприняли шаги для исключения национальных судов из этого процесса. Для чего они это сделали? Чтобы ни у кого не возникло соблазна решить торговый спор вне рамок ВТО, используя для этого национальные суды.

Однако в практике российских судов до сих пор не было устоявшегося мнения по этому вопросу. В своем определении от 6 ноября 2014 года КС РФ отказался рассматривать вопрос о соответствии положений ГК нормам соглашений ВТО, равно как и уклонился от рассмотрения вопроса о прямом эффекте норм ВТО [6].

Тем более интересна логика, которую избрала коллегия ВС по административным делам. Для начала коллегия заявила, что «согласно пункту "b" части 3 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования». Это дает основание предположить, что дальнейшие рассуждения коллегии основаны именно на последующей практике государств по их применению соответствующих положений ВТО.

Коллегия отметила, что суд при рассмотрении административного дела об оспаривании нормативного правового акта проверяет его на предмет соответствия иному нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу. Доводы истца, по сути, сводятся к установлению факта выполнения Российской Федерацией своих обязательств в рамках ВТО (очевидно, исходя из того, что **Протокол о присоединении является международным договором, ратифицированным Россией, что должно ставить его выше постановления Правительства**).

По мнению Коллегии, доводы истца о противоречии оспариваемых положений нормативного правового акта пункту 1 статьи 38 Закона Российской Федерации «О таможенном тарифе», согласно которому, если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем те, которые содержатся в указанном Законе, применяются правила международного договора, **основаны на неправильном толковании норм материального права.**

Коллегия отмечает, что основной принцип функционирования системы ВТО состоит в том, что члены организации всегда могут согласовать друг с другом возможность отступления от своих обязательств (их неисполнения), при этом такие договоренности возможны как на многостороннем, так и двустороннем уровне. На многостороннем уровне решение о неисполнении членом ВТО своих обязательств (т.н. *waiver*) может быть принято Министерской конференцией ВТО в порядке, предусмотренном статьей IX Марракешского соглашения. Члены ВТО также могут пользоваться системой двусторонних договоренностей для достижения этих целей.

«Для установления факта неисполнения членом ВТО своих обязательств в рамках ВТО требуется соответствующее решение

третейской группы или Апелляционного органа ВТО, утвержденные Органом ВТО по разрешению споров (ОРС), или соответствующего арбитража. В случае если третейская группа или Апелляционный орган вынесли решения о неисполнении членом ВТО своих обязательств, но данное решение не было утверждено ОРС, данное решение не вступает в силу, а ответчик по соответствующему спору не считается нарушившим свои обязательства в рамках организации».

Далее следует весьма интересное толкование коллегией статьи 22 Договоренности о разрешении споров – «статьей 22 Договоренности предусмотрено право ответчика сохранять нарушающие соглашения ВТО меры в случае согласования компенсации с истцом. Более того, если стороны спора не могут согласовать такую компенсацию, ответчик имеет право на сохранение нарушения, а истец лишь получает право на эквивалентное сокращение своих уступок в отношении ответчика». Сама статья 22, конечно, не говорит о таком праве на сохранение нарушения. Мнение коллегии в данном случае является отражением преобладающего на сегодня толкования положений данной статьи, которое, как уже указывалось выше, дают национальные суды.

После этих соображений Коллегия пришла к решению отказать истцу в удовлетворении его требований. Иными словами, Коллегия посчитала, что она не вправе оценивать действия правительства на предмет соответствия обязательствам России по Протоколу о присоединении к ВТО, указав как на специфику этого договора и других соглашений ВТО, так на существование для особых процедур для этого.

Что осталось за кадром? К сожалению, без ответа остался вопрос, порождает ли Протокол о присоединении, равно как и другие соглашения ВТО, права и обязанности для частных лиц или нет, на которые они могли бы ссылаться в судах, прося суд применить норму международного договора. Ответ на это вопрос пытался дать Пятнадцатый арбитражный апелляционный суд в решении по делу № А53-29016/2013:

«Поскольку названный международный договор заключен между ВТО и государствами-участниками и **непосредственно для граждан и юридических лиц не создает субъективных прав** (в отличие от иных договоров, касающихся статуса отдельных субъектов и прав человека), апелляционный суд пришел к отрицательному выводу

относительно возможности непосредственного применения нормы пункта 1218 Доклада».

Кстати, об этом критерии говорится в абз. 3 п. 3 постановления Пленума от 10 октября 2003 года №5, что практически всегда опускается сторонниками прямого эффекта норм ВТО. А ведь применительно к соглашениям ВТО есть не только практика национальных судов других стран и Суда ЕС, которые, как уже было показано выше, заняли жестко отрицательную позицию. Есть и мнение самого ОРС ВТО. Об этом тоже не любят вспоминать, но в докладе (третейской группы по делу USA Section 301 прямо сказано, что **«ни ГАТТ, ни соглашения ВТО никогда не толковались как имеющие прямой эффект**, из чего вытекает, что ГАТТ-ВТО не создали новый правопорядок, субъектами которого являются как государства члены, так и их частные лица» [7].

Однако несмотря на это, рассуждения Коллегии, безусловно, заслуживают высокой оценки. Теперь, с учетом того, что истец обжаловал решение Коллегии, будем ждать, что скажет Апелляционная коллегия ВС РФ. Надеюсь, это станет началом новой тенденции в практике российских судов и вопрос о прямом эффекте норм ВТО будет закрыт раз и навсегда.

Список использованных источников

1. Uruguay Round Agreements Act (URAA), P. L. 103 - 46
2. ECJ, Joined Cases C-120/06 P & C-121/06 P, *Fabbrica Italiana Accumulatori Motocarri Montecchio SpA v. Council*, 2008 E. C.R. I-6513. Подробный анализ этого дела и аргументы Суда ЕС см.: Dani M. *Remedying European Legal Pluralism: The FIAMM and Fedon Litigation and the Judicial Protection of International Trade Bystanders* // *The European Journal of International Law*. 2008. Vol. 21. N 2. P. 303-340
3. ECJ, Case C-149/94, *Portuguese Republic v. Council*, 1999 E. C.R. I-08395
4. John Errico. *The WTO in the EU: Unwinding the Knot* // *Cornell International Law Journal* 2011 vol. 44 No 1 pp. 179-208 Marco Bronckers *From “Direct Effect” to “Muted Dialogue”*: Recent Developments in the European Courts’ Case Law on the WTO and Beyond // *Journal of International Economic Law*, 2008 , Volume 11, No.4pp. 885 –898.
5. Charnovitz S. *The Enforcement of WTO Judgments* // *The Yale Journal of international law*. 1999. Vol. 34. P. 560
6. Определение КС РФ от 6 ноября 2014 по запросу Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда о проверке конституционности пункта 3 статьи 1244 Гражданского Кодекса Российской Федерации

УДК 341.1/8

Правовые средства привлечения иностранных инвестиций в авто- и агро-машиностроительный сектор Республики Казахстан при содействии ЕАЭС

Сарсембаев Марат Алдангорович

daneker@mail.ru

д.ю.н., профессор, главный научный сотрудник КГ «Болашак»,
профессор кафедры международного права
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан

В своем докладе мне хотелось бы обратить внимание на то, что машиностроение можно определить как совокупность отраслей промышленности страны, в рамках которых изготавливают средства производства, различные виды транспорта, разнообразные сельскохозяйственные машины и оборудование. В соответствии с классификатором видов экономической деятельности предприятия (заводы) машиностроительного комплекса, в том числе транспортного и аграрно-технического машиностроения, находятся в группе *обрабатывающих* производств. Председатель ЕАЭС 2021 года Президент Республики Казахстан К.К. Токаев считает необходимым наполнить более существенным содержанием промышленно-цифровое, машиностроительное сотрудничество стран-членов ЕАЭС. В обрабатывающей промышленности Казахстана находятся более 16000 предприятий, из них 1028 являются *машиностроительными* предприятиями. В составе машиностроительных предприятий функционируют следующие 5 крупных автозаводов: «АО Группа компаний AllurAuto» (г. Алматы), «СарыаркаАвтоПром» (г. Костанай), «Астана Моторс» (г. Алматы), «КАМАЗ –Инжиниринг» (г. Кокшетау), СемАЗ (г. Семей (Семипалатинск), а также 6 заводов сельскохозяйственного машиностроения: «Агромашхолдинг KZ» (г. Костанай), Костанайский тракторный завод, «Казрост» (г. Кокшетау), «Беларус» (ВКО), «Ловол», «Кировец» (г. Костанай). В машиностроительный

комплекс многих стран, в том числе Республики Казахстан, суммы поступлений иностранных инвестиций относительно невелики. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что иностранные инвесторы особо выделяют предприятия (заводы) автомобилестроения. Приток иностранных инвестиций в предприятия машиностроительного комплекса Республики Казахстан в 2020 году составил 294,5 миллиарда тенге или 796 миллионов 733 тысячи 400 долларов. Рост иностранных инвестиций происходит в основном за счет предприятий автомобилестроения.

Объем производства в машиностроительной сфере по итогам 2020 года составил 1 807,4 миллиарда тенге. При этом доля всех предприятий машиностроения в рамках обрабатывающей промышленности составляла 14 процентов, в составе всей промышленности республики – 7 процентов. Объем производства в машиностроительной отрасли в первые 4 месяца (январь-апрель) 2021 года составил 648,2 миллиарда тенге, что было на 25, 4 процента больше по сравнению с аналогичным периодом 2020 года, поскольку объем производства предыдущего 2020 года составил 517,1 миллиарда тенге (<https://smkz.kz/o-soyuze-2/>). Часть этого объема составлял объем автопроизводства и производства специализированных машин для сельского хозяйства республики.

Теперь, когда мы определились с понятием «машиностроение», необходимо вникнуть в понятия «иностранные инвестиции», дать им соответствующую классификацию и определить те или иные понятия «инвестиций». Под иностранными инвестициями понимают капитальные вложения, средства, которые инвестор вывозит из одной страны и вкладывает в те или иные виды предпринимательской деятельности в другой стране в целях извлечения прибыли. По формам собственности на вкладываемые ресурсы иностранные инвестиции могут быть классифицированы на три группы: частные, государственные, смешанные. Частные или негосударственные инвестиции представляют собой средства частных инвесторов-предпринимателей, которые они вкладывают в соответствующие объекты инвестирования, находящиеся за пределами той или иной конкретной страны. Государственные инвестиции - это средства, находящиеся в приходной части государственного бюджета страны, которые направляются в ту или иную страну, за рубеж согласно решению правительственных органов данной страны. Эти средства могут называть государственными займами, кредитами, грантами,

государственной помощью. Смешанными иностранные инвестиции называются потому, что они в смешанном виде состоят из капитальных вложений государства и частного инвестора (частных инвесторов), которые направляются за рубеж и осуществляются в рамках, как правило, одного проекта.

Если исходить из характера использования иностранных инвестиций, то мы можем подразделять их на два класса: на ссудные и предпринимательские. Ссудные инвестиции – это средства, предоставляемые на заемной основе, что подразумевает получение инвестором соответствующего процента. Предпринимательские инвестиции связаны с внесением прямо или косвенно капиталовложений в разнообразные виды бизнеса, в том числе транспортно-промышленный бизнес, в связи с чем инвестор рассчитывает получить те или иные права по извлечению прибыли, которую обычно называют дивидендом. Когда инвестор вносит прямые иностранные инвестиции в экономику соответствующей страны, то он вправе рассчитывать на получение права на контроль и реальное управление заводом, предприятием той страны, в экономику которой он вложил свои инвестиции. ЮНКТАД прямые иностранные инвестиции характеризует как зарубежные капиталовложения, на основе которых выстраиваются долговременные правоотношения между партнерами, в рамки которых вовлекаются инвестор или материнская компания одной страны. Этот партнер на договорно-правовой основе осуществляет контроль за хозяйствующим субъектом, функционирующим в принимающей стране. Это означает, что в ходе осуществления контроля за этим хозяйствующим субъектом он должен обеспечить приобретение иностранным инвестором соответствующего пакета акций компании, предприятия, куда он вкладывает свой капитал, размер которого должен быть не менее 10-20 процентов от суммарной стоимости акционерного капитала предприятия-реципиента. Иностранный партнер должен проконтролировать, что реинвестирование прибыли от деятельности данного предприятия должно соответствовать доле инвестора в акционерном капитале. При внесении портфельных инвестиций иностранные инвесторы рассчитывают получить не право контроля за деятельностью предприятия, а определенный доход. Как регламентировано положениями ЮНКТАД, портфельные инвестиции в отличие от прямых инвестиций означают вложения в покупку акций. Эти акции не дают право этим покупателям акций влиять на

деятельность компании, предприятия, к тому же купленные акции составляют, как правило, не более 10 процентов от общего объема акционерного капитала компании. К портфельным инвестициям могут быть отнесены вложения зарубежного инвестора в государственные и местные ценные бумаги, облигации, векселя, иные долговые обязательства.

Опыт продвинутых в автомобилестроении стран показывает, что проблемы, связанные с инвестициями, не могут быть решены только самими предприятиями. Цели устойчивого развития заводов автотранспортного и сельскохозяйственного машиностроительного комплекса достигаются только совместными усилиями заводов и государства, в нашем случае, казахстанского государства.

В течение периода независимости Казахстана законодательным стержнем инвестиционного обеспечения экономики страны были законы об иностранных инвестициях, об инвестициях от 27 декабря 1994 года, от 28 февраля 1997 года, от 8 января 2003 года, последовательно сменявшие друг друга и вносящие немалый вклад в развитие экономики республики. В настоящее время вопросы инвестиционного вложения в экономику Республики Казахстан нашли свое законодательное оформление в соответствующих статьях Предпринимательского кодекса Республики Казахстан от 29 октября 2015 года (статьи 251, 262, 269, 273-296-2, 314-317).

Машиностроительная отрасль, включающая в себя транспортное и агротехническое машиностроение, получает подпитку от капиталовложений согласно соглашениям о двустороннем инвестиционном сотрудничестве Республики Казахстан с 47 зарубежными государствами, Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (приложения 15 и 16 об осуществлении инвестиций). Но этого недостаточно для полноценного и динамичного развития авто- и аграрно-машиностроительного сектора Казахстана. В этой связи целесообразно продумать специализированные организационно-правовые средства привлечения как можно большей массы инвестиций зарубежных стран в экономику заводов транспортного и сельскохозяйственного машиностроения.

Чем больше могут продать произведенную продукцию заводы внутри Казахстана и за его пределами, тем больше увеличиваются суммы в виде инвестиций для выпуска последующей продукции. Так, в машиностроительной отрасли в январе-марте 2021 года «в 2, 2 раза

вырос экспорт свинцовых аккумуляторов, на 12 процентов вырос экспорт арматуры, однако, сократился экспорт транспортных средств с двигателем внутреннего сгорания с искровым зажиганием и с возвратно-поступательным движением поршня – на 75,4 процента, тележек и осей для железнодорожного транспорта – на 44,6 процента, подшипников с цилиндрическими роликами – на 37,5 процента» (<https://smkz.kz/o-soyuze-2/>). Надо продумать причины такого сокращения, устранить их с тем, чтобы вывести экспорт на надлежащий уровень, поскольку не только пандемия коронавируса привела к таким сокращениям экспорта.

Сегодня и в развитых, и развивающихся странах государство оказывает солидную финансовую поддержку транспортному, особенно автомобильному, машиностроению. В начале 20 века Генри Форд как первопроходец автопрома не мог рассчитывать на помощь государства. Тем не менее в 1914 году он повысил рабочим заработную плату до 5 долларов в день: такие деньги позволяли ему (рабочему) накопить и купить авто после 16 недель работы (или 4-х месяцев). Тем самым создавалась благоприятная обратная связь, которая содействовала созданию общества массового потребления. Говоря другими словами, Г.Форд для дальнейшего продвижения своего автопроизводства создавал инвестиционную «подушку» из заработной платы своих рабочих, которые покупали ими же произведенные автомобили. Было бы неплохо присмотреться к этому опыту и что-то полезное извлечь из него с учетом финансовых особенностей сегодняшнего дня.

Нужно иметь в виду, что глобализация мирохозяйственных связей последовательно повышает роль иностранных инвестиций в виде источника финансирования экономической деятельности как отдельной страны, так и всего мира. Привлечение иностранных инвестиций в значительной степени зависит от благоприятности инвестиционного климата страны, которая хотела бы получать такие инвестиции. В частности, условия режима промышленной сборки в той или иной стране стали средством привлечения инвестиций автоконцернов развитых стран в Казахстан. Снижение ставок пошлин, нулевые ставки на ввоз автокомпонентов пробудили интерес у этих концернов, поскольку это обстоятельство открывало для них новые привлекательные возможности производства легковых автомобилей на территории соответствующей страны. Но эта льгота слабо стимулировала их к созданию предприятий по производству

автодеталей. К тому же требовалось последовательное увеличение уровня локализации как минимум до 30 процентов.

Существенной стороной юридической конструкции соглашения о промышленной сборке автомобилей других стран являются его принципы, которыми должна руководствоваться принимающая сторона. Чтобы иностранные инвестиции, приходящие в страну вследствие этого соглашения приносили принимающему государству и компании реальную прибыль, нужно, чтобы принимающий автокомпоненты автозавод выпускал в год не менее 300 тысяч авто, а также обеспечивал уровень локализации (местного содержания) до 60 процентов. Было бы также желательно выпускать примерно 30 процентов от общего числа авто с электродвигателями казахстанского производства. Через 3-4 года надо организовать качественное осуществление штамповочных операций (технологических операций по горячей или холодной деформации металла, которому посредством штампа придают необходимые формы и размеры).

То, что соглашение о промышленной сборке автомобилей имеет инвестиционную составляющую, с недавнего времени законодательно подтверждено нормами Предпринимательского кодекса Республики Казахстан от 29 октября 2015 года о том, что регулирование деятельности иностранных автопроизводителей осуществляется на основе разрабатываемого для каждого казахстанского автозавода специального инвестиционного контракта.

Регионам Казахстана можно предоставить возможность присмотреться к опыту России и ее регионов по созданию, эксплуатации заводов транспортного и сельскохозяйственного машиностроения в форме совместных предприятий. В 1997 году руководством французского автоконцерна «Renault» и правительством города Москвы было подписано генеральное соглашение о производстве и продаже автомобилей французской марки на территории России. Если на территории Казахстана автономно функционирует завод зарубежной автокомпании, это полезно с разных точек зрения, в том числе инвестиционной. Но становится еще более полезной, если на территории Казахстана работает казахстанский завод транспортного или агротехнического машиностроения в форме совместного предприятия с филиалом зарубежного автоконцерна. Подписание регионами Казахстана с зарубежными компаниями соглашений о создании совместного

предприятия не нарушает общего суверенитета страны, поскольку подписание и реализация такого соглашения происходит не в сфере международного публичного права, а в плоскости международного частного права, где другой стороной является зарубежная компания как юридическое лицо.

Центральное и региональные руководства Казахстана могли бы договариваться с зарубежными автоконцернами о вложении солидных средств в автопроизводство, в модернизацию производства на заводах сельскохозяйственного машиностроения в обмен на законодательное понижение ставки по налогу на прибыль, на полное или частичное освобождение инвестора от уплаты налога на движимое и особенно на недвижимое имущество.

Казахстан мог бы построить сам или предложить зарубежной автокомпании представить инвестиционный проект на несколько сотен миллионов евро с целью строительства центрального склада комплектующих компонентов, создания и укомплектования учителями и тренерами центра обучения механиков и создания по возможности разветвленной службы технической помощи на многих дорогах. Потребители транспортных средств приобретали бы в первую очередь автомобили и электромобили тех марок, которые будут обслуживаться практически бесплатно и в первую очередь.

Казахстанские заводы по производству транспортных средств и сельскохозяйственных машин, к примеру, «СарыаркаАвтоПром», «Агромашхолдинг KZ», могут заключать соглашения о долгосрочном инвестиционном и технологическом сотрудничестве на сотни миллионов, на 1-2 миллиарда долларов или евро. Такого рода юридическое средство оказывало бы непосредственное содействие нашим предприятиям в непосредственном получении как инвестиций, так и новейших технологий в целях дальнейшего совершенствования заводских станков, сборочных линий, конвейеров и выпускаемых ими электромобильной и беспилотной продукции.

Желая привлечь иностранных инвесторов, получить их инвестиции, руководители казахстанских заводов по выпуску транспортных и сельскохозяйственных машин в процессе переговоров могли бы обращать внимание зарубежных инвесторов на выгодное географическое положение своего завода, предприятия, на близость сбыта транспортной и сельскохозяйственной техники, на высококвалифицированный кадровый потенциал, на продуманную логистическую инфраструктуру, а также на готовность центральных

или региональных органов власти работать с зарубежными концернами и создавать для них благоприятные условия работы.

Казахстанский законодатель мог бы внести в Налоговой кодекс Республики Казахстан от 25 декабря 2017 года норму о том, что полученная прибыль иностранного партнера-предпринимателя и в дальнейшем инвестируемая в производство, налогом не облагается. Это дополнительно стимулировало бы иностранных инвесторов еще больше вкладывать свои финансовые средства в казахстанское машиностроительное производство.

В процессе обсуждения во время переговоров и подписания соглашения об инвестиционно-технологическом сотрудничестве, инвестиционного контракта представителям казахстанского транспортно-промышленного или аграрно-машиностроительного завода следует последовательно добиваться включения в текст соглашения (контракта) пункта о доведении уровня локализации (местного, казахстанского содержания) производства до 60-75 процентов. Нужно иметь в виду, что германский автоконцерн «Volkswagen» и чешская автокомпания «Skoda» не возражают против использования стекол, проводов, кабелей, деталей интерьера, штампованных деталей, подвесок, сидений и иных компонентов, произведенных в стране промышленной сборки. Чем больше будет использовано местных деталей и компонентов в собираемой в Казахстане зарубежной марки автомобиля, тем ниже ее себестоимость для казахстанского автопроизводителя и цена для потребителя. Это позволит казахстанским заводам варьировать ценами и в ускоренном темпе продавать произведенные транспортные и сельскохозяйственные машины внутри страны и в порядке экспорта за рубежом. Такой подход поднимает на качественный уровень смежные отрасли казахстанской экономики: сталелитейную, стекольную, резиновую, шинную промышленность. На заводах смежных отраслей создаются новые десятки тысяч рабочих мест. Кроме того, завод, осуществляющий промышленную сборку автомобиля или комбайна, трактора, получает возможность на основе договоров поставки в ускоренном режиме получать соответствующие компоненты местных, казахстанских заводов и фабрик. Эти компоненты будут производиться под контролем зарубежных инвесторов, поскольку они заинтересованы в поддержании высокой репутации своих брендов, и это становится залогом высокого качества этих компонентов. Казахстанские заводы

и фабрики будут ознакомлены с новейшими технологиями и могут приобретать эти технологии, а также промышленные роботы с новейшими программными приложениями.

Нужно поощрять желание зарубежных компаний транспортно-промышленного и аграрно-машиностроительного профиля на договорно-правовой основе открывать свои предприятия на территории Казахстана, создавать совместные предприятия, половина и более инвестиций в которых имеют иностранное происхождение. Такое желание нужно пробуждать казахстанскими правительственными делегациями с участием представителей транспортного и аграрного машиностроения, которые могли бы наносить визиты в такие концерны, как: «Volkswagen AG», «BMW AG», «Mercedes», «Klockner-Humboldt-Deutz» (Германия); «General Motors», «John Deere», «International Harvester» (США); «Toyota Motor Corporation» (Япония); «Hyundai Motor Group» (Южная Корея); «Fiat Chrysler Automobiles» (итальяно-американская корпорация); «Motor Corporation» (Великобритания). Тем более опыт в отношении создания совместных предприятий у Казахстана имеется. К примеру, по свидетельству торгового представителя Российской Федерации в Республике Казахстан М. Кочеткова, на территории Казахстана созданы 10 тысяч совместных предприятий, из которых 6,5 тысяч активно функционируют. Наиболее капиталоемкими, по его мнению, являются: «сборка комбайнов, тракторов и другого сельскохозяйственного оборудования, реализуемого ОАО «Ростсельмаш», «сборка и сервисное обслуживание автомобилей марки «КамАЗ» на казахстанском предприятии АО «КамАЗ-Инжиниринг», ведущаяся ОАО «КамАЗ», проект по строительству автозаправочных станций, реализуемый ПАО «Газпром нефть» (Почему Казахстану и России выгодно создавать совместные предприятия. - <https://ia-centr.ru/publications/pochemu-kazakhstanu-i-rossii-vygodno-sozdavat-sovmestnye-predpriyatiya/>). Было бы целесообразно включить в порядке дополнения в текст соглашения и в проект пункт о необходимости параллельной установки электрозарядных механизмов для электромобилей на строящихся на территории Казахстана автозаправочных станций.

В частности, сотрудниками, рабочими зарубежных заводов на территории Казахстана станут преимущественно местные жители города, где будет функционировать предприятие, часть из которых может постепенно переместиться на казахстанские заводы.

Зарубежные транспортно-промышленные компании повышают уровень квалификации местных кадров. Они это часто делают по программе дуально-профессионального образования, в процессе осуществления которой студенты изучают теорию в своем техническом вузе (колледже), а практическую деятельность проходят на рабочем месте завода. Наши кадры получают не только диплом местного вуза, колледжа, но и сертификат соответствующего транспортного концерна, которые станут залогом свободного трудоустройства на этом и других заводах машиностроения республики. Все эти и другие вопросы нужно будет оговорить в соглашениях между Казахстаном и каждым зарубежным концерном об открытии завода на территории Казахстана.

По валовым показателям приход в экономику Казахстана многомиллионных иностранных инвестиций выглядит достаточно весомо. Это видно из того, что за годы независимости страна сумела привлечь иностранных инвестиций на сумму 330 миллиардов долларов. Но нам кажется, что при оценке эффективности иностранных инвестиций надо исходить из других показателей. В частности, нужно руководствоваться более объективным показателем: количество долларов иностранных инвестиций, приходящих на каждую душу населения страны. К примеру, в Эстонии прямые иностранные инвестиции, поступившие в страну в период 1992-1998 годов, на душу населения составили 1134 доллара, в Латвии – 795 долларов, в Азербайджане – 408 долларов, в Казахстане – 325 долларов, в Российской Федерации – 106 долларов.

В странах СНГ львиная доля инвестиций приходится на топливную и пищевую промышленность - от 20 до 40 процентов от общей суммы иностранных инвестиций. А вот на машиностроение, в том числе транспортное и сельскохозяйственное машиностроение, приходится около 4 процентов. Между тем, цифровизация, роботизация и автоматизация производства транспортных средств и сельскохозяйственных машин в стране требует громадных сумм инвестиций. Для того чтобы такие инвестиции были рационально использованы, Правительству Казахстана необходимо заключить соглашение о сотрудничестве по инновационному развитию, цифровизации, автоматизации заводов промышленности, в том числе заводов транспортного и агротехнического машиностроения, с компаниями мирового уровня «Tesla Motors», «Microsoft» (США), «Samsung Electronics» (Южная Корея), «Siemens AG» (ФРГ), которые

специализируются в этих вопросах. Министерство индустрии, министерство по цифровому развитию, крупнейшие казахстанские заводы машиностроения могли бы получать высококвалифицированные консультации, закупать первоклассное оборудование для цифровизации, роботизации наших промышленных предприятий.

Для обеспечения более существенного притока инвестиций из других стран, нужно пересмотреть государственную и законодательную политику в сфере иностранных инвестиционных ресурсов. Необходимо максимально упростить, облегчить административные процедуры, пересмотреть приоритеты в части сфер приложения инвестиций с учетом предпочтительности соответствующих отраслей экономики, в том числе сельскохозяйственного и транспортного машиностроения. Стимулирующие меры должны осуществляться на законодательной основе, причем проекты законов по экономическим, инвестиционным вопросам должны публиковаться в центральной прессе не только на казахском и русском языках, но и на английском языке с тем, чтобы обеспечить максимальную транспарентность для иностранных инвесторов. Такой подход поставит заслон произволу чиновников, позволит уменьшить масштабы коррупции. Попутно заметим, что политика стимулирования иностранных инвесторов должна действовать в среднесрочной перспективе с обозначением сроков, по наступлении которых государство могло бы вносить коррективы в свои договорно-правовые отношения с иностранными инвесторами.

Прежде чем вносить свои инвестиции в казахстанскую экономику, в том числе в транспортное и сельскохозяйственное машиностроение, инвесторы тщательно изучают, насколько благоприятным является инвестиционный климат в Казахстане по сравнению с другими государствами. И чтобы у него сложилось благоприятное мнение по поводу инвестиционного климата в Казахстане, мы должны заблаговременно принять базовые меры к тому, чтобы инвестиционный климат действительно стал благоприятным. Нам нужно четко продумать, какие меры приведут к политической стабильности, и через нее к обеспечению стабильности системы правового регулирования хозяйственной деятельности по всей стране. Это нужно для того, чтобы инвестор не сталкивался с неожиданными и резкими законодательными изменениями в своей хозяйственной деятельности. Казахстанское государство своим

законодательством должно обеспечить реальную защиту собственности, в том числе прав иностранных акционеров, прав иностранных кредиторов, прав договаривающихся сторон в контрактах на поставку товаров, в том числе электромобильной, беспилотной продукции. В казахстанской законодательной системе должны быть закреплены реализуемые меры по созданию такой эффективной и транспарентной системы, которая практически исключала бы бюрократические процедуры, коррупционные проявления, содержала бы в себе ясные и четкие нормы о регулировании всех сфер экономической деятельности, в том числе деятельности в области транспортно-промышленного и аграрно-технического машиностроения. Для обеспечения инвестиционной привлекательности государство должно наметить и четко выполнять положения денежно-валютной и налоговой политики, которая обеспечивала бы устойчивость банковской системы страны, снижение налоговых ставок.

Было бы целесообразно усилить казахстанский механизм рынка ценных бумаг, совершенствовать правовое регулирование этого механизма. На это западные предприниматели обращают особое внимание. Слабость рынка ценных бумаг существенно осложняет решение вопроса о весомом инвестировании казахстанской экономики, его машиностроительной сферы. Зарубежные инвесторы не видят достаточной привлекательности инвестиционного климата в Казахстане еще и потому, что в стране нет четко созданной системы законодательного процесса. Это находит свое выражение в том, что законодательство практически во всех сферах, в том числе в машиностроительной сфере, подвергается частым изменениям, что не способствует надлежащему регулированию хозяйственной деятельности по всей стране, что не всегда положительно отражается на деятельности иностранных инвесторов. Если частые изменения в законодательстве можно объяснить новизной рыночной экономики, что требует частой адаптации законодательства, то трудно объяснить наличие многочисленных противоречий между законами, между законами и подзаконными актами, отсутствие необходимых правовых нормативных актов, что приводит к пробелам в регулировании экономической деятельности. Такого рода пробелы ведут к избранию неверных векторов движения в экономике республики, в ее инвестиционной деятельности. Отсутствие транспарентности процедур разработки нормативных актов порождает определенное

недоверие инвесторов к деятельности казахстанского правительства, руководства транспортно-машиностроительной отрасли по привлечению прямых иностранных инвестиций в последние годы.

В процессе правового регулирования иностранных инвестиционных ресурсов нужно обратить внимание на существующий в международном публичном и частном праве принцип режима наиболее благоприятствуемой нации. Он должен быть закреплен в казахстанском законодательстве как принцип равного предоставления всем государствам, компаниям, пришедшим в Казахстан с инвестиционными намерениями. Данный принцип считает недопустимым проявление дискриминации по отношению к инвесторам той или иной страны. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что в таком международно-правовом документе, как двустороннее соглашение Республики Казахстан с зарубежным государством о содействии и защите инвестиций, этот законодательный пробел восполнен. Практически во всех текстах 47 заключенных Казахстаном соглашений о поощрении и взаимной защите капиталовложений закреплены нормы о предоставлении иностранным инвестициям национального режима или режима наибольшего благоприятствования по согласованию с иностранным инвестором в каждом конкретном случае. Такая формулировка присутствует также в ратифицированных Казахстаном Договоре к энергетической хартии от 17 декабря 1994 года и Соглашении о расширенном партнерстве и сотрудничестве между Республикой Казахстан, с одной стороны, и Европейским Союзом и его государствами-членами, с другой стороны, от 21 декабря 2015 года. Привлекательность казахстанской экономики, в том числе ее транспортного и аграрного машиностроения, для иностранных инвесторов достигается за счет двусторонних и многосторонних договоров и соглашений Республики Казахстан. И все же принцип режима наибольшего благоприятствования должен быть закреплен в правовой системе Казахстана законодательно. Подкрепленный с двух сторон данный международно-правовой принцип будет более основательно содействовать его инвестиционной привлекательности и достижению целей инвестиционного сотрудничества Казахстана и других государств.

В казахстанском законодательстве можно предусмотреть норму о том, что при экспорте товаров более 60-70 процентов товаров, произведенных предприятием с иностранным участием, не

облагаются налогом на прибыль, а также освобождаются от уплаты экспортных и импортных пошлин. Если такая норма найдет свое место в казахстанском законодательстве, то ее можно использовать как дополнительный аргумент на переговорах по привлечению иностранных инвестиций, в частности, в машиностроительную сферу республики.

Для того, чтобы привлечь масштабные инвестиции в казахстанскую экономику, надо определить отраслевые приоритеты, которые надо обеспечить капиталовложениями в первую очередь. Такой отраслью, которая могла бы придать ускорение развитию не только промышленности, но и всей экономике республики, могло бы стать транспортное и сельскохозяйственное машиностроение. Именно транспорт в экономике любой страны служит ее драйвером, поскольку без передвижения сырья, материалов, товаров от одних хозяйствующих субъектов к другим, от производителей к потребителям не может функционировать любая экономика. Поскольку Казахстан в значительной мере является аграрной страной, она остро нуждается в новых и разнообразных сельскохозяйственных машинах; поскольку в стране немало малых фермерских хозяйств, то многие из этих фермеров нуждаются в мини-тракторах и мини-сельскохозяйственном оборудовании, необходимо удовлетворить их спрос. В нынешних трудных условиях нехватки продовольствия, его удорожания в связи с непрекращающейся пандемией, оказание содействия фермерам техникой, горюче-смазочными материалами в первую очередь является первоочередной задачей государства и общества. А чтобы эта отрасль могла ускоренными темпами решить эту задачу, нужно посредством отечественных и зарубежных инвестиций в срочном порядке перевести все крупные казахстанские заводы по производству транспортных и сельскохозяйственных машин на режим сплошной цифровизации и автоматизации.

Задачей государства является разработка правовой базы и проведение мероприятий по обеспечению защиты прав собственности инвесторов, в первую очередь в области интеллектуальной собственности и защиты результатов приватизации.

Возникает вопрос: к каким странам и к каким компаниям следует обращаться Казахстану, чтобы получить иностранные инвестиции для своей экономики? Нужно иметь в виду, что на планете

крупнейшими государствами-инвесторами являются США, Кипр, Германия, Великобритания, Нидерланды. Поскольку наша тема посвящена инвестициям, вносимым в сферу машиностроения, мы будем исходить из наличия в соответствующих странах производств транспорта и агротехнических машин и сумм капиталов. Из приведенного списка наибольший инвестиционный интерес у Казахстана вызывают США и Германия, поскольку они являются мощными центрами транспортного и сельскохозяйственного машиностроения, а также они среди западных государств являются наиболее развитыми в экономическом отношении странами. Следует отметить, что Казахстан имеет с США и Германией соответствующие инвестиционные договоры: договор между Республикой Казахстан и Соединенными Штатами Америки о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 19 мая 1992 года, договор между Республикой Казахстан и ФРГ о поощрении взаимной защиты капиталовложений от 22 сентября 1992 года. Казахстан должен продолжать инвестиционное сотрудничество с Южной Кореей, Японией, Россией, Швецией, Китаем, Турцией, Объединенными Арабскими Эмиратами, которое регулируется международно-правовыми нормами двусторонних инвестиционных соглашений Казахстана с этими государствами. Основываясь на приведенных двусторонних соглашениях Казахстана по вопросам инвестиций, 5 крупных автозаводов Казахстана могли бы в рамках международного частного права заключить соглашения об инвестиционном, цифровом, технологическом сотрудничестве с приведенными выше автоконcernами. Имея в виду необходимость привлечения в страну иностранных инвестиций, нужно отметить, что для этого существуют следующие фискально-правовые стимулы: предоставление налоговых каникул различной продолжительности; льготы по освобождению или снижению налога на прибыль; льготы по поводу капитальных средств, имеющие отношение к инвестиции и реинвестиции; ускоренный режим по амортизационным списаниям; предоставляемые льготы иностранным сотрудникам предприятий с иностранным участием по подоходному налогу; льготы, имеющие отношение к научно-исследовательским и опытно-конструкторским работам (НИОКР); льготы, предоставляемые при совершении внешнеторговых операций. Налоговые органы Казахстана должны определить, какие именно льготы по налогам будут наиболее предпочтительными с точки зрения иностранных инвесторов, а также

с точки зрения экономических интересов страны, чтобы чрезмерные налоговые преференции не разорили экономику республики. Такой подход дает свои плоды. Так, США в 2019 году в экономику Казахстана внесли прямых инвестиций на сумму 5,5 миллиарда долларов, Швеция внесла 2,2 миллиарда долларов, Китай – 1,7 миллиарда долларов, Россия – 1,4 миллиарда долларов. Казахстанское государство могло бы выделить в порядке инвестиции или субсидии грант на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы автозаводов, технических университетов республики, которые могли бы внести свой вклад в конструирование мощных батарей для электромобилей. И эта проблема стала сегодня одной из самых актуальных проблем.

Восстановление притока прямых иностранных инвестиций в экономику Казахстана произойдет примерно в 2022-2023 годы. По линии комитета по инвестициям министерства иностранных дел Республики Казахстан вносится предложение о внедрении нового международно-правового инвестиционного инструмента в виде соглашения об инвестициях для стратегических инвесторов между Казахстаном и соответствующим государством, которое должно содержать в себе особые условия, посредством которых предполагается использовать все инвестиционные возможности (Казанцева Т. Новый инвестиционный инструмент // Литер. Нур-Султан. – 2021. № 79 (3939). 1 июня. – С. 3). Поскольку международные инвестиционные дела вверены министерству иностранных дел, посольствам Казахстана, функционирующим в более чем 70 государствах мира, министерству индустрии и министерству по цифровому развитию, руководителям крупных заводов, выпускающих разные виды транспорта и аграрной техники есть смысл поддерживать с ними постоянную связь с целью заключения необходимых соглашений, контрактов с зарубежными концернами по цифровым технологиям и инвестициям. Кроме того, они же могут просить Совет иностранных инвесторов при Президенте страны, участников Диалоговой платформы под председательством Премьер-министра о содействии в решении инвестиционных проблем. Тем более, «несмотря на пандемию, в 2020 году было заключено 56 инвестиционных контрактов на 635 миллиардов тенге» или 1 миллиард 659 миллионов 696 тысяч долларов (Казанцева Т. Там же). Причем этот годовой показатель оказался самым высоким за последние десять лет. Таковую

инвестиционно-правовую практику следует продолжать и совершенствовать.

Казахстан мог бы использовать инвестиционно-организационные льготы, а также снимать ограничения. В своем законодательстве республика могла бы прописать норму об укоренном списании оборудования. Наличие нормы о списании компьютера только после 10 лет эксплуатации препятствует привлечению прямых иностранных инвестиций в офисы, внедрению высокотехнологических производств в республику. На пути прохождения иностранного капитала в экономику республики нужно законодательно снять ограничения в виде навязывания различных видов и типов лицензирования, получения ненужных подписей, прохождения ненужных процедур регистрации.

Международный опыт свидетельствует, что усовершенствованная правовая база государства по вопросам инвестиций, неукоснительное соблюдение норм странового законодательства является залогом масштабного притока зарубежных инвестиций в национальную экономику этого государства.

Иностранный инвестор кровно заинтересован в функционировании стабильного хозяйственного, административного законодательства страны его пребывания. Для удовлетворения этого интереса инвестора в казахстанское законодательство заложен принцип стабилизационной или «дедушкиной» оговорки, смысл которого заключается в обеспечении сохранения первоначальных в год заключения договора (контракта) правовых условий осуществления инвестиционных проектов. Предпринимательский кодекс Республики Казахстан содержит гарантии инвестора по беспрепятственной репатриации его прибыли и капитала, гарантии недопустимости отчуждения его собственности, порядок разрешения споров по вопросам инвестиций. Было бы целесообразно разработать и принять более четкие и продуманные юридические механизмы для реализации гарантий иностранного инвестора. В отношении споров, которые могут возникнуть между казахстанским государством и иностранным инвестором, надо решить вопрос о подсудности или неподсудности казахстанского государства иностранным судам. И не просто решить, но и записать это в Предпринимательском кодексе. Если государство не хочет судиться, не хочет вступать в споры с иностранным инвестором, то тогда надо решать все вопросы такими способами, которые устраивали обе стороны. Или если государство

изначально не допускает возможности судиться с партнером по договору, тогда оно изначально должно отказываться от установления договорных отношений в сфере международного частного права. Но последние события показывают, что Казахстан в этой сфере начинает руководствоваться принципом ограниченного или функционального иммунитета. Это – правильный подход. Было бы желательно дополнить Предпринимательский кодекс нормой о необходимости закрепления принципа режима наиболее благоприятствуемой нации и принципа национального режима в соглашениях между Казахстаном и иностранным инвестором по желанию последнего. Налоговый кодекс Республики Казахстан формулирует нормы по тем или иным налоговым преференциям для иностранных инвесторов. Дополнительными нормами правового регулирования действий иностранных инвесторов являются положения 55 конвенций и соглашений Казахстана с другими государствами об исключении двойного налогообложения разных доходов, в том числе от прямых инвестиций. Эти соглашения действительно защищают интересы инвесторов. Вместе с тем, в них нет норм об уклонении от налогов, нет норм об ответственности за это, хотя каждое такое соглашение имеет наименование не только об избежании двойного налогообложения, но и об уклонении от уплаты налогов. Это замечание следует устранить, поскольку могут пострадать интересы казахстанского государства в тех случаях, когда инвестор должен платить налоги в бюджет казахстанского государства, а он уклоняется от уплаты налогов.

Казахстанский законодатель мог бы дополнительно поработать над усовершенствованием инвестиционного законодательства республики. Для его улучшения целесообразно принять новые казахстанские законы «Об инвестиционной деятельности», «Об инвестиционных договорах, соглашениях государства», «О концессионных договорах», «Об обеспечении защиты прав и интересов инвесторов на рынке ценных бумаг», «О защите интересов инвестора от рисков политического характера, произвола, бездействия государственных органов», «Об официальном списке отраслей, видов деятельности и территорий, в отношении которых налагается запрет или ограничение деятельности иностранных инвесторов», «Об особенностях внесения инвестиций в криптовалюту», «О защите казахстанских инвестиций, вкладываемых в экономику зарубежных стран», «Об особенностях инвестиционных

отношений государств и компаний по вопросам промышленной сборки транспортных средств и сельскохозяйственных машин». В принципе не исключается возможность включения положений таких законов в Предпринимательский кодекс республики, поскольку в Кодексе ряд гарантий инвесторов прописан только в общем виде. Закон о защите казахстанских инвестиций за рубежом необходим, поскольку на 1 октября 2020 года, по сведениям Национального банка страны, «прямые вложения из Казахстана в зарубежную экономику составили 28,5 миллиарда долларов» (<https://prodengi.kz/post/v-kakoi-inostrannyi-biznes-cashhe-vkladyvayut-dengi-kazaxstancy>). Казахстан вправе рассчитывать на определенные дивиденды от отечественных инвестиций, работающих на экономику иностранных государств. Во многих государствах планеты приняты специализированные законы или кодексы об инвестициях или иностранных инвестициях. В свете этого не совсем понятно, почему наш законодатель решить «спрятать» инвестиционные нормы в недрах Предпринимательского кодекса республики. Думается, нужно все нормы об инвестициях нужно сконцентрировать в инвестиционном кодексе или отдельном законе об инвестициях Республики Казахстан. Можно предложенные выше законы о разных аспектах инвестиций свести в единый инвестиционный кодекс или единый закон об иностранных и отечественных инвестициях.

Соглашение о поощрении и взаимной защите инвестиций в современном международном публичном праве представляет собой шаблонный набор положений, которыми руководствуются государства и под текстами которых стоят подписи представителей этих государств, в том числе Казахстана. Мы не возражаем против того, чтобы в этой категории двусторонних соглашений присутствовали ключевые принципы, в частности, такие, как: соблюдение интересов Казахстана как страны - реципиента капитала и страны-инвестора капиталовложений; учет рациональных изменений в правовой системе и практики применения права в Казахстане; учет опыта заключения Казахстаном предыдущих инвестиционных соглашений; использование норм многосторонних универсальных и региональных соглашений по вопросам инвестиций. Вместе с тем, каждое соглашение должно отличаться от другого, поскольку инвестиционные отношения Казахстана и других государств различаются от страны к стране. В каждом соглашении могут быть отличающиеся друг от друга гарантии, обеспечивающие

сохранение длительной стабильности и открытости инвестиционного климата в Казахстане и транспарентности отношений контрагентов по договору - казахстанского государства и иностранного инвестора.

Казахстан руководствуется нормами Соглашения ВТО об инвестиционных мерах, связанных с торговлей (TRIMS) от 15 апреля 1994 года: он как член ВТО обязан руководствоваться данным соглашением как документом прямого действия на своей территории, а также Вашингтонской конвенцией о разрешении инвестиционных споров от 18 марта 1965 года. В Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) считают возможным создать евразийский фонд прямых инвестиций совместно с международным финансовым центром «Астана» (МФЦА). Сам финансовый центр согласен на создание такой совместной площадки. Причем такой фонд мог бы работать не только во благо Казахстана и других стран-членов ЕАЭС: он мог бы иметь доходы от сотрудничества с другими государствами и международными финансовыми организациями. Такой интеграционный и международно-правовой подход мог бы содействовать структурному укреплению системы ЕАЭС; в условиях пандемии на началах взаимной выгоды фонд, ЕАЭС и его члены могли бы иметь определенные доходы, тем самым можно надеяться на восстановление дружеских связей с теми или иными государствами.

Инвестиционное сотрудничество в рамках ЕАЭС пока сдерживается следующими факторами: 1) единое экономическое пространство еще не сформировано: есть препятствия, к примеру, в виде валютных ограничений; 2) есть немалые расхождения в структурной разнородности стран-членов ЕАЭС; 3) наблюдается дефицит финансовых ресурсов во всех странах ЕАЭС, включая Россию; 4) отсутствует макроэкономическая стабильность, есть достаточно высокая инфляция во всех странах ЕАЭС. Для устранения этих факторов надо продолжать работу по формированию общего рынка ЕАЭС, гармонизировать законодательства наших стран, регулирующих инвестиционную деятельность; создавать дополнительные стимулы для внедрения взаимных инвестиций, учреждать транснациональные компании на территории ЕАЭС в приоритетных отраслях, в том числе в сфере транспортного и аграрного машиностроения, на базе Основных направлений промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС; пополнять капитал Евразийского банка развития, который можно будет использовать для

нужд особо важных участков экономического развития интеграции в целом; углублять сотрудничество стран-членов ЕАЭС для более четко скоординированного регулирования финансовых рынков, валютной политики, что создаст более благоприятные условия для свободного движения товаров, услуг и капитала по всей территории евразийской интеграции; улучшать инвестиционный климат путем обеспечения валютных курсов и процентных ставок в экономике стран-членов ЕАЭС.

В рамках ЕАЭС действует созданный в 2014 году российско-кыргызский инвестиционный фонд. Думается, часть средств данного фонда было бы желательно направить на строительство завода в Кыргызстане по производству некоторых автокомпонентов. Завод получил бы гарантированный сбыт своих изделий в городе Алматы (Казахстан), где функционирует солидный автосборочный завод «Астана моторс» и «Хюндай Транс Корпорейшн». Скрепленный международно-правовым актом – двусторонним соглашением о сотрудничестве такой проект стал бы экономически выгодным для Кыргызстана, России и Казахстана.

В данном исследовании мы рассмотрели общие и специальные аспекты инвестиционных правоотношений государств и компаний. Они могут и должны стать полезными для машиностроительной сферы производства транспортных средств и машин сельскохозяйственного назначения. Говоря об общих признаках инвестиционной привлекательности Казахстана как государства, осуществляющего общую функцию по управлению экономическими процессами в стране, представители заводов, предприятий по производству автомобилей, грузовых автомашин, тракторов, комбайнов, специальной техники в ходе переговоров с иностранными инвесторами могут обращать их внимание на аспекты инвестиционной привлекательности своих предприятий. В частности, они могли бы говорить о том, что у Казахстана есть разнообразное сырье, из которого могут быть изготовлены практически все компоненты транспортных средств и агротехнических машин, о том, что в Казахстане есть недорогая и вместе с тем достаточно квалифицированная рабочая сила, а также о том, что в стране есть оправдавшая себя на практике система автокредитования через лизинг по линии Банка развития Казахстана, благодаря которой происходит ежегодное увеличение продаж автомобилей, электромобилей и сельскохозяйственной техники. Эта сфера может

получить существенный импульс для своего ускоренного развития, если будут приняты предложенные выше законы, грамотно использованы возможности ЕАЭС, а также внесены соответствующие изменения в тексты международных инвестиционных соглашений, подписанных и ратифицированных Республикой Казахстан.

В завершение нам хотелось бы порекомендовать нижеследующие научно-литературные источники тем, кто проявляет научный интерес к теме о средствах привлечения зарубежных инвестиций в казахстанскую экономику, в том числе в транспортное и сельскохозяйственное машиностроение:

Алехина О.А. Инвестиционная деятельность предприятий // «Научно-практический журнал Аллея Науки». – 2018. № 1(17). – С. 1-5.

Аубакирова Г.М., Исатаева Ф.М. Цифровизация промышленности Казахстана: факторы, тенденции, перспективы // Экономика, предпринимательство и право. – 2021. Том 11. № 1. – С. 51-68.

Баранова А.Н. Правовая природа концессий и концессионных соглашений как механизма привлечения иностранных инвестиций // Законодательство. – 2007. № 6. - С. 56-61.

Баронина Ю.А. Иностранные инвестиции в российское автомобилестроение // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. Том 60. № 6. – С. 61-69.

Витютина Т.А. Привлечение иностранных инвестиций в автомобильную промышленность России / Т.А. Витютина, Т.Э. Пирогова // Академия бюджета и казначейства Минфина России. Финансовый журнал. – 2011. № 3. – С. 57-68.

Додонов В.Ю. Международное инвестиционное сотрудничество Казахстана: тенденции, факторы, перспективы. Монография. ISBN 978-601-7972-24-0.— Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019 — 192 с.

Донецкова О. Ю. Состояние инвестиционного кредита как основы развития реального сектора экономики в России // Интеллект. Инновации. Инвестиции. — 2021. № 1. — С. 10–21.

Казанцева Т. Новый инвестиционный инструмент // Литер. Нур-Султан. – 2021. № 79 (3939). 1 июня. – С. 3.

Кекчебаев Е., Жакупова Г., Сулейменов Р. Инвестиции // Экономика Казахстана 2021. Цифры, анализ, прогнозы. 19 июля 2021 года. - <https://marketingcenter.kz/20/economy-kazakhstan.html>.

Косжанов Т., Атамкулов Б. Промышленная и инвестиционная политика в долгосрочной стратегии развития экономики страны // Транзитная экономика. - 2012. № 1. - С. 112-116.

Лабин Д.К. Международно-правовое регулирование иностранных инвестиций. - М.: Институт государства и права Российской академии наук, 2001. – 379 с.

Липсиц И.В. Инвестиционный анализ: подготовка и оценка инвестиций в реальные активы. – Москва: Инфра-М, 2019. – 319 с.

Малыбаева А.К. Инвестиции как важнейший фактор устойчивого развития предприятия // Сборник трудов международной научно-практической конференции «Современные тенденции и перспективы развития национальных экономик в условиях вызовов мировой пандемии». – Нур-Султан. – 2020. – С. 178-180.

Мухаметшина Л. Управление инвестиционной привлекательностью. – LAP Lambert Academic Publishing. - 2014. - 192 с.

Панковская Я.И. Стратегические подходы привлечения прямых иностранных инвестиций в современных условиях. – Екатеринбург. – 2020. – 86 с.

Рогачёв А.А., Нигматуллин Е.З. Инвестиции и инвестиционная политика. - Алматы: Гылым, 2010. - 220 с.

Сидоров В.Н. Возрождение российской автомобильной промышленности и юридическая конструкция соглашений о промышленной сборке // Государственный аудит. Право. Экономика. – 2012. № 2. – С.67

Фархутдинов И.З. Международное инвестиционное право и процесс. Учебник. - М.: Институт государства и права Российской академии наук, изд-во «Проспект», 2014. – 416 с.

Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Цифровизация и современные трансформации права // Будущее права. Наследие академика В.С. Стёпина и юридическая наука. — М.: Российская академия наук; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации ; ИНФРА-М, 2020. – С. 105-134.

Чернов В. А. Инвестиционная стратегия. - М.: Юнити-Дана, 2017. - 160 с.

Шабров Р.В. Информационное обеспечение привлечения иностранных инвестиций в РФ // Право и экономика. – 2010. № 7. - С. 43-49

Валовый приток прямых инвестиций в Казахстан от иностранных прямых инвесторов. – Национальный банк Республики Казахстан. Официальный интернет-ресурс. URL:<https://nationalbank.kz/?docid=680&switch=russian> (дата обращения: 22.07.2021).

Инвестиции: учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности «Финансы и кредит» / [М. В. Чиненов и др.]. – 3-е изд., стереотипное. – М.: КноРус, 2020. – 364 с.

Doz Y. Alliance Advantage. The Art of Creating Value through Partnering / Y. Doz, G. Hamel. – Harvard Business School Press, 1998. – 334 p.

Jackson J. K. Foreign Direct Investment in the United States: An Economic Analysis. – Washington D.C.: Congressional Research Service, 2017. – 20 p.

Globerman S. Canadian Foreign Direct Investment: Recent Patterns and Interpretation. – Vancouver: Fraser Institute, 2019. – 12 p.

Krawiec K. Vehicle cycle hierarchization model to determine the order of battery electric bus deployment in public transport // Transport Problems. International scientific journal . - 2021. Volume 16 Issue 1.- Pp. 99-112.

Sornarajah M. The International Law on Foreign Investment. - Cambridge University Press. 2012. – Pp. 5-9.

Beck V.A., Ivanovskaya, A.N., Chandrasekaran S., Forien J-B, Sarah E. Baker S.E., Duoss E.B., Worsley M.A. Inertially enhanced mass transport using 3D-printed porous flow-through electrodes with periodic lattice structures // Proceedings of the Natinal Academy of Sciences of the USA. – 2021. August 10; 118(32).

Foreign direct investment trends and outlook in Asia and the Pacific 2020-2021. – United Nations publication, 2021. - 41 p.

UNCTAD (2020). Global investment trends monitor. United Nations publication. November 2020, No. 37. – 13 p.

World Investment Report 2021. – New York: United Nations, 2021. – 52 p.

**Гармонизация и унификация законодательств
государств-членов ЕАЭС**

Абайдельдинов Ербол Мусинович
erbolabay@mail.ru

д.ю.н., профессор кафедры международного права
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан

Евразийский экономический союз, в соответствии со ст. 5 Договора о ЕАЭС, ограничен компетенцией, пределами и объемами, установленными Договором и международными договорами в рамках Союза. Государства-члены осуществляют скоординированную или согласованную политику в пределах и объемах, установленных Договором и международными договорами в рамках Союза.

Деятельность всех органов Евразийского экономического союза должна способствовать гармонизации и, в оговоренных Договором о ЕАЭС случаях, унификации законодательства суверенных государств-членов регионального объединения, укреплению их взаимного доверия.

В соответствии со ст. 2 Договора о ЕАЭС «гармонизация законодательства» - сближение законодательства государств-членов, направленное на установление сходного (сопоставимого) нормативного правового регулирования в отдельных сферах.

Гармонизация (греч. harmonia – согласованность, стройность в сочетании чего-либо). Гармонизация права – это масштабное, недетализированное согласованное развитие, сближение отдельных отраслей права и в целом национальных правовых систем на основе общепризнанных принципов и норм международного права, заключенных суверенными государствами договоров и т.д.

Признанным центром, легитимным руководителем процессов гармонизации в мировом масштабе является Организация Объединенных Наций - единственный эффективный международный орган, способный гармонизировать как международные политические, так и международные экономические, правовые и иные процессы. Международно-правовые документы, заключенные под эгидой ООН, к примеру, в сфере прав человека, признаны

многими государствами и стали признанной основой гармонизации и унификации национальных законодательств.

Гармонизации национальных законодательств во многом способствуют международные органы, например, Всемирная торговая организация (ВТО), которая формирует глобальные правила торговли между государствами и занимается иными вопросами в этой сфере. Несмотря на то, что на данный момент не все государства ЕАЭС являются членами ВТО, продуктивным и стратегически верным и для них станет гармонизация своих национальных законодательств с принципами и нормами этого влиятельного международного органа, занимающегося глобальными правилами торговли между государствами, разрабатывающего основные правовые нормы политики международной торговли.

Гармонизация правового регулирования в ЕАЭС лежит в основе «согласованной политики» и направлена на достижение целей Союза, которые предусмотрены Договором.

К основным целям Союза относятся:

- создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения;
- стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза;
- всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики.

Т.е. речь идет исключительно о гармонизации законодательства в экономической сфере. Это создаст условия для развития каждой страны и всего нашего сообщества в целом.

Гармонизация законодательства является трудоемким процессом, не приводящим правовые системы к полному единству, но сближающим законодательства различных государств. Проведение гармонизации законодательства осуществляется в русле интеграционных процессов, предполагающих определенное сближение законодательств и в целом национальных правовых систем стран-членов региональных объединений.

Процесс гармонизации законодательства в самых разных сферах, о которых договорились государства, применительно к постсоветскому пространству, идет как на территории СНГ, так и ЕАЭС, и может происходить различными способами:

- разработка модельных законов, которым характерно рекомендательное свойство, к примеру, о транспорте, о торговле, о государственных закупках, о конкуренции, о миграции, которые являются своеобразным нормативным направлением и ориентиром для развития национального законодательства в определенной сфере государства-члена интеграции.

- максимальный учет имеющегося законодательства государств-членов ЕАЭС, предполагающий использование наиболее удачных норм законов всех государств-участников;

- использование Рекомендаций и иных документов органов евразийской интеграции и др.

Унификация (лат. *uni+facere* – приведение к единообразию) – сближение национальных правовых систем в определенных сферах законодательства. В результате образуется не единое право регионального объединения, а идентичные правовые механизмы, единообразное право суверенных государств в определенных сферах.

«Унификация», как это определяет ст. 2 Договора о ЕАЭС – сближение законодательства государств-членов, направленное на установление идентичных механизмов правового регулирования в отдельных сферах, определенных Договором о ЕАЭС.

Другими словами, унификация законодательства не подразумевает создания единой правовой системы, объединяющей право регионального объединения и национальное право. Речь идет исключительно о разработке идентичных национальных механизмов в сферах, определенных Договором о ЕАЭС. Это соответствует Договору о ЕАЭС, в котором применяются термины *«национальные интересы»*, *«национальная экономика»*, *«национальное законодательство»*, что вполне отвечает основным принципам функционирования Союза, отмеченным в статье 3 Договора, и, в частности, в формулировке: *«обеспечение взаимовыгодного сотрудничества, равноправия и учета национальных интересов Сторон»*.

Задачи сохранения национальной индивидуальности государств-членов и формирования гармонизированного и унифицированного законодательства регионального объединения требуют, чтобы каждое государство, наряду с процессами участия в региональном объединении, развивало свою национальную правовую систему.

В соответствии с этим участникам регионального объединения необходимо учитывать (имплементировать, адаптировать, с учетом

национальной специфики) нормы права Союза, имеющие обязательный характер, либо применять их напрямую, если это указано в Договоре о ЕАЭС. Это относится к таким сферам, как, например, техническое регулирование, которое осуществляется в соответствии с принципами установления единых обязательных требований в технических регламентах Союза или национальных обязательных требований в законодательствах государств-членов к продукции, включенной в единый перечень продукции, в отношении которой устанавливаются обязательные требования в рамках Союза; применение и исполнение технических регламентов Союза в государствах-членах без изъятий (ст. 51 Договора о ЕАЭС) и др. При этом необходимо иметь в виду, что единые нормы права регионального объединения должны гармонизировать с принципами и нормами права, принятыми такими глобальными организациями, как ООН, ВТО и т.д.

Унификация норм и стандартов в ЕАЭС осуществляется на газ, нефть и нефтепродукты государств-членов; предусмотрено поэтапное осуществление гармонизации и сближения подходов к формированию и проведению валютной политики в том объеме, в каком это соответствует сложившимся макроэкономическим потребностям интеграционного сотрудничества и др.

Таким образом, в рамках ЕАЭС взаимодействуют два типа правовых систем – право Союза и национальные правовые системы суверенных государств-членов, определенные правовые сферы которых в ходе интеграции гармонизируются и унифицируются. И, как было отмечено выше, гармонизация и унификация законодательства государств – членов ЕАЭС служит их развитию и сближению, в первую очередь, в сфере экономических отношений.

**Кризис системы разрешения споров в ВТО: уроки для
международного правосудия**

Кадышева Ольга Владимировна

o.kadysheva.prikaz@gmail.com

к.ю.н., доцент, и.о. заведующего кафедрой международного права
юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, РФ

Создание Органа по разрешению споров Всемирной торговой организации (ОРС ВТО) считается одним из главных достижений Уругвайского раунда международных торговых переговоров, закончившегося в 1994 году созданием ВТО. Согласно широко распространённому мнению, система рассмотрения споров является своего рода «жемчужиной в короне ВТО» [1]. При этом сам механизм уникален и представляет собой сочетание дипломатических и судебных процедур.

За все время своего существования системы разрешения споров ВТО Апелляционный ОРС ВТО орган внес огромный вклад в развитие многосторонней торговой системы, поскольку его доклады содержат интерпретацию (толкование) общих вопросов, касающихся всех членов ВТО. Доклады третейских групп и АО ОРС ВТО обладают высоким авторитетом, вследствие чего активно используются для установления содержания международно-правовых норм как при урегулировании разногласий, так и непосредственно самим Апелляционным органом, который постоянно обращается к собственным докладам, анализируя и сопоставляя сделанные в них выводы. Это приводит к тому, что утвержденные доклады третейских групп и Апелляционного органа, содержащие интерпретацию общих вопросов, представляют собой нечто большее, чем решение по конкретному делу.

В последние несколько лет процедура разрешения споров ВТО переживает серьезный кризис: сложность формирования третейских групп для разрешения споров, длительность подготовки и направления докладов групп, трудности с исполнением рекомендаций третейских групп и Апелляционного органа, отступление третейскими группами и Апелляционным органом от ранее формулированных правовых позиций и пр. В декабре 2019 года

кризис достиг своего апогея, потому что Апелляционный орган ОРС ВТО, призванный рассматривать апелляции на доклады третейских групп, полностью приостановил свою деятельность. Паралич апелляционной инстанции ОРС ВТО нанес существенный вред членам ВТО не только с точки зрения оценки эффективности самого механизма разрешения споров, но и в практическом плане сделал практически невозможным исполнение рекомендаций третейских групп, поскольку подача апелляции в отсутствие функционирующей апелляционной инстанции означает, что рекомендации третейской группы не имеют юридической силы, и, следовательно, государства, следуя согласованным положениям соглашений ВТО, могут их не исполнять, будучи уверенными, что принудительный механизм исполнения рекомендаций даже не будет запущен.

Очевидно, что проблемы Апелляционного органа и механизма разрешения споров ВТО в целом подвигают государства к поиску решений выхода из кризиса. Здесь возможно несколько вариантов действий, к числу которых, во-первых, можно отнести отказ сторон спора от апелляционной инстанции как стадии рассмотрения спора либо на основе специального заключенного соглашения, либо просто воздерживаясь от подачи апелляции, и тем самым обеспечивая своими действиями вступление в силу доклада третейской группы. Именно это и произошло в деле *Russia – Transit* [2], когда обе стороны – Россия и Украина по разным причинам отказались от подачи апелляции.

Второй вариант заключается в том, что сторона спора, недовольная выводами доклада третейской группы, принимает решение воспользоваться ситуацией с АО и все же обжалует решение третейской группы. В этой ситуации апелляционная жалоба, направленная в АО, будет оставаться нерассмотренной до возобновления АО своей деятельности, а сколько это может занять времени, и случится ли это вообще, не знает никто. Соответственно, все это время доклад третейской группы, включая рекомендации проигравшей стороне о приведении оспоренной меры в исполнение, будет считаться не вступившим в силу. Таким искушением в виде «апелляции в пустоту» (*«appeal into the void»*) уже воспользовались США после невыгодного для них решения третейской группы в споре с Индией [3], фактически вынудив выигравшую Индию начать переговоры об урегулировании спора дипломатическим путем, а также ЕС в споре с РФ по энергокорректировкам [4].

В рамках третьего варианта стороны спора соглашаются использовать предусмотренные в ст. 25 ДРС арбитражные процедуры как некую временную замену АО, заранее договорившись об этом и предусмотрев в своем соглашении порядок назначения арбитров, применимую процедуру и порядок исполнения решения, а также использование арбитрами правовых позиций АО для того, чтобы сохранить некую преемственность и правовую определенность. Именно в этом предложенном формате и было заключено предложенное ЕС Многостороннее временное апелляционное арбитражное соглашение (*the Multiparty Interim Appeal Arbitration Arrangement*) [5], о чем 30 апреля 2020 года был уведомлен Секретариат ВТО.

Кроме того, в качестве еще одного запасного варианта, но крайне нежелательного, возможно использование механизмов рассмотрения споров, предусмотренных региональными торговыми соглашениями, в первую очередь, соглашениями о зонах свободной торговли. Все они содержат свой собственный механизм разрешения споров между государствами – в основном это *ad hoc* арбитраж.

В сентябре 2021 года на заседании Органа по разрешению споров ВТО делегация США вновь заблокировала достижение консенсуса по вопросу заполнения вакансий в Апелляционном органе, чем в очередной раз подтвердила, что США по-прежнему исходят из того, что только фундаментальная реформа системы разрешения споров в ВТО вернет ей жизнеспособность и доверие [6]. Это означает, что последняя надежда, связанная со сменой администрации в США и последующее восстановление деятельности Апелляционного органа ОРС ВТО в прежнем виде, потеряна. Это также означает, что бесповоротно завершилась 25-летняя история одного из самых ярких, известных, авторитетных и успешных международных органов по разрешению споров, институтов современного международного правосудия. Пока сложно (если вообще возможно) сказать, что придет ему на смену.

Сегодня гораздо больший интерес представляют те уроки, которые можно извлечь из состоявшегося показательного «удушения» Апелляционного органа ОРС ВТО, рассчитанного произвести устрашающее впечатление на все остальные международные суды и показать их зависимость и уязвимость.

Первый вопрос, который требует ответа, - что подвигло США на такой шаг. Ответ, как нам видится, – в растущем несоответствии тех

ожиданий, которые были связаны с созданием ОРС ВТО, и той реальностью, которая стала во многом неожиданностью для государств. Сама идея ОРС ВТО исходила из практики Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) и оказалась не готовой ни к тому количеству споров, которые рассматриваются в рамках ВТО сегодня, ни к количеству апелляций на доклады третейских групп, ни к той роли, которую начал играть Апелляционный орган ОРС ВТО.

Это и объясняет тот длинный, на многих страницах, список претензий США к Апелляционному органу - и среди них превышение своих полномочий, судебное нормотворчество, создание собственной системы прецедентов, трансформация во Всемирный торговый суд – ровно то, за что превозносили Апелляционный Орган все исследователи международного правосудия.

Второй вопрос – как вообще это могло произойти? Ведь это «удушение» было произведено всего лишь одним государством, и никто из остальных 164 государств-членов ВТО, включая самых близких союзников США, ничего не смог сделать, несмотря на идущие последние два года многочисленные переговоры, увещевания и обсуждения возможных путей выхода из кризиса. Для этого была найдена и хладнокровно использована ахиллесова пята АО ОРС ВТО – короткий срок полномочий его членов в сочетании с применением консенсуса при переизбрании или назначении новых членов АО ВТО.

История с Апелляционным органом ОРС ВТО еще раз показывает, что процесс создания судов является крайне произвольным и нескоординированным, у каждого суда или квазисудебного органа свои особенности и своя судьба, зависящая от многих политических факторов, и никто, даже Международный Суд ООН, не может быть уверен в собственном будущем.

Международное правосудие (молодое, хрупкое и весьма уязвимое явление) отличается от правосудия национального, и как международное сообщество еще далеко от реализации идеи разделения властей, оставаясь в первую очередь сообществом суверенных государств, которые могут сделать с судами вещи, абсолютно недопустимые на национальном уровне.

Опыт Апелляционного органа ОРС ВТО также показывает, что такие достоинства международных судов, как постоянный характер работы, избрание судей на длительный срок, независимость суда, столь необходимые для выполнения делегированных суду функций, могут привести к появлению у суда и его судей своих собственных

взглядов и своей собственной политики, которая может разительно отличаться от позиции государств, которые могут пойти на крайние меры как сужение юрисдикции суда или прекращение деятельности суда. С одной стороны, это радикальные и труднореализуемые методы, так как по правилу они требуют согласия всех государств участников соответствующего международного договора, на основе которого создан тот или иной международный суд. Но, с другой стороны, указанные выше особенности самой сущности правопорядка ВТО дали возможность парализовать его деятельность за счет действий только одного государства.

Это лишь несколько из очень многих уроков, которые можно вывести из всей истории с Апелляционным органом ОРС ВТО. Еще много будет по этому поводу сказано уже в самом ближайшем будущем. Пока же можно еще раз сказать, что история этого феерического успеха в международном правосудии подошла к своему печальному концу.

В качестве постскриптума стоит отметить, что буквально недавно на одной очень авторитетной конференции по международному правосудию прозвучал достаточно провокационный тезис о том, а нужен ли в принципе Апелляционный орган ВТО, может, и не стоит осуществлять его «реанимацию»? Категорически невозможно принять эту точку зрения, поскольку существование апелляционной инстанции как стадии по пересмотру решения первого уровня всегда считалось в международном правосудии своего рода достижением и качественным стандартом, отступить от которого означает похоронить не только Апелляционный орган ОРС ВТО, но и саму идею международного правосудия.

Список использованных источников

1. WTO disputes reach 400 mark: WTO Press release, PRESS/578, 6 November 2009
2. Russia – Measures Concerning Traffic in Transit. WT/DS512/R.
3. United States — Countervailing Measures on Certain Hot-Rolled Carbon Steel Flat Products from India. WT/DS436/R.
4. European Union — Cost Adjustment Methodologies and Certain Anti-Dumping Measures on Imports from Russia. WT/DS494/R
5. В мае 2020 года участниками МРІА были 21 член, 16 из которых первоначально вели переговоры о заключении соглашения: Австралия, Бразилия, Канада, Китай, Чили, Колумбия, Коста-Рика, ЕС, Гватемала,

Гонконг, Мексика, Новая Зеландия, Норвегия, Сингапур, Уругвай и Швейцария; остальные присоединились позднее - Исландия, Пакистан, Украина, Эквадор и Никарагуа.

6. URL:https://tass.ru/ekonomika/12517563?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D

УДК 341.176.1

Особенности управления инвестиционными проектами стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС)

Майдырова Айгуль Булатовна

Maydirova2010@gmail.com

д.э.н., профессор, зав. кафедрой «Экономика и предпринимательство»

ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан

Инвестиции являются основным условием формирования и развития экономических систем в мировой экономике. Следовательно, актуализирован эффективный механизм проектного менеджмента, важность которых трудно переоценить.

Вопросы управления инвестиционными проектами, заключаются в организации, планировании, руководстве и координации трудовых, финансовых и материально-технических ресурсов на протяжении всего жизненного цикла инвестиционных проектов ЕАЭС, где для реализации стратегии развития, особое внимание, уделяется инвестированию проектов, которые имеют интеграционный эффект.

В 2018 году в ЕАЭС было инвестировано в 85 проектов. Инвестиционный портфель Евразийского банка увеличился на 29 проектов на сумму 1 млрд 393 млн. 590 тыс. долларов США, из которых 17 проектов размещены в реальном секторе экономики, 12 в финансовом. В страновом аспекте наибольшую долю занимают проекты в Казахстане и России [1; 121].

Доля стран-участниц ЕАБР в инвестиционном портфеле Банка на 2018 год, %

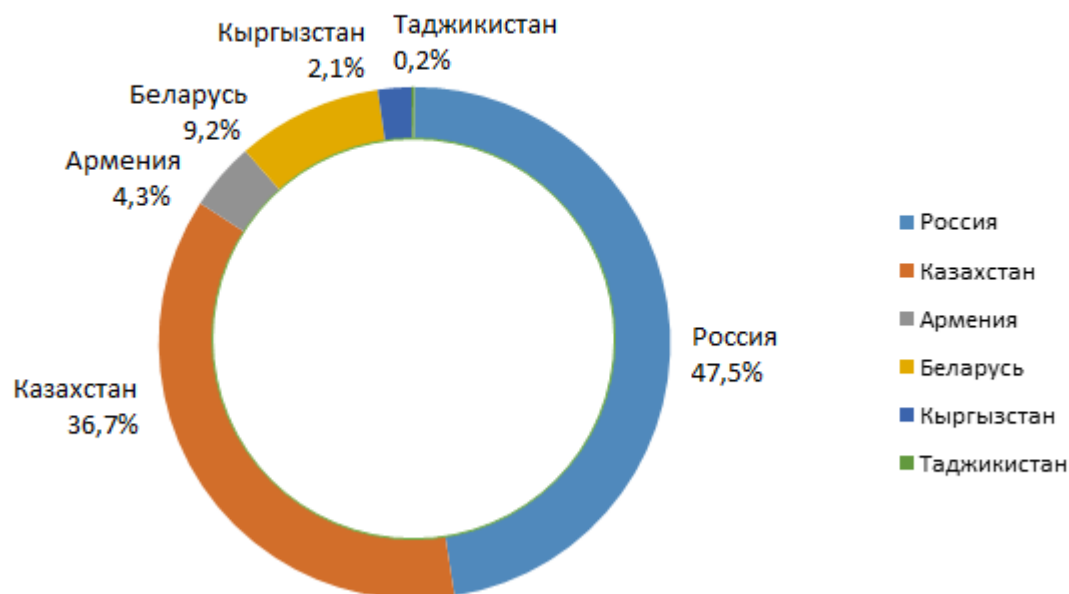

Рисунок 1 – Доля стран партнеров в инвестиционном портфеле ЕАБР [1; 127]

Особое место занимают проекты для развития инфраструктуры, проекты в энергетике (с 18.5% до 22.4%, инвестирование проектов «зеленой» экономики») и транспорте (с 18.9 % до 20.5%). Сократилось инвестирование проектов в финансовом секторе (с 26% до 16%), металлургии (с 6.6% до 4.2%).

Среди актуальных инвестиционных проектов финансирование малого и среднего бизнеса, где 59% занимают инвестиционные проекты, влияющие на расширение интеграционных связей.

Таблица 1-Наиболее значимые проекты ЕАЭС

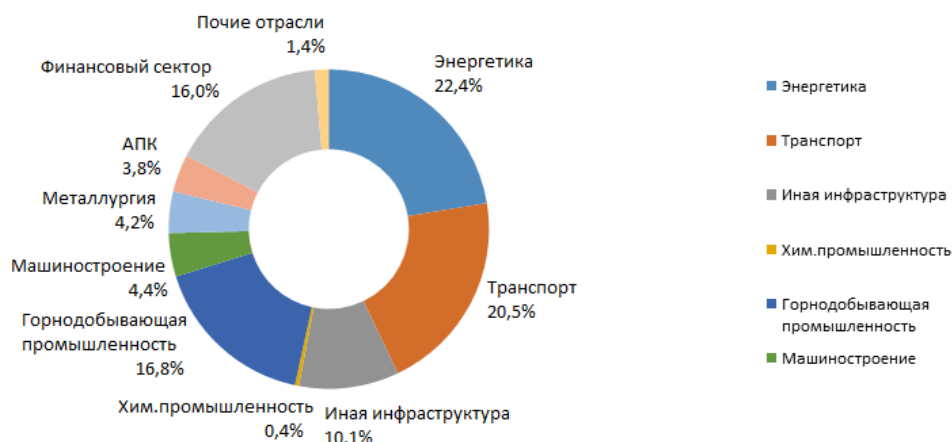
Страна	Название проекта	Стоимость проекта
Казахстан	Циклично-поточная технология добычи угля в разрезе «Богатырь»	196.9 млн. евро
	Пункт пропуска на автодороге «Алматы-Хоргос»	32 млрд. тенге
Россия	ПАО «Государственная транспортная лизинговая компания строительство сухогруза RSD59 10 нефтеналивных барж проекта «Белмакс»	50.5 млн долларов США

		ООО «Судоходная	
		ПАО «ФСК ЕЭС» для строительства ветропарка с установленной мощностью 90.09 МВт	9.5 млрд. рублей
		Модельный ряд автомобилей «КАМАЗ» и модернизация производства	9.5 млрд. рублей
		Проект	600 млн. российских рублей
	Армения	Проекты финансового сектора и микрофинансирование	36 млн. долларов США
		Электрические сети Армении	17.1 млн. евро
		Модернизация ирригационных систем	1 млн. долларов США
		Здравоохранение	150 тыс. долларов США.
	Кыргызстан	Развитие Российско-Кыргызского Фонда	50 млн. долларов США
		Поставка сельскохозяйственной техники	3 млн. долларов США
		Реконструкция автодороги Бишкек-Ош	7 млн. долларов США
		Реабилитация Токтогульской ГЭС	5.8 млн. долларов США
	Беларусь	Поддержка социальных проектов	200 млн. долларов США
Составлено автором по материалам [1; 124-125]			

Из таблицы 3 видно, что наиболее крупные в 2018 г., инвестиционные проекты имеют интеграционный характер. Все инвестиционные проекты соответствуют сущности Союза.

Анализ инвестиционных проектов проводится в рамках системы показателей и критериев устойчивого развития, следовательно, анализ начинается с объема взаимной торговли, тем более, надо отметить, что торговые потоки в 2017-2018 гг., были в коридоре 3 млрд 626 млн долларов США [1; 125].

Структура инвестиционного портфеля Банка на 2018 год по отраслям %

Источник ЕАБР

Рисунок 2 – Доля стран партнеров в инвестиционном портфеле ЕАБР [1; 127]

О развитии интеграционных отношений можно судить по отдельным показателям макроэкономики [2].

В 2016 г. снижение торговых отношений, что привело к снижению в 2016 г., на 6,7 %. В 2017 г. демонстрируется рост, что составило 63,5 млрд долларов [2; 3], такая тенденция говорит об устойчивом экономическом росте в странах Союза.

Результаты развития обусловлены внутренним развитием стран, созданием нескольких общих рынков и пространств: это транспортные коридоры, рынок энергоресурсов и т.д. [4; 5].

Товарооборот за январь – декабрь 2017 года, составил 54,2 млрд. долл. США, или 126,1% к уровню января – декабря 2016 года [6].

Значения немного превышают показатели соответствующих месяцев предыдущего года. Однако надо отметить, что все изменения, происходящие во взаимной торговле, зависят от внешней и внутренней конъюнктуры [7].

В январе – декабре 2017 года к соответствующему периоду 2016 года, увеличились показатели во взаимной торговле стран Союза с Арменией на 41%.

Увеличился оборот продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья на 23,7% (57,6% общего объема экспорта Республики Армения во взаимной торговле), текстиля – в 1,5 раза (13,7%), машин, оборудования и транспортных средств – в 1,6 раза (5%) [8].

Экспорт Республики Казахстан на общий рынок Союза возрос на 30,2% за счет роста поставок минеральных продуктов на 34,5% [8].

Объем экспорта Кыргызской Республики в государства – члены ЕАЭС по сравнению с январем – декабрем 2016 года, вырос на 27%.

Российская Федерация на рынок ЕАЭС увеличила товарооборот на 28,1% за счет поставок минеральных продуктов на 29,1% [8].

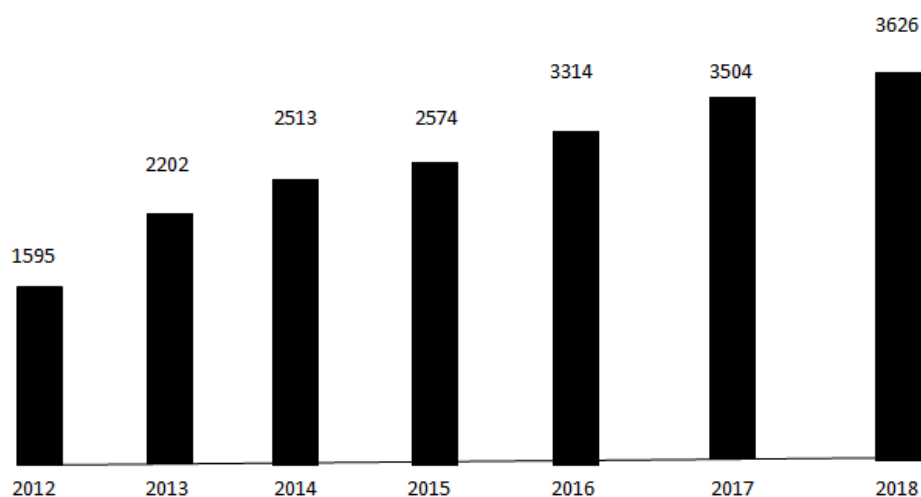

Рисунок 3 - Объем взаимной торговли в рамках финансируемых проектов ЕАЭС, млн долл. США [9]

Практически, обозначена отрицательная тенденция снижения объема взаимной торговли между странами партнерами, и в таких условиях усиление и правильное управление инвестиционными проектами имеет архиважное значение. Инвестиционные проекты характеризуются мультипликативным эффектом, стимулируя производство дополнительной продукции в смежных отраслях, предполагает рост производства, повышение доходов и занятости населения, внедрение инноваций и улучшение состояния окружающей среды. В аналитическом докладе Евразийского банка определено, что инвестиционные проекты могут создавать в среднем около 6 млрд 94 млн долларов США в год, в виде валового выпуска продукции в отраслях стран Союза. Следовательно, в странах-партнерах, реализующих эти инвестиционные проекты, остро стоит вопрос их управления.

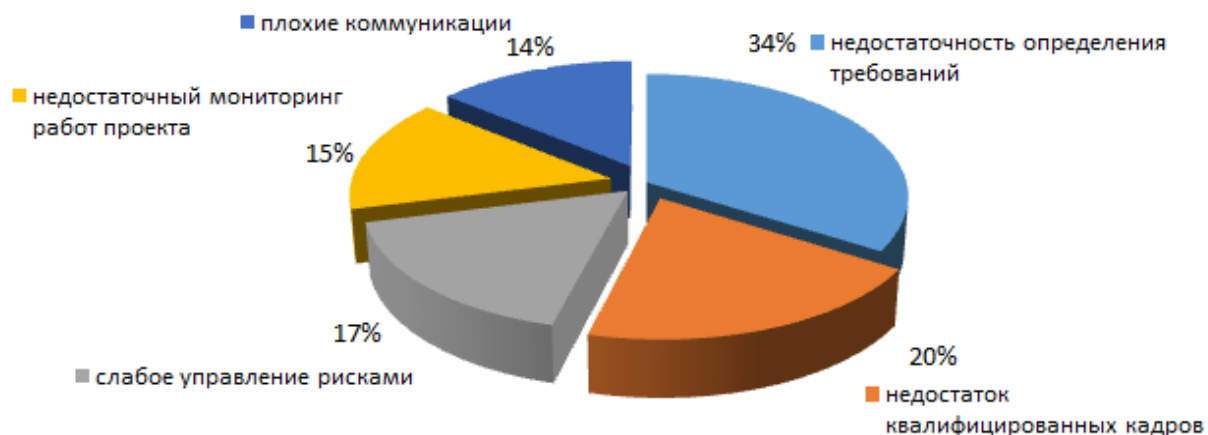

Рисунок 4 - Причины провала или неуспешности проекта в развитии малого бизнеса.

Автор провел мониторинг процесса управления проектом, на примере проекта в сфере предпринимательства. Были выявлены следующие причины провалов или неуспешности проектов. Как видно на рисунке 4, недостаточность четких требований при реализации проекта, как причина неуспешности проекта составил 34%, низкое качество квалифицированной рабочей силы – 20%, слабый риск-менеджмент, отсутствие альтернативных сценариев развития – 17%, недостаточный контроль составил 15%, плохие связи и коммуникации – 14%, привели к неуспешности проекта, в который через банки РК были инвестированы средства.

Считаем, что при правильном управлении инвестиционными проектами в Казахстане можно избежать провалов в проектах.

Присутствует ряд факторов в инвестиционных проектах, которые влияют на успешность проектов такие как проведение внутреннего институционального анализа- оценка компетенций топ-менеджеров и ключевых сотрудников компаний, обеспеченности квалифицированным персоналом среднего звена, плана обучения персонала по эксплуатации оборудования. Не проработанность институциональной части проекта часто являются причиной удорожания проекта, срыва сроков на инвестиционной фазе.

На эксплуатационной фазе возникают незапланированные капитальные затраты в связи с ненадлежащей эксплуатацией оборудования. Также увеличиваются проектные риски при зависимости от одного поставщика или покупателя.

При управлении проектом важно правильно структурировать ресурсы и возможности, все процессы объединить в единую систему достижения целей, через выстраивание последовательности работ, выдерживания сроков, четко калькулировать ресурсы, как человеческие, так и материальные. Правильная оценка потенциала проекта на данном этапе, существенно влияет на расписание проекта, и одна из самых болевых точек проекта - невыполнение сроков предупреждается на данном этапе.

На всех этапах управления проектами, кураторы проводят оперативный мониторинг. Все изменения в бюджет проекта, план проекта вносятся только после утверждения управляющего совета. Все решения, вплоть до закрытия проекта, принимаются управляющим советом. Именно такая организация процесса управления процессом усиливает эффективность инвестиционных проектов, поскольку они снижают ресурсы для реализации проекта и формирует соответствие качеству проекта.

Эффективность управления инвестиционным процессом проекта определяется уровнем согласованности стратегического и оперативного планирования в данной сфере, качеством предварительной оценки инвестиционных проектов и контроля за их реализацией. Таким образом, надо отметить, что для эффективного управления проектами необходимо выдерживать все требования, которые нужны для качественного его исполнения.

Список использованных источников

1. Доклад №52. Евразийская экономическая интеграция 2019. -М., ЦИИ ЕАБР, 2019. - С.7
2. Б.И. Шевченко ЕАЭС: противоречия интеграционного взаимодействия // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/eaes-protivorechiya-integratsionnogo-vzaimodeystviya>
3. Статистика внешней и взаимной торговли товарами. Департамент статистики ЕАЭС // Евразийская экономическая комиссия. [Электронный ресурс] URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/Pages/default.aspx (дата обращения: 11.11.2019).
4. Мансуров Т. Создание общих рынков энергоресурсов Евразийского экономического союза. [Общий электроэнергетический рынок союза] // Евразийская экономическая комиссия. [Электронный ресурс URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Documents/Статья%20Т%20А%20Мансурова%20в%20Энергорынок.pdf> (дата обращения: 11.11.2019).

5. Транспортный потенциал Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая комиссия. [Электронный ресурс] URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/Транспорт.pdf> (дата обращения: 11.11.2019).

6. Материал подготовлен на основании данных, предоставленных уполномоченными органами государств – членов Евразийского экономического союза в соответствии с Протоколом о порядке формирования и распространения официальной статистической информации Евразийского экономического союза (приложение №4 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года). Данные сформированы в соответствии с системой и правилами учета товаров во внешней и взаимной торговле государств-членов, определенными Единой методологией ведения таможенной статистики внешней торговли и статистики взаимной торговли государств-членов Таможенного союза (в редакции Решения Коллегии ЕЭК от 19 марта 2013 г. № 50).

7. Доклад «О состоянии взаимной торговли между государствами – членами Евразийского экономического союза в 2015 – 2016 годах». -М., 2017. - С.15-26.

8. Об итогах взаимной торговли товарами Евразийского экономического союза.// Статистика Евразийского экономического союза. Аналитический обзор 26 ноября 2019 г. // Информационный ресурс: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/2019/Analytics_I_201909.pdf

9. Евразийский банк развития // Отчет -2019, с.125.

УДК 001:341.1/8

**Применение Статей об ответственности государств в режиме
ВТО: итоги и перспективы (к 20-летию Статей об
ответственности государств)**

Кешнер Мария Валерьевна

mvkeshner@gmail.ru

к.ю.н., доцент кафедры международного и европейского права
Казанского Федерального Университета, Казань, Россия

9 августа 2001 года, по прошествии 45 лет после первого доклада Специального докладчика по теме международной ответственности государств Франсиско Гарсиа-Амадора, 34 докладов (которые составляют отдельный фундаментальный вклад в доктрину международного права) выдающихся специальных докладчиков:

Роберто Аго, Виллема Рифагена, Гаэтано Аранджо-Руиса и Джеймса Кроуфорда Комиссия международного права ООН (далее - КМП ООН) приняла окончательный текст Статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния (далее - Статьи об ответственности государств, *ARSIWA*), завершив более пятидесятилетнюю напряженную и методичную работу. Работу, посвященную по оценке Кроуфорда, последнему великому, но в то же время наиболее противоречивому разделу совокупности общего международного права.

Процесс обсуждения и последующего включения в проект тех или иных статей осложнялся серьезными доктринальными расхождениями в отношении понимания природы международной ответственности, отсутствием однозначной оценки со стороны государств. В работе над темой Комиссии приходилось делать несколько основополагающих выборов, проходить между Сциллой и Харибдой в поисках баланса между объектом и субъектом в международном правотворчестве: кодификацией и прогрессивным развитием, с одной стороны, и интересами государств и другими участниками процесса (включая Комиссию), с другой стороны. Дабы не поставить под угрозу хрупкий баланс, установленный в окончательной версии Статей, КМП оставила неразрешенными ряд вопросов. В их числе, например, вопросы разрешения споров, формы проектов, контрмер и санкций.

12 декабря 2001 года Генеральная Ассамблея ООН резолюцией 56/83 приняла к сведению Статьи об ответственности государств за международно-противоправные деяния, предложив их вниманию правительств, «не затрагивая при этом вопроса об их будущем принятии или другой надлежащей мере». За прошедшие два десятилетия Статьи, и это бесспорный факт, оказали, включая потенциально противоречивые положения, - глубокое влияние на регулирование международной ответственности государств; стали «отправным», фундаментальным ориентиром для дебатов не только по международной ответственности государств, но и ответственности в международном праве в целом: Статьи применяют, на них ссылаются, цитируют, критикуют - от студентов учебных заведений до государств и международных судов и арбитражей.

Принятие в 2001 году Статей об ответственности государств большинством исследователей признается одним из главных достижений в работе Комиссии [1; 792]. Достижение, несмотря на

предшествовавший путь перезагрузок и разногласий, представляющее собой неординарную («парадоксальную» в версии Дэвид Кэрон [2; 857] взаимосвязь между формой и регулирующим влиянием статей: формально не являясь обязательными - имеют большее влияние как текст Комиссии, чем многосторонний договор.

Основания подобного положения вполне объяснимы следующими факторами. В отличие от кодификационных актов, принимаемых в национальных правовых системах высшим законодательным органом, юридическая сила которых не определяется содержанием, «авторитет» кодификационных источников в международном праве преимущественно коррелирует с их содержанием. Кодификационные международные договоры наиболее успешны и собирают наибольшее количество участников в том случае, когда их нормы в большей степени отражают обычное международное право.

В полной мере отмеченное явление относится к Статьям об ответственности государств, юридический статус которых определяется содержанием. В подтверждение уместно привести статистику решений международных судов, трибуналов и других органов, содержащих ссылки на положения Статей, как воспроизводящих или подтверждающих существующие обычаи: 86 новых решений только за период с 1 февраля 2016 года по 31 января 2019 года. В их числе: Международный Суд, Общий суд Европейского союза, Международный трибунал по морскому праву, Европейский суд по правам человека, Межамериканский суд по правам человека, Международный уголовный суд, ОРС Всемирной торговой организации, международные арбитражные трибуналы, Африканский суд по правам человека и народов, Африканская комиссия по правам человека и народов, Карибский суд, Суд Экономического сообщества западноафриканских государств

В то же время, обычные нормы, составляющие основу любого кодификационного проекта и происходящие из межгосударственной практики, судебных прецедентов и доктринальных исследований, предполагают различную степень неопределенности и разногласий. И здесь отмеченный длительный период работы Комиссии над Статьями способствовал появлению ряда положений и комментариев, в которых отражена компетентная попытка сформулировать новые положения, либо предоставить обоснованную рационализацию существующей практики и принципов. Одновременно Статьи

содержат положения, предусматривающие определенную степень прогрессивного развития регулируемых вопросов.

Традиционно придерживаясь амбивалентной позиции в отношении правового статуса разработанных проектов, в отношении Статей об ответственности государств очевидным явилось стремление Комиссии разработать положения *lex lata*. В силу этого Комиссия исключила из проекта во втором чтении концепцию «государственных преступлений», которая оказалась в высокой степени поляризующей для государств. В тоже время, Комиссии удалось отстоять более прогрессивные положения в части международных обязательств, устанавливаемых в коллективных интересах - содержащиеся в статьях 41 и 48: последствиях, возникающих для всех государств в результате серьезных нарушений *jus cogens* и праве ссылаться на ответственность за нарушение обязательств *erga omnes* и *erga omnes partes* соответственно. Показательно, что Комиссия признала положения отмеченных статей в части обязательства сотрудничать в прекращении серьезных нарушений норм *jus cogens* и право требовать возмещения для бенефициаров обязательств перед международным сообществом в качестве прогрессивного развития.

Важно и то, что процесс принятия Комиссией Статей продемонстрировал смену парадигмы в кодификационном движении девяностых годов прошедшего столетия. Период заключения и ратификации кодификационных конвенций, достигший пика в предыдущие два десятилетия, значительно замедлился в своем развитии. Но нет оснований давать оценку данному факту как признанию уменьшающейся роли Комиссии. Преодолевая традиционный процесс, КМП удалось минимизировать риски провала кодификационных конвенций, в то же время, укрепив свой авторитет в качестве экспертного органа. Предложенная КМП концепция «мягкой кодификации» (*light codification*) в настоящее время как никогда более отвечает вызовам плюралистического и фрагментированного международного правопорядка и турбулентным международным отношениям.

Преимущество «мягкой кодификации» заключается и в том, что государства могут делегировать тяжелую работу по исследованию и анализу экспертному органу, которым они могут управлять, сохраняя при этом определенную степень правдоподобного отрицания. При этом у государств сохраняется возможность оспаривать отдельные

положения Статей, о чем свидетельствует критика Сербией статьи 10 о присвоении поведения повстанческого или иного движения в ситуации правопреемства государств в деле *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Croatia v. Serbia)* [4; 18].

Убедительные доводы, которые ARSIWA приводит в подтверждение закона и заинтересованность государств в эффективной и стабильной систематизации норм международной ответственности, также являются частью объяснения успешного применения Статей за последние двадцать лет.

Двадцатилетие принятия Статей побуждает нас к подведению итогов с анализом проблематики их применения за отмеченный период в отдельных сферах и правовых режимах, а также попытке международно-правового прогнозирования «будущего» Статей.

Основа взаимодействия ARSIWA и режима ВТО

Статья 55 ARSIWA (*Lex Speciales*) выступает связующим звеном между специальным режимом Всемирной торговой организации и собственно режимом международной ответственности государств: «Настоящие статьи не применяются, если и в той мере в какой условия наличия международно-противоправного деяния или содержание международной ответственности государства или ее имплементация определяются специальными нормами международного права» [5; 28]. Панель в деле *Korea – Government Procurement* подтвердила «*residual*» применение общих норм международного права, включая ARSIWA, когда заявила, что они применяются «в той мере, в какой нет конфликта или несоответствия, или выражения в охватываемом соглашении ВТО» [6; 8].

Анализ взаимодействия отмеченных правовых режимов на протяжении двадцатилетнего периода позволяет выделить два основных направления применения ВТО ARSIWA: выход за рамки Статей и прямое применение или косвенное упоминание ARSIWA в решениях ВТО. В качестве попытки международно-правового прогнозирования возможно определить будущие потенциальные области применения ВТО ARSIWA.

Выход за рамки ARSIWA

Анализ практики ВТО позволяет выделить ряд Статей об ответственности, которые не нашли «одобрения» в рамках правового режима положения ВТО: средства правовой защиты и

ответственность за действия, не запрещенные международным правом.

В соответствии со статьей 31 *ARSIWA* международно-противоправное деяние влечет за собой обязательство предоставить ретроспективное возмещение, в форме реституции или компенсации. Согласно статьям 35 и 36 реституция представляет собой первичную форму полного возмещения, при этом компенсация причитается, когда реституция материально невозможна или связана с «бременем, непропорциональным выгоде, получаемой от реституции вместо компенсации».

Нормы ВТО не противоречат напрямую принципу полного возмещения и последующего обязательства по реституции и /или компенсации, однако в статьях 3.7 и 22.1 Договора о разрешении споров разъясняется, что основное обязательство ответчика заключается в том, чтобы отозвать несовместимую с ВТО меру. Таким образом, судебные органы ВТО постоянно находили, что средства правовой защиты в соответствии с законодательством ВТО могут быть только перспективными. В исключительных случаях, в деле *Australia — Subsidies Provided to Producers and Exporters of Automotive Leather* комиссия ВТО постановила, что «полное погашение запрещенной субсидии» было необходимо для того, чтобы «отозвать субсидию» в соответствии со статьей 4.7 Соглашения о субсидиях и компенсационных мерах (*ASCM*) поскольку субсидии, состоящие из разовых платежей, не могли быть должным образом отозваны [7; 5]. Хотя решение группы по существу отражает принцип полного возмещения, ее вывод по-прежнему имеет ограниченную прецедентную ценность.

Также в соответствии с законодательством ВТО определенные категории согласованных с ВТО мер могут быть предметом урегулирования споров, в том числе претензий о «отсутствии нарушения» в соответствии со статьей XXIII: 1 (b) ГАТТ, которые позволяют членам ВТО инициировать споры «независимо от того, [они] они или нет» противоречит положениям настоящего Соглашения». Более того, члены ВТО могут требовать отмены субсидий, которые сами по себе не противоречат требованиям ВТО («запрещены»), но вызывают «неблагоприятные последствия» по смыслу статьи 5 *ASCM* (и, таким образом, «требуют действий»).

Прямое применение или косвенное упоминание ARSIWA в решениях ВТО

Наиболее применяемыми судебными органами ВТО положениями Статей об ответственности стали: применение контрмер (условия применения, особенно в аспекте требования соблюдения принципа пропорциональности, статьи 49-51 *ARSIWA*) и правила присвоения поведения государству (глава II, статьи 4-11). Так, в деле *United States — Tax Treatment for «Foreign Sales Corporations»*, решая, были ли определенные контрмеры «уместными» в соответствии со статьей 4.10 *ASCM*, Комиссия сослалась на комментарий к статье 51 *ARSIWA*, отметив, что «отрицательная формулировка соразмерности, которая предусматривает, что контрмеры должны быть соразмерными, как в случае с [*ASCM*], предоставляет большую степень свободы вводящей стране, чем позитивная формулировка» [8; 14].

Аналогичным образом, в деле *United States — Definitive Safeguard Measure on Imports of Circular Welded Carbon Quality Line Pipe from Korea*, при толковании статьи 5.1 Соглашения о гарантиях, которая предусматривает, что меры безопасности применяются только «в той степени, которая необходима для предотвращения или устранения серьезного ущерба и содействия урегулированию», Апелляционный орган сослался на статью 51 *ARSIWA*, чтобы установить, что защитные меры должны удовлетворять обязательству соразмерности, так что они могут противостоять только серьезному ущербу, причиненному импортом, но не ущербу, вызванному другими не связанными факторами [9; 11].

Положения *ARSIWA* по атрибуции поведения использовались при рассмотрении мер, принимаемых организациями, не являющимися центральным правительством государства-члена ВТО. В деле *Saudi Arabia — Measures concerning the Protection of Intellectual Property Rights* отмечалось, что в соответствии со статьей 4 (1) *ARSIWA* член несет ответственность «за действия на всех уровнях правительства (местный, муниципальный, федеральный) и за все действия, предпринимаемые любым органом на любом уровне власти». И далее: поведение лица или группы лиц должно считаться деянием государства в соответствии с международным правом, «если это лицо или группа лиц фактически действуют по указанию или в соответствии с руководством или контролем этого государства в осуществлении поведения». В результате, «тот факт, что действия или бездействие частных лиц» могут включать в себя некоторый

элемент частного выбора», не отменяет возможность государственной атрибуции [10; 7].

Сферы потенциального применения ARSIWA

В числе вопросов прогнозируемого применения Статей об ответственности возможно отметить применение ранее отмеченных правил атрибуции, включая атрибуцию совместной ответственности государств и международных межправительственных организаций.

Статья 10 ARSIWA, предусматривающая правила атрибуции поведения повстанческого и иного движения государству, применяется в настоящее время в серии споров в международном инвестиционном праве, связанных с незаконно аннексированными территориями или мерами, принятыми переходными правительствами. Примерами таких споров могут служить, споры между Западной Сахарой и Марокко; оккупированными палестинскими территориями и Израилем; в Южно-Китайском море; Кипром и Турцией. В числе потенциальной сферы применения в режиме ВТО: споры между США и Китаем, Россией и Украиной.

В деле *Turkey — Restrictions on Imports of Textile and Clothing Products* панель процитировала комментарии КМП к ARSIWA, в поддержку мнения о том, что действия надгосударственного органа могут быть актом каждого государства, общим органом которого он является. Потенциальная сфера применения положений атрибуции совместной ответственности, предусматривающие правила атрибуции поведения повстанческого и иного движения государству, в режиме ВТО: действия предпринимаемым совместно несколькими государствами-членами под эгидой ММПО, многосторонних фондов развития, банков совместной в контексте деятельности государств, многосторонних финансовых институтов; «нормализации» политики финансового и денежно-кредитного стимулирования, в частности, в условиях пандемии [11; 7].

Список использованных источников

1. Rosenstock R. The ILC and State Responsibility // American Journal of International Law. - 2002. - № 96(4). – Pp. 792-797. doi:10.2307/3070678
2. Caron D. (2002). The ILC Articles on State Responsibility: The Paradoxical Relationship Between Form and Authority // American Journal of International Law. – 2002. - Vol. 96(4). - Pp. 857-873. doi:10.2307/3070682
3. Доклад Генерального секретаря ООН А/74/83. 27 апреля 2019. Ответственность государств за международно-противоправные деяния.

Подборка решений международных судов, трибуналов и других органов. <https://undocs.org/ru/A/74/83>. Ранее, в 2010, 2013 и 2016 годах Генеральным секретарем ООН были подготовлены аналогичные доклады, изложенные соответственно в резолюциях 62/61 2, 65/19 3, 68/104.

4. Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Croatia v. Serbia) <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/118/118-20140311-ORA-01-00-BI.pdf>

5. Резолюция ГА ООН 56/83. Ответственность государств за международно-противоправные деяния от 12 декабря 2001 года. <https://docs.cntd.ru/document/901941379>

6. Korea — Measures Affecting Government Procurement. https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds163_e.htm

7. Australia — Subsidies Provided to Producers and Exporters of Automotive Leather. https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds126_e.htm

8. United States — Tax Treatment for Foreign Sales Corporations. https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds108_e.htm

9. United States — Definitive Safeguard Measures on Imports of Circular Welded Carbon Quality Line Pipe from Korea https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds202_e.htm

10. Saudi Arabia — Measures concerning the Protection of Intellectual Property Rights. https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds567_e.htm

11. Turkey — Restrictions on Imports of Textile and Clothing Products. https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds34_e.htm

УДК 368.025

Посткеңестік аймақтағы мемлекеттердің Дүниежүзілік сауда ұйымына қосылу үрдісін талдау

Пернеева Гульмира Амангельдиевна

Perneeva68@gmail.com

к.э.н., доцент кафедры «МО и МЭ»

КазНУ им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Қазақстанның Дүниежүзілік сауда ұйымына (ДСҰ) қосылу туралы өтініші Кеңес Одағынан толық егемендік алғаннан кейін және ел экономикасы әртүрлі реформалар мен ілгері қадамдарға мұқтаж болған кезеңде басталды. Тәжірибе көрсетіп отырғандай, Дүниежүзілік сауда ұйымына қосылу үрдісі мемлекеттің экономикасы мен саясатына байланысты әрқилы болуы мүмкін. Кеден тарифтері және сауда бойынша бас келісіммен салыстырғанда

Дүниежүзілік сауда ұйымына қосылу мемлекеттің ішкі саяси және геосаяси жағдайларына байланысты келіссөздер жүргізу мәселелерінің салдарынан саясилана түсті. Дүниежүзілік сауда ұйымына мүшелік – бұл Қазақстанның халықаралық экономикаға толыққанды өтудегі іргелі қадамы болып табылады. Қазақстанның Дүниежүзілік сауда ұйымынан тыс қалуы мемлекеттің жаһандық нарықтағы әртүрлі артықшылықтар мен экономикалық мүмкіншіліктерден айырылып қалу қаупін туғызатыны туралы Қазақстан үкіметі өз тұжырымдарын айтқан болатын. Бұл орайда Дүниежүзілік сауда ұйымы арқылы Қазақстанның халықаралық саудаға қосылуы экономикалық өсім үшін жаңа қадам болып табылады. Бұл мақалада Қазақстанның күрделі әрі ұзаққа созылған Дүниежүзілік сауда ұйымына кіру үрдісі қарастырылады.

Қазіргі уақытта Дүниежүзілік сауда ұйымындағы қиындықтарға қарамастан, тиімді халықаралық құрылым болып қала береді, оның аясында тауарлар мен қызметтердің жаһандық саудасының 98% - ын қамтитын әлемнің көптеген елдері үшін сыртқы экономикалық қызметті реттеудің көпжақты ережелері қолданылады.

Посткеңестік аймақтағы мемлекеттердің көпшілігі, яғни Еуразиялық экономикалық одақтың (ЕЭО) мүшелері ДСҰ құрамына да енген. Үш мемлекет - Әзірбайжан, Беларусь және Өзбекстан – ұйымға қосылудың әртүрлі сатыларында тұр. Ерекшелік болып, Түркіменстан елі саналады, себебі бұл мемлекет бейтараптылық мәртебесін ұстануда. Бұл ретте, елдер ДСҰ нормалары мен ережелерін ұлттық заңнамаға және қосылу кезеңінде құқық қолдану тәжірибесіне бейімделе бастағанын атап өткен жөн.

ДСҰ-ға қосылудың нақты шарттары барлық елдерде әр түрлі, мұндай жағдай елдің экономикалық әлеуетімен айқындалады, ол неғұрлым қуатты болса, ДСҰ-ға мүше елдерде соғұрлым көп талаптар туындайды, сондай-ақ келіссөздер үрдісі күрделірек және ұзағырақ өтеді. Сонымен бірге, ДСҰ-да объективті бірқатар қиындықтар бар, олардың бір бөлігі құрылғаннан кейін бірден пайда болды. Жұмыс істеген он бес жыл ішінде бірқатар қиындықтар шиеленісіп, жаңалары белгіленді. Оларды шешу қажеттілігі Доха келіссөздерінің дағдарысына байланысты айқын бола бастады.

Көпжақты сауда жүйесі алдында тұрған маңызды сын-тегеуріндер:

- әлемдік дағдарыс салдарынан күшейген дамыған елдердегі протекционизмге беталыстар;

- кедей елдер үшін даму проблемаларының шешілмеуі және осының салдары ретінде олардың ДСҰ қызметіне жеткіліксіз қатысуы;

- халықаралық сауданы өңірлендіру үрдісін жандандыру, оның қауіптілігі блок арасындағы кедергілерді күшейтуден, ашық, әділ бәсекелестік үшін кеңістікті тарылудан тұрады, оның салдарынан халықаралық сауда-саттықтың ДСҰ-ны институционалдық жетілдіруді айналып өту;

- ДСҰ-ны дамытудың таяу болашаққа арналған басты бағыттарын, ол үшін жаңа салалардың көрінісін қоса алғанда, таңдау және күн тәртібінің барлық қатысушылары үшін қолайлы күн тәртібін қалыптастыру [1].

Тағы бір маңызды жүйелік мәселе - құрылған Кедендік одақ пен қалыптасып келе жатқан Еуразиялық экономикалық одақтың ДСҰ-ның базалық нормалары мен ережелеріне, сондай-ақ интеграциялық бірлестіктердің құрылуы мен жұмыс істеуіне қатысты ұйымның келісімдеріндегі сәйкессіздіктер.

Қазақстанның ДСҰ-ға кіргенінен бастап екіжақты және көпжақты қарқынды келіссөздердің қорытындысы бойынша ДСҰ-ның толыққанды мүшесі болды. Осы кезеңде, елдің сауда заңнамасы ДСҰ келісімдерінің нормалары мен ережелеріне толық сәйкес келді. Қазақстанның жаһандық сауда ұйымына кіргеннен бастап, осы жағдайлар отандық кәсіпкерлердің бәсекеге қабілеттілігін арттыруға, ұлттық экономиканы әртараптандыруға, экономиканың өңдеуші секторлары мен көрсетілетін қызметтер секторына инвестициялар үшін қолайлы ахуал жасауға бағытталған, сондай-ақ экономиканың сезімтал секторлары үшін өтпелі кезеңдерді ескереді. Қазақстан ДСҰ-ға кірген сәттен бастап барлық шетелдік инвестициялардың шамамен 50% - ы шикізаттық емес секторларға, атап айтқанда, қызмет көрсету секторына (30%) және өңдеуші өнеркәсіпке (18%) тартылды. Қазіргі уақытта ДСҰ-ға мүше болған барлық ел әлемдік тауар айналымының 98% - ын қамтамасыз етеді [1].

ЕАЭО-қа енудің жағымсыз жақтары қатысушы елдер өздерінің арасындағы қайшылықтарды жеңе алмайтындығына және сыртқы қысымға қарсы іс-қимылдың тиімді тетіктерін таба алмайтындығына негізделеді. Мұндай жағдайда ЕАЭО посткеңестік аймағындағы елдер көптеген жылдар бойы іске асыруға тырысқан басқа да интеграциялық жобалардың тағдырына қол жеткізе алады.

Посткеңестік аймақтағы әсердің одан әрі төмендеуі, сондай-ақ посткеңестік аймақтағы үшінші елдердің позицияларының күшеюімен байланысты экономикалық шығындар көбейеді. Мәселен, Орталық Азияда Қытайдың ықпалы артады. Қытайдың Қырғызстанмен және Қазақстанмен саудасының оң серпіні, сондай-ақ қаржы ресурстарымен нығайтылған өңірге қатысты ұзақ мерзімді стратегияның болуы посткеңестік аймақтың бір бөлігін қайта интеграциялауға бағытталған едердің саясаты үшін қиындықтар туғызатын болады.

ЕАЭО өзінің қалыптасуының басында тұр, бұл жекелеген елдер мүдделерінің соқтығысуынан оның қатысушылары арасында сөзсіз қақтығыстар туындайды. Шынында да, бастапқыда бірлескен жобалар саяси немесе геосаяси деп саналды, ал экономикалық салдары толығымен есептелмеді [1].

Қазақстан барған сайын жаһандану орбитасына тартылып келеді – біз ашық демократиялық қоғам құрып, либералдық экономикалық жүйе қалыптастырып, әлемнің көптеген мемлекеттерімен кең байланыс орнатудамыз. Мәселен, соңғы жарты ғасырда өнеркәсіптік өнімнің әлемдік саудасының көлемі 17 есе өсті, ал әлемдік өндіріс көлемі тек 6 есе өсті. Сауда дамыған және дамушы елдердің экономикалық өсуінің маңызды факторына айналды. Бұл оның экономиканың дамуына әсері артып келеді. Соңғы онжылдықта әлемдік сауданың жыл сайынғы өсу қарқыны 6,5%-ға жетті, ал ЖҰӨ жиынтық өсімі 2,0%-ға ғана өсті. Сонымен бірге, барлық осы артықшылықтар міндетті түрде пайдаға алып келмейтінін атап өткен жөн. Көптеген елдердің ДСҰ-ға мүшелікке ұзақ уақыт және мұқият дайындалып жатқаны орынды. Мәселен, бүгінде экономикасының сәтті дамуына ешкім күмәнданбайтын Қытай бұл іске 15 жылдан астам уақыт дайындалып, 2001 жылы ғана ұйымның мүшесі болды. Дайындық үрдісіне елеулі мән бермеген және ДСҰ-ға кіруге асыққан елдердің қандай да бір пайда алып қана қоймай, елеулі қиындықтарға тап болғаны бекер емес. Оларға Қырғызстан, Молдова, Грузия кіреді. Бұл елдердің ДСҰ-ға кіру тәжірибесін теріс деп санауға болады, өйткені ол, олар күткен ойдағыдай экономикалық өсімді бермеді. Қырғызстан барлық тауарларға өз шекарасын ашты және айтарлықтай инвестициялар келеді деп күтті. Инвестициялар өсіп қана қоймай, керісінше азайды. Молдовада, ДСҰ-ға кіргеннен кейін, ауылшаруашылық машина жасау, темекі және шарап өндірісі сияқты

бірқатар маңызды салаларда күрделі қиындықтар туындады, ал 2000 жылы шетелдік инвестициялар 8,0 % - ға азайды.

Бүгінгі таңда еліміздің шикізаттық, интеллектуалды, ғылыми-техникалық, нормативті-құқықтық мүмкіндіктеріміз біз арқа сүйейтін табысты алуға толық сәйкес емес. Қазақстан әлі де халықаралық сауда қатынастарында, өнім өндіру мүмкіндіктерінде бәсекеге тойтарыс беруге дайын емес. Халықаралық стандарттарға сәйкес, егер әлемдік экспорттың 3,25 % -на тиесілі болса, онда өндіріс саласы бәсекелесуге қабілетті болып саналады.

Тағы да бір айта кететін жағдай – бұл отандық тауар өндірушілерді және ішкі нарықты сыртқы бәсекелестерден қорғау әдістері. Экономикамыздың барлық салалары қорғауды талап етпейді. Әлемдік сауданы ырықтандыру кезінде ДСҰ ережелеріне сәйкес, біздің еліміздің бәсекеге қабілеттілігі төмен өндірістеріміздің кейбіреулері жабылып қалуы мүмкін немесе қайта бейімделуге мәжбүр болуы мүмкін. Бұл бізге көп шығынды кеңестік экономиканың ауыр мұрасын тезірек жеңуге көмектеседі. Егер сыртқы әсерлерден сақтану шаралары қолданылмаса, біздің стратегиялық маңызы бар салаларымыз әлемдік бәсекелестерге тап болуы мүмкін.

Мысалы, ауыл шаруашылығы, жеңіл өнеркәсіп, тамақ өнеркәсібі, құрылыс саласы және құрылыс материалдарын өндіру, машина жасау саласы.

Импорт үлесі азық-түлік тауарларының жалпы жылдық тұтытуда 40-тан 60% -ға дейінгі бөлігін құрайды. Бұл қазіргі қолданыстағы аз көлемдегі тарифтік қорғау деңгейінде деп санауға болады. ДСҰ-ға мүше болу шарттарының бірі ретінде импорттық тарифтер деңгейінің төмен болуы анық. Сондықтан отандық өндірушілердің банкроттыққа ұшырап, жойылып кетуі, үлкен қатер тудыратыны сөзсіз.

Кейбір елдер ДСҰ-ға мүше болғанға дейін, ішкі нарықтарды қорғау мәселесін алдын алу үшін импорттық тарифтерді арттыруға тырысады.

Қазақстан - өткізу нарықтарынан айтарлықтай қашық орналасқан, аумағы орасан зор құрлықшілік ел. Сондықтан, отандық өнімнің өзіндік құнындағы логистикалық бөлігі 20-25 % - ға жетеді, ал ал теңіз жағалауына орналасқан елдерде оның үлесі 10 %-ды құрайды.

Осылайша, көлік шығындарының жоғары болуына байланысты қазақстандық өнімнің кейбір түрлерінің бәсекеге қабілеттілігі

төмендейді. Сонымен қатар, біздің мүмкіндіктерімізбен біз жақын маңдағы ғана емес, сонымен қатар алыс шет елдерге де астық пен еттің ірі экспорттаушысы бола аламыз. Алайда, бұл ретте сыртқы нарықта ауыл шаруашылығы өнімдерін өткізумен байланысты көлік шығындарын мемлекет экспорттық субсидиялар түрінде өзіне алуға тиіс. Өткізу мәселелерін шеше отырып, мұндай шара тауар айналымының өсуіне және ауыл экономикасының жандануына ықпал етер еді [1].

Қазақстанның ДСҰ-на кірудегі негізгі мәселелері:

- импортталатын бірқатар тауарларға баждарды төмендету немесе толық жою;
- шетелдік компаниялардың қазақстандық нарыққа қол жеткізуін кеңейту;
- агроөнеркәсіптік кешен (АӨК) өнімінің экспортын мемлекеттік қаржылық қолдаудан бас тарту;
- ДСҰ нормаларына сәйкес ауыл шаруашылығын дотациялау;
- АӨК салаларын субсидиялауды кезең-кезеңімен қысқарту;
- экспорттық баждардан бас тарту;
- шет елдерде аграрлық өндіріс пен экспортты қолдау түріндегі аграрлық протекционизмнің жоғары деңгейі [2].

Ресейдің ДСҰ-ға кіруінің кемшіліктері

1. Көптеген ресейлік компаниялар бәсекеге қабілетсіз болады. Нәтижесінде, жұмыс орындарының жоғалуы, жұмыссыздықтың өсуі. Әсіресе, қала құрушы кәсіпорынның банкроттығына байланысты әлеуметтік жарылыс туындауы мүмкін моноқалаларда ауыр зардаптар болады.

2. Ресей экономикасы сыртқы экономикалық қызмет мәселелерінде айтарлықтай икемділікті жоғалтады. Мысалы, қазір «жылыжай» жағдайында тұрған автоөнеркәсіпті соншалықты құлшыныспен қорғай алмайды, ал құрғақшылық кезеңінде 2010 жылғыдай ауылшаруашылық өнімдеріне эмбарго енгізе алмайды.

3. Ресейге шикізатқа тәуелділіктен арылу қиынырақ болады.

4. Экспорттық баждардың азаюы одан да көп мемлекеттік облигациялар шығару есебінен жабылатын бюджет тапшылығы. Бұл тиісті салдармен мемлекеттік қарыздың өсуіне әкелуі мүмкін.

5. Сонымен қатар, қазіргі геосаяси жағдайға байланысты ДСҰ Ресей мен Украина арасындағы қатынастарды көпшілікке түсіндірудің жаңа алаңына айналды. Әңгіме бірнеше өзара талап-

арыздар туралы ғана емес, сауда саясатының ұлттық шолуларын талқылау кезіндегі өткір мәлімдемелер, ДСҰ-ның қызмет ұйымдарындағы әр түрлі қиындықтарға сәйкес көзқарастар жайлы болып отыр. Жалпы, ДСҰ-ның негізгі бағыттарының бірі, жол еркіндігін қысқартуға қатысты Украинаның Ресейге деген жаңа талабына байланысты жағдайдың ушығуын күтуге болады.

ДСҰ-ға кіру кезінде Ресей экономикасына қауіп-қатерлер негізінен бастапқы кезеңде жасырылады. Жоғары сапалы тауарлар мен шығындардың төмен деңгейі бар халықаралық корпорацияларды нарыққа жаппай енгізу кезінде ресейлік кәсіпорындар ішкі нарықтың айтарлықтай үлесін жоғалтуы мүмкін. Еңбек өнімділігінің төмен деңгейі және өнім сапасының төмендігі машина жасау, авиация және автомобиль өнеркәсібін, жеңіл өнеркәсіпті, ауыл шаруашылығын барынша осал етеді. Өндірістің құлдырауы және осы салалардағы жұмыс орындарының қысқаруы мүмкін. Импортқа тәуелділік артады, өйткені Ресейдің ДСҰ-ға қосылуы ішкі нарықты енді инвестициялар үшін емес, шетелдік тауарлар үшін ашады. Ресейдің ДСҰ-ға кіруінің оң әсері ұзақ мерзімді [2].

Сонымен, Ресейдің ДСҰ-ға қосылуының негізгі мәселелерінің бірі-ресейлік өндірушілердің кәсіпорындар сыртқы нарықтарда өз тауарларын көрмеген кезде осы ұйымға мүшеліктің артықшылығын пайдалануға дайын еместігі. Сонымен бірге, ДСҰ-на мүше болу кезінде Ресей мемлекеті отандық өндіріс салаларын қорғауды алға тартып отыр деуге болады. Олар ДСҰ-ға сәйкес хаттаманы ратификациялау үшін зиян келуі мүмкін салалар үшін әрекет етеді. Отандық кәсіпорындар, стратегиялық маңызы бар салалар сыртқы әсерлерден қорғалынады, бірақ егер олардың мәселелерін ДСҰ-мен біржақты байланыстыруға болатын болса ғана. Кедендік тарифтік қорғау деңгейі ел ішіндегі өнім өндірушілерге қаншалықты теріс әсер ететінін қарау қажет. Ресей Федерациясының Үкіметі отандық фермерлердің жағдайына ерекше назар аударуды, оларды шетелдік өндірушілермен тең бәсекелестік жағдайлармен қамтамасыз етуді жоспарлап отыр. Ресейдің ДСҰ-ға қосылуымен қатар ауыл шаруашылығы саласына бірқатар тәуекелдер баршылық, сондықтан оларға өзара тең жағдайда бәсекенің болғаны дұрыс.

Ресей де бірқатар жылдар бойы ДСҰ-на мемлекеттік сатып алу бойынша тапсырыстарға және оның келісіміне біріге алады. ДСҰ-ның мемлекеттік сатып алу бойынша келісіміне (GPA, Agreement on

government Procurement) ешқандай да шектеудің болмауын және мәмілелердің өзара қолжетімділігін айқындайды.

Мемлекеттік сатып алу бойынша келісіміне қол қойған елдер, басқа да тауарлары мен ұсынылатын қызметтерін, біріккен елдерге тең жағдайда орындалуын қамтамасыз етеді.

Мемлекеттік сатып алу бойынша трансұлттық компаниялардың салаларына қол жетімділігінің мәселесі көп, себебі ол үкіметтің саясатымен байланысты.

Беларусь мемлекетінің тасымалдаушылары Ресей мемлекетінің мемлекеттік сатып алу алдында тиімді мәртебесін алады. Мемлекеттік сатып алу бойынша мемлекеттік өнім берушілерге қолданып отырған преференциялар жүйесін, сондай-ақ посткеңестік аймақтағы достас мемлекеттердің «отандық» өндірушілерін тану тетігін келісімнің барлық қатысушыларының нарыққа тең қолжетімділігімен ауыстыруға тура келеді.

Сондай-ақ, жанама критерийлерді - технологияларды лицензиялау, инвестицияларды жүзеге асыру, бартерді пайдалану талаптарын белгілеуге жол берілмейді. Тіпті дамушы елдерге келісім-шарт жасасу үшін негіз ретінде емес, жеткізушілерді іріктеу үрдісіне қатысушылардың біліктілігі үшін осы өлшемдерді пайдалануға мүмкіндік береді. Алайда Ресей Федерациясы бұл ережені қолдана алмайды, өйткені ол дамушы елдер тізімінен шығарылды.

Негіздері және қосылу мүмкіндіктері:

1. Мемлекеттік тауар өндірушілерді және ішкі нарықты қорғау тарифке сәйкес қиындайды.

2. Әрбір мемлекет өзінің отандық өнімдеріне сыртқы әсерлерден қорғау мүмкіндігі шектеліп, ішкі нарықты ашуға мәжбүр болады.

3. Мемлекет өз еркіндігінен шектеліп, өзі қалаған заңды қабылдаудан, жеке экономикалық саясатын жүргізуден қағылады.

4. ДСҰ-на енген соң, мемлекеттік бюджет шығындарының өсуіне әкеледі.

5. Отандық өнімдердің көпшілігі сырттан келген тауарлар мен қызметтердің басқынына және бәсекеге төтеп бере алмайды.

6. Жұмыссыздық мәселесін шешу және әлеуметтік шараларын қолдау қомақты қаражатты талап етеді.

7. Бәсекеге қабілетті отандық тауарлардың құны артып, оның өтімділігі нашарлайды.

Қазіргі кезде ресейлік өнімнің құны, жалақы, электроэнергияны, экологияны үнемдеуге байланысты әлемдік бағадан ерекшелінеді.

Бұл жағдай Батыс демпингіне сәйкес қабылданып, одан бас тарту үшін, Ресей энергия тасымалдаушылардың ішкі бағаларын халықаралық деңгейге көтереді.

ДСҰ-на мүше болу аясында Ресей мемлекеті Қытай Халық республикасындай жетістіктерге жетуі екіталай, себебі оның сауда айналымы және өндіріс салалары бар жоспарлы экономиканы құрып, дамуда. Ал Ресейдің экономикалық саясаты өндіріс салаларының шектеулі түрлеріне бағыттылған.

Сондықтан, кейбір мемлекеттерге ДСҰ-на кіру тиімді болмақ, егер де олар

Заманауи бағыттағы салаларды дамытуды көздейтін жолмен дамыса. Сонымен қатар экспортқа бағытталған бизнесті дамытуға жаңа амалдар көбеюі мүмкін.

ДСҰ-на кіруден басқа, кейбір нарыққа жаңадан бет алған мемлекеттердің алдында, шетелдік компаниялардың басым жақтары да бар. Мысалы:

а) Көптен бері жинаған басқару тәжірибелері және заманауи басқару әдістерін қолдану мүмкіндіктері;

б) Заманауи өндірістік жаңа технологияларды пайдалану;

в) Еңбек өнімділігіне жетудің жоғары өндірістік технологияларды пайдалану деңгейі;

г) Қолжетімді қаржылық ресурстардың бар болуы.

Ресей ДСҰ - ға кіргеннен кейін «демпингке қарсы» тергеулер бойынша қаулылардың жойылуының арқасында бірнеше жыл бойы жылына қосымша 2 миллиард доллар алуы мүмкін. Ресей экономикасына шетелдік инвесторлар тарапынан қызығушылықтың өсуі күтілуде, олар Ресей Федерациясының ұйымға мүшелігі түрінде қосымша кепілдіктер алады [2].

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі

1. Финансовый университет при Правительстве российской Федерации // <http://www.fa.ru>

2. Россия и Всемирная торговая организация – WTO // <http://www.wto.ru/ru/newsmain.asp>

ЕАЭО: қылмыспен күрестегі ынтымақтастықтың кейбір мәселелері

Қарабаев Фазылжан Жұмашұлы

f-karabaev@mail.ru

З.ғ.к., доцент м.а.

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті,
Нұр-Сұлтан, Қазақстан

Әлемде қылмыстың таралу тенденциясы, өкінішке орай, халықаралық қауіпсіздікке қол сұғатын халықаралық сипаттағы қылмыстар азаймайды, қылмыскерлердің әрекеттері одан да айлалы болып шығады, мұндай әрекеттің жұмыс істеуі мен даму схемалары соншалықты шатасып кетеді, сондықтан оларды ашу қиынға соғады.

Халықаралық қауіпсіздікке қол сұғатын қылмыстардың ерекшеліктері қандай екендігі туралы мәселе заң ғылымы үшін осындай өзекті мәселе көптеген зерттеушілердің талқылауына айналды [1].

Еуразиялық экономикалық одаққа мүше мемлекеттерде (Қазақстан, Ресей, Армения, Қырғызстан және Беларусь мемлекеттері) жиі кездесетін қылмыстың құрылымы мен динамикасында жағымсыз өзгерістер орын алуда. Кәсіби біліктіліктің өсуімен және қылмыстық ортаны ұйымдастырумен қатар жасырылған, экстремистік және террористік бағыттағы қылмыстардың саны артып, қылмыстық әрекеттер әдістерінің ауқымы үнемі кеңеюде. Жедел бөлімшелердің қызметкерлері жедел-іздістіру қызметін құқықтық реттеу сапасының практика қажеттіліктеріне сәйкес келмеуіне байланысты қылмыспен күресуде қиындықтарға тап болады. Бұл әсіресе Еуразиялық экономикалық одаққа мүше елдердің жедел-іздістіру органдарының өзара іс-қимылын қиындатады. Қазіргі уақытта Еуразиялық экономикалық одақ кеңістігінде заңнамалық реттеудің қолданыстағы жүйесінің тиімсіздігі туралы айтуға болады.

Еуразиялық экономикалық одақ шеңберінде қылмыстылықпен күресудегі бірқатар халықаралық шарттар мен келісімдер бар. «Азаматтық, отбасылық және қылмыстық істер бойынша құқықтық көмек пен құқықтық қатынастар туралы» Конвенция (Минск, 1993

жылғы 22 қаңтар) [2], «Азаматтық, отбасылық және қылмыстық істер бойынша құқықтық көмек пен құқықтық қатынастар туралы» Конвенция (Кишинев, 2002 жылғы 7 қазан) [3], «Тәуелсіз мемлекеттер Достастығына қатысушы мемлекеттердің адам саудасына, адам органдары мен тіндеріне қарсы күрестегі ынтымақтастығы туралы» келісім (Минск 2005 жылғы 25 қараша) [4] және «Кеден одағына мүше мемлекеттердің кеден органдарының қылмыстық істер және әкімшілік құқық бұзушылық туралы істер бойынша құқықтық көмегі мен өзара іс-қимылы туралы» келісім (Астана, 2010 жылғы 5 шілде) назар аударуға лайық [5].

Еуразиялық экономикалық одаққа мүше елдер толығымен қатысатын халықаралық құжаттардың бірі – 2002 жылы Кишинев қаласында қабылданған «Азаматтық, отбасылық және қылмыстық істер бойынша құқықтық көмек пен құқықтық қатынастар туралы» Конвенциясы.

Құжат тараптар аумағында тұратын азаматтар мен басқа да адамдардың жеке, мүліктік және мүліктік емес құқықтарын сенімді құқықтық қорғауды қамтамасыз етуге, сондай-ақ қол қоюшы мемлекеттердің Азаматтық, отбасылық және қылмыстық істер бойынша құқықтық көмек көрсету саласындағы құзыретті органдарының ынтымақтастығына бағытталған.

Республикалардың Кишинев конвенциясына қосылуы азаматтарға құқықтық көмек көрсету кезінде Тараптардың орталық, аумақтық және басқа органдары арқылы өзара іс-қимыл жасауға мүмкіндік береді. Бұдан басқа, Конвенция қатысушы мемлекеттердің аумағында тұратын азаматтар мен басқа да адамдарды сот және нотариаттық баждар мен шығындарды төлеуден және өтеуден босатуды, сондай-ақ оларға басқа Тараптардың аумақтарында олардың мемлекетіндегідей шарттарда тегін заң көмегін беруді көздейді. Қазақстан Республикасы Кишинев конвенциясына 2004 жылдың 29 наурызында қосылды.

Конвенцияның 6-бабына сәйкес, уағдаласушы тараптар сұрау салынатын уағдаласушы тараптың заңнамасында көзделген процедуралық және басқа әрекеттерді орындау арқылы өзара құқықтық көмек көрсетеді, атап айтқанда, құжаттарды ресімдеу, адресатқа жіберу және жеткізу, тексеру, тінту, алу, заттай дәлелдемелерді беру, сараптамалар жүргізу, тараптардан, үшінші тұлғалардан, күдіктілерден, айыпталушылардан, жәбірленушілерден, куәлерден, азаматтық талапкерлерден, азаматтық жауапкершіліктен,

олардың өкілдерінен, айыпталушының заңды өкілдерінен, сарапшылардан жауап алу, сәйкестендіру үшін таныстыру, оның ішінде бейне байланыс, бейне жазу және басқа да техникалық құралдарды қолдану, адамдарды іздестіру, тергеудегі қылмыстық іс шеңберінде жедел-іздестіру шараларын жүзеге асыру, қылмыстық қудалау, адамдарды қылмыстық жауапкершілікке тарту немесе үкімді орындау үшін беру, қылмыстық жолмен алынған ақша мен мүлікті іздестіру және тұтқындау (тәркілеу), қылмыстық әрекеттен түсетін түсімдер ретінде және азаматтық істер, коммерциялық және басқа экономикалық даулар бойынша шешімдерді орындау үшін азаматтық жауапкердің мүлкі мен қаражатын іздеу, азаматтық істер мен үкімдер бойынша атқарушылық хабарламаларды, сот шешімдерін тану және орындау. Көріп отырғанымыздай, көрсетілетін заңды көмектің көлем мөлшері өте ауқымды [6].

Бұдан басқа, Қазақстан Республикасы Еуразиялық Экономикалық одаққа қатысушы елдермен екіжақты тәртіппен ынтымақтасады. Мысалы, терроризм және экстремизм сияқты халықаралық қылмыстарды реттейтін бірқатар екіжақты келісімдер бар. Бұл шарттардың тізіміне: Қазақстан Республикасы мен Ресей Федерациясы арасындағы достық, ынтымақтастық және өзара көмек туралы шарт (Мәскеу, 1992 жылғы 25 мамыр), Қазақстан Республикасы мен Беларусь Республикасы арасындағы ынтымақтастық туралы шарт (Минск, 1995 жылғы 26 мамыр), Қазақстан Республикасы мен Қырғыз Республикасы арасындағы мәңгілік достық туралы шарт (Алматы, 1997 жылғы 8 сәуір) және Қазақстан Республикасы мен Армения Республикасы арасындағы достық пен ынтымақтастық туралы шарт (Астана, 1999 жылғы 2 қыркүйек) кіреді [7].

Жоғарыда аталған шарттар біздің республикамызға халықаралық қылмыстармен күресуге және олармен күресуде ынтымақтасуға көмектесетін тұтас тетіктің ажырамас бөлігі болып табылады.

Ресей Федерациясы мен Қазақстан Республикасы арасында қылмыстылықпен күресудегі серпіліс әкелген мән-жайлардың бірі – ол 2018 жылы Қазақстанның Бас прокуратурасы мен Ресейдің Тергеу комитетінің арасындағы келісім болып табылады. Келісім аясында тараптар қылмысқа қарсы тұру туралы, экономика және жоғары технологиялар саласындағы қылмыстарды, оның ішінде террористік, экстремистік, сыбайлас жемқорлыққа бағытталған қылмыстарды ашу және тергеу әдістері мен тәсілдері туралы тәжірибе алмасуға келісті.

Мәселен, 2013-2018 жылдар ішінде Қазақстанның Бас прокуратурасы 131 ресейлік адамды ұстап беру туралы өтінішті қанағаттандырған, Ресей тарапы қазақстандықтарды экстрадициялау туралы 272 өтінішті қанағаттандырған. Бұдан басқа, жазасын одан әрі өтеу үшін Қазақстан Ресейде 112 сотталған азаматты қабылдап, РФ-ға 242 Ресей азаматын берді [8].

Трансұлттық ұйымдасқан қылмыстық топтарға тиімді қарсы іс-қимыл жасау, бандақұрылымдардың террористік қызметінің алдын алу және жолын кесу, Еуразиялық Экономикалық одақ елдері полиция бөлімшелерінің құқық қорғау қызметін үйлестіру үшін Еуразиялық полиция құрылуы мүмкін.

2012 жылы халыққа үндеуі барысында Елбасы – Қазақстан Республикасының Тұңғыш Президенті Нұрсұлтан Әбішұлы Назарбаев Еуразполды құру идеясын жария түрде бірінші болып айтқан болатын. Оның пікірінше, мұндай институтты құрудың негізгі себептерінің бірі трансұлттық ұйымдасқан қылмысқа қарсы күресті күшейту қажеттілігі болып табылады. Мұндай бастаманың негізділігі басқа интеграциялық бірлестіктің - Еуропалық Одақтың тәжірибесінен туындайды, ол қатысушы елдер арасындағы шекаралардың ашылуымен көптеген қылмыстық кәсіптердің мамандары үшін «қылмыстық жұмаққа» айналды [9].

Еуразполдың негізгі мақсаты ұлттық құқық қорғау қызметтері жұмысының тиімділігін арттыру және олардың халықаралық (трансұлттық) ұйымдасқан қылмыс көріністеріне қарсы күрестегі және осындай көріністердің алдын алудағы ынтымақтастығы болуға тиіс.

Еуразиялық кеңістікте іске асыру үшін Конвенция не Еуразиялық полиция ведомствосын құру туралы шарт қабылдау қажет, онда оның функциялары мен өкілеттіктері, қызметін ұйымдастыру, өзара іс-қимыл жасау тәртібі және т. б. көзделуі тиіс [10].

Еуразполдың құрылуы кезіндегі бақылаудың басым бөлігі ұлттық құқық қорғау ведомстволарының қолында қалуға тиіс. Екі немесе одан да көп елдердің мүдделерін қозғайтын нақты қылмыстық іс үшін қажетті мәліметтерді жинауды бақылау Еуразполдың өкілеттіктеріне жатқызылуға тиіс. Еуразполды құру идеясының өзі - бұл айқын сын-қатерлерге негізделген жауап: ішкі кедендік шекаралардың жойылуы, Ресей, Қазақстан, Беларусь, Армения және Қырғызстан бизнес-құрылымдарының неғұрлым белсенді өзара іс-қимылы. Бұл ретте бес елдің Қылмыспен күрес ұйымдарының криминалдық қызметінің

саласы автоматты түрде кеңейтіледі. Қазіргі ахуал Еуразиялық экономикалық одақ мүшелерін ұлттық құқық қорғау Күштерін реформалау процесін қысқартуға, күш-жігерін Еуразиялық экономикалық одақ елдерінің құқық қорғау органдарының кооперациясына және полиция заңнамасын біріздендіруге бағыттауға міндеттейді [11].

Қорыта айтқанда, Еуразиялық экономикалық одақ елдерінің қылмыспен күрестегі ынтымақтастығының шешімін күткен мәселелері жеткілікті, оларды шешу келешектің еншісінде.

Қолданылған әдебиет тізімі

1. Клюканова Т.М., Михайлова О.О. Правовое регулирование преступлений, посягающих на глобальную безопасность. Евразийская Интеграция: экономика, право, политика. 2020;14(4):56-62. Электрондық ресурс. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2020-4-56-62>

2. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минская конвенция) от 22 января 1993 г. - URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1009674.

3. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Кишиневская конвенция) от 7 октября 2002 г. - URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1034672.

4. Токалов Т.Б. Теоретические, правовые и организационно-управленческие проблемы оперативно-розыскной деятельности ОВД Республики Казахстан в борьбе с преступностью: автореф. дис.... д-ра юрид. наук. - М., 2007. - С. 45.

5. Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с торговлей людьми, органами и тканями человека от 25 ноября 2005 г. - URL: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc-1901>.

6. Азаматтық, отбасылық және қылмыстық істер бойынша құқықтық көмек пен құқықтық қатынастар туралы конвенцияны бекіту туралы Қазақстан Республикасының 2004 жылғы 10 наурыздағы N 531 Заңы. URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z040000531>

7. Апбасова А.С. Международное сотрудничество Республики Казахстан в борьбе с терроризмом // Сборник материалов с конференции «Действующее право Республики Казахстан: Проблемы тенденции перспективы». Астана, 2010. <https://articlekz.com/article/7526>

8. Генпрокуратура РК и Следственный комитет России подписали ряд соглашений // Официальный сайт Посольства РК в РФ https://kazembassy.ru/rus/press_centр/novosti/?cid=0&rid=1743

9. Зиядуллаев Н.С. Евразийский экономический союз: история успеха или мыльный пузырь // Независимая газета. 2014. 15 сент. №197

10. Сарсенов А.М. К идее создания Евразийской полиции (Евразпола). Вестник Института законодательства РК // №1 (25), 2012 г. С. 118-119

11. Тапоненко В.Ф., Падалка В.В. Нужна ли Евразийская полиция (Евразпол) для единого экономического пространства в рамках Евразийского экономического союза? // Вестник Московского университета МВД России. 2015. №12 (1)

УДК 341.176.1

Состояние и перспективы развития технического регулирования в Евразийском экономическом союзе

Ойнарова Асем Аскарровна

oinarova@mail.ru

PhD, старший преподаватель кафедры международного права
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан

Подписание Договора о ЕАЭС стало важным шагом к усилению экономического потенциала государств-членов. Принимая во внимание уровень развития интеграции на пространстве СНГ, можно отметить, что ЕАЭС в настоящее время играет роль авангарда в процессе интеграции, по сути, это экономический локомотив, при успешности движения которого, к нему будут присоединяться другие государства.

Одной из основных целей ЕАЭС является стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза [1]. При этом должен создаваться единый рынок с безопасной продукцией, чтобы защитить потребителя от опасных и фальсифицированных товаров.

Согласно п. 2 Протокола о техническом регулировании в рамках Евразийского экономического союза (Приложение № 9) к Договору о ЕАЭС под техническим регулированием понимается правовое регулирование отношений при установлении, применении и исполнении обязательных требований к продукции или к продукции и связанным с требованиями к продукции процессам проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, а также правовое регулирование отношений в области оценки соответствия [1; 196].

Обратимся к определениям технического регулирования в национальных законодательствах государств-членов ЕАЭС.

В Законе Республики Казахстан «О техническом регулировании» под техническим регулированием понимается «правовое регулирование отношений в области установления, применения и исполнения обязательных требований к продукции или связанным с требованиями к продукции процессам проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, а также в области оценки соответствия» [2].

Согласно Федеральному закону России «О техническом регулировании» техническое регулирование – это «правовое регулирование отношений в области установления, применения и исполнения обязательных требований к продукции или к продукции и связанным с требованиями к продукции процессам проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, а также в области применения на добровольной основе требований к продукции, процессам проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, выполнению работ или оказанию услуг и правовое регулирование отношений в области оценки соответствия» [3].

В Законе Беларуси «О техническом нормировании и стандартизации» установлено, что техническое нормирование – это «деятельность по установлению обязательных для соблюдения технических требований к объектам технического нормирования, основным результатом которой является разработка технических регламентов Республики Беларусь и технических регламентов Евразийского экономического союза» [4].

В Законе Кыргызской Республики «Об основах технического регулирования в Кыргызской Республике» закреплено, что техническое регулирование – это «правовое регулирование отношений в области установления, применения и исполнения обязательных и добровольных требований к объектам технического регулирования и правовое регулирование отношений в области оценки соответствия» [5].

Закон Республики Армения «О техническом регулировании» устанавливает, что техническое регулирование – «единство видов

деятельности, определяющее основные требования к продукции и связанным с ней процессам, включая условия ее реализации, а также правила вывода на рынок и процедуры оценки соответствия» [6]. Данное определение имеет определенные особенности по сравнению с определениями, приведенными выше, но подобные отличия не влияют на общее понимание технического регулирования в ЕАЭС и не являются препятствием для Армении в сфере технического регулирования в рамках ЕАЭС.

Изучив определение технического регулирования в Приложении № 9, а также определения, существующие в законодательствах государств-членов, можно прийти к выводу, что определение в Приложении № 9 полностью отражает подходы государств-членов к пониманию технического регулирования. Так, в каждом из определений указаны объекты технического регулирования, область отношений, подпадающих под правовое регулирование, процессы, связанные с требованиями к продукции. Тем не менее стоит отметить, что в законах Казахстана, Кыргызстана, России техническое регулирование – это правовое регулирование, в то время как в Беларуси введен термин «техническое нормирование», под которым понимается деятельность по установлению обязательных для соблюдения технических требований [4], в законе Армении под техническим регулированием понимается единство видов деятельности, определяющее основные требования.

В области технического регулирования государства-члены ЕАЭС договорились пойти по пути гармонизации своих национальных систем в области технического регулирования. Посредством единых технических регламентов государства-члены стремятся обеспечить единые требования к товарам, находящимся в обращении на территории Союза. На территории государств-членов технические регламенты должны применяться непосредственно без дополнительного национального законодательства. Соответственно национальные требования, установленные законодательством государств-членов ЕАЭС, не могут больше применяться после вступления в силу технических регламентов ЕАЭС. Соответствующие национальные технические регламенты должны быть отменены. Для реализации данных положений на практике существуют переходные периоды. При этом могут возникать определенные трудности, например, могут использоваться как согласованные международные стандарты, так и модифицированные

национальные стандарты. В связи с этим в Договоре ЕАЭС (раздел X и Приложения № 9-11) в области технического регулирования предусматривается существенная передача компетенций с национального уровня на уровень Союза. Технические регламенты ЕАЭС не предусматривают дополнительные обязательные требования на национальном уровне, помимо установленных в самих технических регламентах Союза, в связи с этим, государства–члены не могут устанавливать подобные обязательные требования. Однако, в национальном законодательстве государств-членов ЕАЭС регулируются вопросы разработки и применения стандартов, оценки соответствия, государственного контроля и надзора, метрологического контроля и вопросы ответственности [7].

В положениях Договора не уточняется вид акта Комиссии, в форме которого принимается технический регламент Союза. Разъяснение по данному вопросу дал Суд ЕАЭС в Консультативном заключении от 31 ноября 2019 года. Суд отмечает, что анализ всей совокупности норм раздела X Договора, Приложений №1 (Положение о Евразийской экономической комиссии) и № 9 (Протокол о техническом регулировании в рамках Евразийского экономического союза) к нему показывает, что таковыми могут быть только решения Евразийской экономической комиссии, которые «имеют нормативно–правовой характер, т.е. устанавливают общеобязательные, формально–определенные правила поведения, из которых вытекают права и обязанности участников общественных отношений, чьи действия данные правила призваны регулировать в качестве образца поведения» [8].

На текущий момент вступило в силу 43 технических регламента (49 приняты). В частности, были установлены единые требования к пищевой, парфюмерно-косметической продукции, игрушкам, машинам и оборудованию и др. В соответствии с Приложением № 9 к Договору о ЕАЭС техническим регламентом Союза является документ, принятый Комиссией и устанавливающий обязательные для применения и исполнения на территории Союза требования к объектам технического регулирования [1; 198].

Разработка проектов технических регламентов и проектов изменений в технические регламенты в рамках Союза осуществляется ЕЭК и состоит из следующих основных этапов:

1) подготовка и утверждение ЕЭК плана разработки технических регламентов и внесения в них изменений, изменений в план;

2) подготовка проекта технического регламента (проекта изменений в технический регламент);

3) проведение публичного обсуждения проекта технического регламента (проекта изменений в технический регламент), включая оценку регулирующего воздействия;

4) проведение внутригосударственного согласования проекта технического регламента (проекта изменений в технический регламент);

5) принятие Комиссией технического регламента (изменений в технический регламент) [9].

Следует также понимать, что в каждом государстве-члене Союза есть акты, регулирующие общественные отношения в сфере технического регулирования.

В преамбуле Договора о ЕАЭС закреплено, что государства-участники принимают во внимание нормы, правила и принципы Всемирной торговой организации. Пункт 2.1 статьи 2 Соглашения ВТО по техническим барьерам в торговле закрепляет принципы недискриминации и национального режима в сфере технического регулирования, определяя, что товарам, импортируемым с территории любого члена, должен предоставляться режим не менее благоприятный, чем тот, который предоставляется подобным товарам национального происхождения и подобным товарам, происходящим из любой другой страны. Технические регламенты, согласно пункту 2.2 статьи 2 Соглашения ВТО по техническим барьерам в торговле, «не должны создавать или приводить к созданию излишних препятствий в международной торговле», т.е. создавать барьеры в торговле. В качестве законных целей принятия технических регламентов данное Соглашение называет: требование национальной безопасности; предотвращение обманной практики; защиту здоровья или безопасности людей, жизни или здоровья животных или растений, охрану окружающей среды [10].

Указанное положение нашло закрепление как в статье 52 Договора о ЕАЭС, так и в нормативно-правовых актах в сфере технического регулирования государств-членов.

Требования безопасности и оценка соответствия в техническом регламенте сочетают в себе решения социально-экономических задач и те условия, и обязательства, которые могут быть выполнены большинством предприятий. Достижение баланса между двумя категориями должно являться ключевой задачей при разработке и

внедрении технического регламента, и это должно обосновываться в ходе рассмотрения его на всех стадиях разработки в ЕЭК.

Поиск вышеуказанного баланса во многом зависит от наличия перечня стандартов и/или наборов правил, которые обеспечивают соответствие требованиям регламента, а также перечень стандартов, содержащих правила и методы исследований (тестирований) и измерений. Они создают объективную основу для формирования требований регламента.

В системе технического регулирования ЕАЭС стандарты представлены как добровольные к применению правовые акты. Разработка межгосударственных стандартов осуществляется с целью реализации технических регламентов, так и для подтверждения соответствия их требованиям. Важным аспектом при разработке стандартов является их гармонизация с международными и региональными аналогами. Межгосударственные стандарты предъявляют высокие требования к безопасности продукции, что позволяет не только поставлять высококачественную продукцию на внутренний рынок ЕАЭС, но и расширять географию экспорта товаров, произведенных на территории ЕАЭС [11].

Положения пункта 2.4 статьи 2 Соглашения ВТО по техническим барьерам в торговле нашли полностью отражение в законодательстве Союза и государств-членов. В пункте 3 Протокола о техническом регулировании в рамках Евразийского экономического союза (Приложение № 9) закреплено, что соответствующие международные стандарты (правила, директивы, рекомендации и другие документы, принятые международными организациями по стандартизации) используются в качестве основы для разработки технических регламентов Союза, если соответствующие документы отсутствуют или не соответствуют целям принятия технических регламентов Союза, в том числе из-за климатических и географических факторов или технологических и других особенностей. При отсутствии необходимых документов применяются региональные документы (положения, директивы, решения, стандарты, правила и другие документы), национальные (государственные) стандарты, национальные технические регламенты или их проекты [12; 14].

Для обеспечения взаимодействия ЕЭК и уполномоченных органов государств-членов утверждаются Программы по разработке (внесению изменений, пересмотру) межгосударственных стандартов,

согласно которым разрабатываются межгосударственные стандарты для включения их в перечни стандартов.

Необходимо отметить, что большинство технических регламентов и стандартов, принятых ЕЭК, схожи по тексту и содержанию техническим регламентам ЕС, а также международным стандартам, соответствующим европейским. Практика разработки и принятия технических регламентов и стандартов в Евразийском экономическом союзе на основе международных/европейских стандартов создает базовую предпосылку для сближения систем технического регулирования ЕС и ЕАЭС [7]. В 2017 году ЕЭК, Европейский комитет по стандартизации (CEN) и Европейский комитет по электротехнической стандартизации (CENELEC) подписали Меморандум о взаимопонимании.

ЕЭК в сфере технического регулирования сотрудничает с ВТО, Европейской экономической комиссией ООН, Международной электротехнической комиссией, Межгосударственным советом по стандартизации, метрологии и сертификации о сотрудничестве в области стандартизации и обеспечения единства измерений СНГ, Американским обществом по испытаниям и материалам.

Для преодоления барьеров в сфере технического регулирования необходимо выполнение государствами-членами процедуры приведения национального законодательства в соответствие с техническими регламентами Союза, реализация мер по признанию недействительными нормативных правовых актов, противоречащих техническим регламентам Союза [13].

Изучив систему технического регулирования, можно выделить следующее:

– ведущая роль ЕЭК в процессах формирования и управления в сфере технического регулирования позволяет централизованно решать проблемы периода становления и повышать эффективность процесса управления;

– техническое регулирование в рамках ЕАЭС осуществляется путем предоставления единых обязательных требований в технических регламентах ЕАЭС или национальных обязательных требований в законодательстве государств-членов к продукции, включенной в единый перечень продукции, для которых в ЕАЭС установлены обязательные требования [1]. При этом для новых членов, а также по ряду отраслей предусмотрены изъятия с

допущением сохранения действия национального законодательства параллельно с евразийским законодательством;

– для дальнейшего развития технического регулирования следует расширить сотрудничество с Международной организацией стандартизации, Евроазиатским сотрудничеством государственных метрологических учреждений (СООМЕТ) и др.

Дальнейший вектор развития сферы технического регулирования заложен в Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 г., утвержденных 11 декабря 2020 г. главами государств Союза. Перечень мер и механизмов, установленных Стратегией, фактически является «дорожной картой» развития интеграции. Выполнение «дорожной карты» предусматривает проведение ряда мероприятий, направленных на совершенствование системы технического регулирования и обеспечение системного развития стандартизации [14].

Запланированные мероприятия направлены на реализацию основных задач в сфере технического регулирования Союза – защита рынка ЕАЭС от небезопасной продукции и устранение барьеров в торговле. Новым перспективным направлением в рамках развития единой системы технического регулирования Союза, предусмотренным Стратегическими направлениями развития евразийской экономической интеграции до 2025 г., является развитие систем обеспечения качества продукции. Для его реализации будет принята Концепция создания евразийской системы обеспечения качества продукции, предусматривающая, в том числе, развитие национальных инфраструктур качества продукции. Актуальность данного направления обусловлена вызовами конкуренции на мировом рынке товаров и необходимостью принятия согласованных мер по повышению качества и конкурентоспособности продукции, производимой в государствах Союза. Начало 2021 г. стало существенным шагом навстречу цифровизации технического регулирования. На заседании Коллегии Комиссии, состоявшемся 26 января 2021 года, были рассмотрены и одобрены основополагающие документы для нового цифрового проекта Союза, получивший название «Цифровое техническое регулирование в рамках Союза». Данный проект был инициирован очень своевременно, и поступил именно в тот момент, когда система технического регулирования особенно нуждается в применении цифровых технологий и цифровизации основных процессов. В качестве ключевых

результатов следует отметить, что производители государств-членов Союза получают преимущества от ускорения процедур вывода продукции на рынок за счет их перевода в цифровой машиночитаемый формат; будут снижены расходы участников рынка, как финансовые, так и временные, на получение достоверной и полной информации об обязательных требованиях к продукции. Реализация данного цифрового проекта имеет перспективное значение для устранения имеющихся препятствий на внутреннем рынке Союза, так как скорейшее установление единых требований является одной из действенных мер по устранению барьеров в торговле [15].

Таким образом, развитие технического регулирования в ЕАЭС происходит в соответствии с Договором о ЕАЭС, при этом учитывается международная практика в данном направлении.

Список использованных источников

- 1 Договор о Евразийском экономическом союзе / ЕЭК. – М.: РГ–Пресс, 2015. – 496 с.
- 2 Закон Республики Казахстан. О техническом регулировании: принят 9 ноября 2004 года, №603 // <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z040000603>.
- 3 Федеральный закон Российской Федерации. О техническом регулировании: принят 27 декабря 2002 года, №184-ФЗ // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=221339>.
- 4 Закон Республики Беларусь. О техническом нормировании и стандартизации: принят 5 января 2004 года, №262-З // <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10400262>.
- 5 Закон Кыргызской Республики. Об основах технического регулирования в Кыргызской Республике: принят 22 мая 2004 года, №67 // URL:<http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1453>.
- 6 Закон Республики Армения. О техническом регулировании: принят 8 февраля 2012 года // http://armnab.am/Pastatxter/teknikakan_kanonakargman_masin.pdf.
- 7 Кофнер Ю. Система технического регулирования в ЕАЭС // <http://eurasian-studies.org/archives/7261>
- 8 Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 31 октября 2019 года // https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/documents/?PAGEN_1=5&SIZEN_1=20
- 9 Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 20 июня 2012 г. № 48 (в редакции Решения Совета Евразийской экономической комиссии от 18 октября 2016 г. № 147) // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/H12EV000048#z10>
- 10 Соглашение ВТО по техническим барьерам в торговле // <http://docs.cntd.ru/document/902340084>

11 Техническое регулирование // URL:http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/ЕЕС_booklet_Tehreg.pdf.

12 Ершова И.В. Технические регламенты как основные документы технического регулирования в условиях вступления России в ВТО // Проблемы экономики и юридической практики. – 2012. – № 5. – С. 11-17.

13 Карпович Н.В. Механизм сбалансированного развития внешней торговли агропродовольственными товарами Беларуси в рамках ЕАЭС: автореф. ... к.э.н.: 08.00.05. – Минск: РНУП «ИСИ в АПК НАН Беларуси», 2018. – 32 с.

14 Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. // https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01228321/err_12012021_12

15 Цифровизация защитит рынок ЕАЭС от контрафактной продукции – директор департамента ЕЭК Тимур Нурашев (31.03.2021) // <https://eec.eaeunion.org/news/speech/tsifrovizatsiya-zaschitit-rynok-eaes-ot-kontrafaktnoj-produktsii-%E2%80%93-direktor-departamenta-eek-timur-nurashev/>

УДК 341.17

Review of Eurasian Economic Union member states’ International energy coopertion

Кала Нагима Сункарбековна

kala_ns@enu.kz

PhD, и.о. доцента кафедры международного права
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, им. Л.Н. Гумилева,
Нур-Султан, Казахстан

Globalization and liberalization of the world energy market are driving the development of new regulatory systems in this sector. In this matter, international law plays an important role in understanding the nature of international organizations in the field of energy security. Achieving international energy security requires cooperation between countries, therefore the Republic of Kazakhstan is building close relationships with other participants in the energy sector. In this regard, in 2014 Belarus, Russia and Kazakhstan signed the Treaty on the Eurasian Economic Union. Later, on January 1, 2015, the Treaty on the Eurasian Economic Union entered into force and Kyrgyzstan and Armenia joined it. The Eurasian Economic Union (*hereinafter referred to as the EAEU*), coming after the Eurasian Economic Community (*hereinafter referred to*

as the EAEC), served as a “roadmap” for the development of integration cooperation and harmonization of the actions of its members to integrate into the world economy and the international trading system [1; 125].

This is the next stage of integration in the post-Soviet space to create a comprehensive modernization, cooperation and increase the competitiveness of the state economy, as well as the creation of criteria for raising living standards, stable development with the purpose of increasing the current importance of the population of the participating countries.

Due to the geographical location, the member countries of the EAEU have the largest reserves of industrial uranium in the world, ahead of Australia, the USA and Canada. The region of the EAEU has an advantageous geopolitical position being located between Europe, along with Central, Northeast and South Asia. From a geopolitical point of view, it is above all important to combine and distribute the energy resources of the member states of the EAEU [2; 128]. Russia and Kazakhstan have vast reserves of hydrocarbons, while in turn Kyrgyzstan and Tajikistan own huge potential for hydropower resources, and, on top of all, the export of oil and natural gas is carried out via pipelines through the territory of Belarus, Kazakhstan and Russia to the European market and the Commonwealth of Independent States (CIS).

The process of establishing a common energy market in the EAEU is moving forward after Russia and Belarus succeeded in resolving important differences. This reorganization of the energy space will also affect the European Union, since Russia and Kazakhstan are major oil and gas suppliers, and important export pipelines originate there. Under the 2014 Treaty on the Eurasian Economic Union, International energy cooperation is one of the main objectives. Energy market concepts for the three principal energy sectors, which are electricity, oil and gas, - were drafted by the Board of the EAEC in 2015 and adopted by the Supreme Economic Council in spring 2016. Based on these concepts, individual programs for electricity, oil and gas will define timeframes and lay out fundamental principles for cooperation. Ultimately the programs will serve as the basis for the national development plans of the individual EAEU member states [3; 2].

The formation of a common energy market will be implemented in several stages. The market itself should function after all parties that have formed an agreement on a single market for oil and oil products approve it by 2024. A holistic oil and gas market is expected to emerge by 2025. The state budget requires the development of the oil and gas sector. The work

will be carried out for gas and oil separately, with two roadmaps and under two programs. Efforts related to the completion of work on the Customs Code and the creation of common markets for oil, gas, energy, pharmaceuticals, and a single financial regulator, which are elements of the same process, eliminating exceptions from the Common Market of the EAEU. From a practical point of view, it should be assumed that this process is rather ambiguous. Thus, it is logical to assume that the final verdicts will be the result of mutual concessions. According to the approved concept, the market will be created in three stages: (1) planned development and approval, (2) implementation, (3) conclusion and entry into force. The proposed market should be based on the principles of cooperation, gradual harmonization of legislation and unhindered access to the services of natural monopolies.

The strategy regards energy security as one of its main strategic directions. Although the strategy does not clearly define energy security, it can be argued that the Russian government recognizes the security of domestic supply and international demand in terms of energy security challenges. Regarding international energy security of demand, the strategy provides for stable relations with traditional and new consumers of Russian energy resources.

Considering the issue of the participation of the Central Asian countries in the EAEU, it was revealed that in Kyrgyzstan the possibility of forming a single energy market in the EAEU influences the solution of hydropower problems. Hydropower is one of the most important problems in the economy of Kyrgyzstan. Joining the EAEU for this member state is associated, among other things, with Russian investments in the construction of a hydroelectric power station. However, Kyrgyzstan received a refusal from Russia and, primarily, this refusal is not accepted by everyone as economically conditioned and justified, which has a very negative impact on the perception of the EAEU. Therefore, Kyrgyzstan is hoping that the EAEU will contribute to solving its problems in the field of hydropower. Currently, there are 12 small hydroelectric power plants operating in Kyrgyzstan. We believe that on the part of the EAEU in realizing this potential, it will come out positive, affecting the improvement of the perception of this community in the medium term.

As for the Republic of Kazakhstan, as a conscientious, reliable partner in the international arena, it makes a positive contribution to the development of global energy, puts all efforts to find all solutions in case of any issues and difficulties, thereby contributing effectively to the

development of the country. For the Republic of Kazakhstan, energy security is a key factor and guarantor of development, as well as competitiveness in world markets. The partners highly appreciate the dynamically developing cooperation with Kazakhstan. Kazakhstan has always supported the multi-vector principle in the field of foreign economic policy. Over the entire post-Soviet period, Kazakhstan has been alternately implementing its plan for the development of the economy, social sector and foreign economic cooperation, as well as its participation in integration projects, it studies only in relation to its state values and goals. It should be noted that the Energy Security Concept has the most pronounced differences between energy exporting and importing countries, which place particular emphasis on security of supply and security of demand. However, it should be borne in mind that many producing / exporting countries also face the problem of internal energy security lacking. Should be noted that while approving international actions promoting cooperation in the field of energy security, we must harmonize legislation with these documents and harmonize the legislation of the member states of the EAEU.

For example, Belarus has been trying for several years to get direct supplies of electricity from Kazakhstan, which again comes up against the problem of transit through the territory of Russia. Due to the underdevelopment of the internal infrastructure, the Western region of Kazakhstan imports electricity from the Russian Federation. For transmission from Ekibastuz, it is necessary to build new interregional high-voltage transmission lines.

Should be noted that in 2016, for the energy sector in Belarus, two key documents were approved. Those are "Sectoral Program of Electricity System Development for 2016-2020" and "The Comprehensive Plan of development of the electrical power sphere till 2025 taking into account input of the Belarusian nuclear power plant".

Based on the opinion of experts, the main task of modernizing the industry in Belarus is to ensure the competitiveness of enterprises within the EAEU. Belarus has long awaited the creation of a common electricity market, along with oil and gas market. In the hope of a level playing field for producers, as well as for the supply of electricity to the common market of the EAEU and third countries. In addition, Belarus hopes that the single energy market will facilitate the arrival of investors in Belarus, allowing them to compete with existing economic entities, since the

legislation of Belarus in the field of electricity will be harmonized with the legislation of the member states of the EAEU [4].

According to Russian experts, Eurasian economic integration is viewed primarily as a resource for economic development and as a way to stimulate the development of neighboring countries. The Russian Federation is the leading country in the EAEU, as the largest state and the legal successor of the USSR, which has common borders with many countries of the Commonwealth. As we know, Russia often initiates various mechanisms and forms of economic, political, defense and cultural integration. In addition, it creates or puts forward an initiative to create an alliance of friendly states around it.

Considering the operation of the nuclear power plant in the Republic of Armenia, which provides approximately only 40% of electricity, there is an oversupply of electricity production. In connection with the end of the nuclear power plant's life, the question was raised about the continuation of the operation of the nuclear power plant or the construction of a new one. However, soon Armenia is not able to finance this construction, and expects investments from the Russian Federation. In our opinion, having a surplus in electricity production today, the Republic of Armenia can export surplus to the Islamic Republic of Iran. The current domestic needs of the Russian Federation are 5 gigawatts [5]. Thus, the Russian system in terms of capacity surpasses all systems of the countries of the EAEU dozens or several dozen times. In view of this, being a supporter of the formation of a common electricity market, the Russian Federation expects an additional instrument for GDP growth in all countries of the EAEU, respectively, in the medium term. Summing up, we can say that the creation of common electricity markets will provide an opportunity to expand the volume of trade in electricity, as well as goods with huge internal commercial potential. Another key thing is that in the future, the common market will form a very significant synergistic effect, which will have a positive impact on both the price level and the stability of electricity supplies. However, any Eurasian common electricity market, in our opinion, should develop gradually and consider bilateral and multilateral agreements.

References

1. Зиядуллаев Н.С., Зиядуллаев У.С. 25 лет СНГ и Евразийские интеграционные проекты: ожидания, разочарования и перспективы // ЭНСР №2 (77). -2017. - С. 123-136. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/25-let-sng-i->

[evraziyskie-integratsionnye-proekty-ozhidaniya-razocharovaniya-i-perspektivy](#) (дата обращения: 01.10.2021).

2. Джунушалиева Г.Д., Болотканова Э.Б. Пути популяризации ЕАЭС в молодежной среде / Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. №7. — 2018. - С. 127-130. — ISSN 1694-500X. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/309311> (дата обращения: 01.10.2021).

3. Pastukhova M., Westphal K. Eurasian Economic Union Integrates Energy Markets – EU Stands Aside// SWP Comment German Institute for International and Security Affairs.- С. 1-8. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/comments/2018C05_puk_wep.pdf (дата обращения: 02.10.2021).

4. Воронков Л.С. О многообразии интеграционных процессов в Европе// Вестник МГИМО-Университета. № 4. - 2013. - С. 98–99.

5. Глитова Я., Косов Ю.В. Сравнительный институционально-политический анализ европейской и евразийской интеграции // Управленческое консультирование. - 2016. - No7. – С. 91-93. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-institutsionalno-politicheskiy-analiz-evropeyskoy-i-evraziyskoy-integratsii> (дата обращения: 07.10.2021).

УДК 341.162

Критерий научной обоснованности в рамках Соглашения ВТО по санитарным и фитосанитарным мерам

Тараканова Яна Викторовна

аспирантка кафедры международного права
юридического факультетата МГУ им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Признак достаточного научного обоснования введения санитарной или фитосанитарной меры является одним из центральных понятий Соглашения ВТО о санитарных и фитосанитарных мерах. Так, если гармонизация санитарных и фитосанитарных мер не может быть осуществлена из-за отсутствия международного стандарта или в связи с наличием более строгих правил, установленных отдельными странами, Соглашение СФМ требует, чтобы вводимые национальные меры имели под собой научное обоснование.

Таким образом, наука как совокупность знаний, которая зачастую позиционируется политически нейтральной, играет важную роль в оценке обоснованности установления национальных санитарных и фитосанитарных норм в тех случаях, когда они влияют на международную торговлю. Но как именно научные знания и научно обоснованная оценка рисков используются лицами, принимающими решения на уровне государства-члена ВТО, зависит от государства, проводимого научного анализа и обстоятельств дела.

Большинство споров по Соглашению СФМ так или иначе затрагивали проблему научного обоснования. Рассмотрим наиболее принципиальные положения, получившие таким образом отражение в судебной практике. В споре *US – Poultry* третейская группа указала, что история переговоров по Соглашению СФМ свидетельствует о том, что данное Соглашение разрабатывалось для совершенствования норм Соглашения ГАТТ в вопросах необходимости полагаться на научные доказательства при введении санитарных и фитосанитарных мер. Такой эффект должен достигаться путем разработки набора принципов, которые будут регулировать введение санитарных и фитосанитарных правил и барьеров.

Кроме того, в данном решении третейская группа выделила два основных критерия научного обоснования, которые государства-члены должны учитывать при введении санитарных и фитосанитарных мер:

- 1) наличие рациональной взаимосвязи научного обоснования с санитарной и фитосанитарной мерой;
- 2) достаточность научного обоснования для демонстрации наличия риска, в целях предотвращения которого вводится мера.

Первым спором, в котором требование «достаточности» научных доказательств было непосредственно рассмотрено, был спор *Japan — Agricultural Products*, где в докладе Апелляционного органа было указано следующее: «Достаточность» требует наличия достаточной или адекватной взаимосвязи между двумя элементами, в данном деле, между санитарной или фитосанитарной мерой и научными данными <...> мы согласны с третейской группой, что обязательство <...> не применять такую меру без достаточных научных доказательств требует наличия рациональной или объективной связи между санитарной или фитосанитарной мерой и научными доказательствами».

Существование рациональной взаимосвязи между санитарной или фитосанитарной мерой и научными доказательствами должно определяться в каждом конкретном случае, и будет зависеть от конкретных обстоятельств дела, включая характеристики рассматриваемой меры, а также качество и количество научных доказательств. Методология установления достаточности научного обоснования также должна определяться для каждого случая индивидуально.

В споре *Japan – Apples* данный вопрос был рассмотрен в другом ракурсе, так как Япония утверждала, что она должна иметь возможность полагаться на «косвенные» доказательства риска передачи заболевания через импортируемые американские яблоки. «Косвенные» доказательства могут включать научные исследования или опытные данные, которые предполагают связь между импортируемым продуктом и возникновением болезни. Третейская группа пришла к выводу, что при оценке достаточности научных доказательств, подтверждающих меры того или иного государства, можно принимать во внимание как «косвенные», так и «прямые» научные доказательства, но при этом она явно указала, что последние имеют большую доказательственную ценность не только с научной точки зрения, но и для юридических целей.

Кроме того, в данном споре было сделано несколько интересных выводов. Так, третейская группа установила, что для того, чтобы признать обоснование научным, необходимо получить его с использованием научных методов. При этом из обоснования исключается не только «необоснованная информация», но и «недоказанные предположения». Соответственно, в данном вопросе требуется разработка единой методологии оценки риска и подготовки научного обоснования с учетом международных требований.

В научной литературе иногда ставится под сомнение целесообразность требования в отношении достаточности научного обоснования в рамках Соглашения СФМ, поскольку оно может привести к тому, что международные суды будут переосмысливать национальные нормативные решения, легитимность которых с точки зрения их собственного понимания достаточности научного обоснования, по крайней мере, сомнительна. Соглашение СФМ фактически достигло той стадии, что даже недискриминационные торговые барьеры могут быть успешно оспорены, на том основании, что они не подкреплены научными доказательствами. Соглашение

СФМ изменило правовой порядок ВТО с режима, запрещающего дискриминацию, на режим, запрещающий ненужные препятствия для торговли, даже если они были введены не в протекционистских целях. В свою очередь, акцент Соглашения СФМ на необходимость научного обоснования, безусловно, положительно скажется на рационализации внутренних процессов регулирования и повышения доверия к его результатам.

УДК 346.7

Системный анализ правовых аспектов электромобильности, автопилотности машин, выпускаемых промышленностью Казахстана, реализуемых в ЕАЭС и поставляемых на экспорт в соответствии с правилами ВТО

Қаражан Бекмырза Серікұлы

[*bkarazhan@mail.ru*](mailto:bkarazhan@mail.ru)

магистр юридических наук, докторант кафедры международного права ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан

В Республике Казахстан, к сожалению, еще не имеется всеобъемлющего плана по переходу на экологически чистый вид транспорта, как в развитых странах. Возможно, это связано с экономическими вызовами, появившимися перед государством в последние годы. Согласно данным Мониторингового агентства «EnergyProm.kz», на 1 июня 2021 года из имеющихся в Республике Казахстан 3,8 млн. легковых автомобилей лишь 0,014% составили автомобили с электрической тягой [1]. Количество электромобилей сократилось на 10,1% за год, что наглядно демонстрирует отсутствие четких ориентиров и слабость существующих мер по поддержке электромобильной и автопилотной продукции со стороны государства. Несмотря на такое положение дел, на наш взгляд, на уровне правительства есть понимание важности развития электромобильного рынка. К такому выводу можно прийти после анализа имеющейся нормативно-правовой базы касательно этой темы. Однако ситуацию можно гораздо улучшить, если предпринять дополнительные меры правового воздействия на эту отрасль.

Государственные планы и программы. В Государственной программе инфраструктурного развития «Нурлыжол» на 2020-2025 годы, утвержденной Постановлением Правительства Республики Казахстан от 31 декабря 2019 года, об электромобилях и автопилотной продукции говорится следующее: «Повсеместное распространение современной технологической базы обусловит стремительный рост внедрения ультра-инновационных решений для обеспечения деятельности транспортно-логистического комплекса. На передний план выйдут такие инновации, как становление электромобильного транспорта важной частью городской логистики и транспортной системы в целом, внедрение ультрасовременных транспортных технологий, таких как беспилотный транспорт и использование дронов для адресной доставки отправок» [2]. В этом же документе говорится о необходимости создания институциональных условий и инфраструктуры для развития автомобильного электротранспорта общего пользования и приобретения населением автотранспортных средств на электрической тяге, а также проработки проектов по развертыванию на автодорогах общего пользования и в границах населенных пунктов сети электрозаправочных станций для легковых и грузовых электромобилей в рамках механизма государственно-частного партнерства совместно с ведущими мировыми брендами электротранспортных средств.

В Концепции по переходу Республики Казахстан к «зеленой экономике» на 2021-2030 годы развитие альтернативных видов транспорта и соответствующей инфраструктуры для электромобилей и автомобилей на газовом топливе указано как одно из двух направлений мер по энергосбережению и повышению энергоэффективности в транспортном секторе. Согласно плану, Министерство экологии, геологии и природных ресурсов, Министерство индустрии и инфраструктурного развития и Министерство энергетики Республики Казахстан, а также акиматы областей и городов республиканского значения должны на ежегодной основе давать отчет о проделанной работе в этом направлении [3].

Различные рекомендации и планы были разработаны и в рамках органов ЕАЭС. Так, распоряжением Евразийского межправительственного совета ЕАЭС был утвержден план мероприятий по обеспечению стимулирования производства и использования моторных транспортных средств с электрическими

двигателями в государствах-членах ЕАЭС сначала на 2015-2017 годы, а затем на 2018-2020 годы, где планируемые мероприятия были структурированы по двум основным направлениям: мероприятия по стимулированию производства электромобилей и их комплектующих, а также объектов зарядной и сервисной инфраструктуры и мероприятия по стимулированию использования электромобилей. Интересно заметить, что к использованному в вышеназванном плане на 2015-2017 годы редакции текста положения «Евразийской экономической комиссии совместно с Правительством Армении, Правительством Республики Беларусь, Правительством Республики Казахстан и Правительством Российской Федерации обеспечить реализацию мероприятий», в Плане на 2018-2020 годы была добавлена формулировка «проработать и при возможности обеспечить реализацию» [4], что говорит о недостаточной готовности стран ЕАЭС к массовому переходу к экологически чистому виду транспорта. Позже данный план вовсе был преобразован в формат Рекомендации Коллегии Евразийской экономической комиссии (далее по тексту – ЕЭК) «О стимулировании производства и использования колесных транспортных средств с электрическими, гибридными двигателями и двигателями, работающими на природном газе, в государствах – членах Евразийского экономического союза на 2021 – 2025 годы», которые были опубликованы 29 декабря 2020 года.

Вопросы экологии в правовой плоскости. Переходя от планов и рекомендации в практическую плоскость, можно отметить, что в Республике Казахстан на сегодняшний день все же предпринимаются определенные меры во благо развития электромобильного рынка. Например, с 1 июля нынешнего года вступил в силу новый Экологический кодекс Республики Казахстан, который предусматривает более жесткие требования по выбросам, по воздействию на окружающую среду. Статья 208 данного Кодекса запрещает производство и эксплуатацию транспортных и передвижных средств, содержание загрязняющих веществ в выбросах которых не соответствует требованиям технического регламента ЕАЭС. К тому же, согласно статье, «Правительство Республики Казахстан, центральные исполнительные органы и местные исполнительные органы в пределах своей компетенции обязаны осуществлять меры, направленные на стимулирование сокращения выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух от

транспортных и иных передвижных средств, вправе путем принятия соответствующих нормативных правовых актов в пределах своей компетенции по согласованию с уполномоченным органом в области охраны окружающей среды вводить ограничения на въезд транспортных и иных передвижных средств или их отдельных видов в населенные пункты или отдельные зоны в пределах населенных пунктов, на территории мест отдыха и туризма, особо охраняемые природные территории, а также регулировать передвижение в их пределах транспортных и иных передвижных средств в целях снижения антропогенной нагрузки на атмосферный воздух» [5]. Все эти меры направлены на поощрение приобретения экологически чистых транспортных и передвижных средств, коими являются электромобили.

В политике Республики Казахстан по защите окружающей среды заметна роль товарищества с ограниченной ответственностью «Оператор РОП», являющегося уполномоченной Постановлением Правительства Республики Казахстан от 30 декабря 2015 года № 1137 организацией, ответственной за реализацию принципа расширенных обязательств производителей (импортеров) в Казахстане. Данная организация стремится к распространению экологически чистых автомашин среди населения, в том числе путем оказания поддержки в размещении в городах электростанций.

Государственные налоги и сборы. В Республике Казахстан действует до 31 декабря 2021 года решение Совета Евразийской экономической комиссии, обнуляющее ставку ввозной таможенной пошлины на отдельные виды моторных транспортных средств с электрическими двигателями (позиция 8703 80 000 2 ТН ВЭД ЕАЭС). Эта мера была установлена «с учетом скачка курсов национальных валют и отсутствия внутреннего производства, а также для создания стимулов по формированию необходимой инфраструктуры» [6]. Такая мера действительно характерна для стран, не имеющих своих производственных мощностей, но в то же время озабоченных вопросом сохранения экологии окружающей среды. Норвегии, не имеющей своих заметных брендов электромобилей, к примеру, благодаря в том числе отмененным ввозным тарифам, удалось увеличить электромобилями свой автотранспортный парк.

Следующим заметным шагом на пути к переходу к экологически чистому виду транспорта стало установление нулевого коэффициента к базовой ставке утилизационного сбора для транспортных средств с

электрическими двигателями категории M1, M2, M3, N1, N2, N3, куда входят легковые и грузовые автомобили, автобусы, включенные в группу кодов таможенной номенклатуры внешнеэкономической деятельности ЕАЭС (далее по тексту – ТН ВЭД ЕАЭС) 8703, 8702, 8701 20 101, 8701 20 901, 8704 и 8705 [7].

Отсутствие налогов на транспортные средства с электрическими двигателями также должно способствовать популяризации данного вида транспорта. В ст. 492 Кодекса Республики Казахстан «О налогах и других обязательных платежах в бюджет» (далее по тексту – Налоговый кодекс РК) приведена таблица с указанием налоговой ставки на транспорт в зависимости от объема двигателей. Так как электродвигатели вовсе не имеют таких характеристик, ставка умножается на ноль и выходит нулевая ставка налога на транспорт.

Меры стимулирования и поощрения существуют и на уровнях администрации отдельно взятых городов. Так, например, в Дорожной карте по комплексному решению экологических проблем городов Нур-Султана и Алматы предусмотрены следующие меры: поэтапный запрет на использование городского пассажирского автотранспорта на дизельном топливе; Использование автотранспорта на сжатом природном газе и электротранспорта коммунальными и подведомственными службами; обеспечение перевода всех такси на электромобили; выделение бесплатных специальных парковочных мест со знаком «парковка для электромобилей» [8].

Законодательство Республики Казахстан с каждым годом становится все более лояльным для обладателей электромобилей, но все же проблемных вопросов, участков, требующих скорейшего разрешения, немало. Пожалуй, одной из главных проблем в развитии электромобильного рынка Казахстана является отсутствие систематизации стимулирующих и поощряющих мер. Как уже вышеступало, в стране нет утвержденной общей государственной программы, которая содержала бы конкретные меры по переходу к экологическому чистому транспорту и сроки их выполнения. В целях достижения поставленных задач США и ряд других европейских стран приняли государственные программы, где указывается конкретная дата полного перехода на электромобильный транспорт. Эта дата у разных стран различается в силу различных причин, включая экономику, научно-исследовательскую и сырьевую базу. Проанализировав иностранный опыт, мы пришли к выводу о том, что

буквально по прохождении двух десятков лет все основные производители автотранспортных средств и развивающиеся страны так или иначе перейдут на электромобильный транспорт.

Проблема полного перехода к электродвигателям осложняется спецификой казахстанской экономики, развитие которой во многом обеспечивается за счет добычи и реализации нефтегазовых продуктов. С ростом популярности электромобилей в мире, можно ожидать снижение цен на нефтегазовые продукты и наоборот, повышение цен на электроэнергию в будущем. Учитывая лидирующие позиции Казахстана в выработке электроэнергии, считаем целесообразным разработать и утвердить подобную государственную программу и у нас. Дату полного перехода Казахстана сложно предсказать. Но это по крайней мере позволит четко видеть ориентиры, куда нужно стремиться.

Обсуждаемой темой среди специалистов и граждан-любителей является вопрос ценообразования. Зачастую, при выборе между традиционным транспортом и электромобилем покупатель не видит никаких преимуществ последнего в плане цены. Порой электромобили обходятся рядовым казахстанцам значительно дороже, чем те же собранные в Казахстане модели корейских, американских и китайских автомобилей с двигателями внутреннего сгорания. Путь решения этой проблемы простой – максимально освободить все транспортные и сельскохозяйственные средства с электродвигателями от всевозможных налогов и государственных сборов и введение субсидирования при покупке электромобилей. Выше мы уже отмечали позитивный опыт в установлении нулевой государственной пошлины и отсутствии налога на транспорт для электромобилей. Однако существуют другие виды налогов и косвенных сборов, которые обязан уплатить покупатель государству при приобретении электромобиля.

Во-первых, это – налог на добавленную стоимость (далее по тексту – НДС). В приказе министра по инвестициям и развитию Республики Казахстан от 27 февраля 2018 года № 138, утверждающий перечень транспортных средств и сельскохозяйственной техники [9], а также их компонентов, реализация которых освобождается от НДС, нет графы с указанием электромобилей и желающие приобрести их все еще должны уплатить 12% НДС. Очевидно, если государство желает популяризовать этот вид транспорта, нужно внести в данный приказ

поправки и отменить НДС для транспортных средств с электродвигателями.

Чтобы реализовать эту местную продукцию, нужно сначала повысить заинтересованность среди граждан, что позволит развить внутренний рынок, который, к сожалению, в Казахстане еще не сформировался. Поэтому считаем нужным продлить отмену таможенной пошлины еще на несколько лет. Кроме того, предлагается внести дополнение в пункт 2 статьи 491 Налогового Кодекса Республики Казахстан, где перечислены виды техники, не являющимися объектами налогообложения, добавив туда пятым подпунктом автотранспортные и сельскохозяйственные средства с электрическими двигателями.

С 1 января 2017 года на территории Республики Казахстан действуют требования Технического регламента Таможенного союза ТР ТС 018/2011 «О безопасности колесных транспортных средств». В соответствии с этими требованиями все виды наземных колесных транспортных средств, ввозимые из-за рубежа для эксплуатации на территории Республики Казахстан, а также все виды наземных колесных транспортных средств, произведенные в Республике Казахстан, в обязательном порядке должны быть оснащены бортовым оборудованием автоматизированной системы экстренного вызова при авариях и катастрофах. Установка этой системы обойдется покупателю почти в 200 тысяч тенге. При покупке электромобиля отечественной сборки эта сумма войдет в конечную цену автомобиля. Необходимо отметить, данная система – результат разработок российских специалистов. Ожидается в скором времени появление отечественной альтернативы, которая сможет несколько удешевить установку этой системы.

Самым эффективным методом привлечения внимания публики в этом деле – субсидирование транспортных средств с электродвигателями. К такому методу прибегали в Норвегии и Германии, где государство оплачивало часть стоимости электромобиля. Предлагается перенять данный опыт и разработать законопроект «О стимулирующих мерах реализации автотранспортных и сельскохозяйственных средств с электрической тягой», где будут положения, предусматривающие государственную финансовую помощь покупателям.

Имеющаяся инфраструктура, конечно же, не удовлетворяет потребности владельцев электромобилей в полной мере. Как видим, у

государства пока нет четко поставленных задач и плана инфраструктурного развития. Как стало известно, в Казахстане сейчас существуют разные зарядные станции, которые могут не совпадать с разными моделями электромобилей. Владельцы упоминают такие проблемы, как: разношёрстность вилок от зарядных кабелей, нехватка зарядных станций, парковочных мест с соответствующей инфраструктурой в жилых комплексах. Здесь явно ощущается отсутствие единых строительных стандартов и стандартов дорожной инфраструктуры, касающихся электромобилей. В этой связи законодателю рекомендуется с учетом мнений специалистов предприятий машиностроения разработать и утвердить единые стандарты на территории Республики Казахстан.

Еще одним вопросом, требующим внимания со стороны государства, является вопрос отсутствия инфраструктуры в регионах. Электромобильная инфраструктура в Казахстане в основном сосредоточена в двух крупных городах – в Нур-Султане и Алматы. Выше мы отмечали, что в этих городах есть дорожные карты по комплексному решению экологических проблем, где предусмотрены меры поощрения использования электромобили. В регионах местным исполнительным органам, акиматам городов и районов необходимо разработать свои подобные дорожные карты. А на уровне республики целесообразно принять новый закон «Об инфраструктурном обеспечении электромобильного и автопилотного транспорта», который охватывал бы вопросы, связанные со стандартизацией и региональным развитием.

В связи с присоединением Республики Казахстан к ВТО в 2015 году, отечественное законодательство ежегодно претерпевает определенные изменения, направленные на приведение его в соответствие с требованиями ВТО. К примеру, утвержденные в странах ЕАЭС единые таможенные номенклатуры внешнеэкономической деятельности были разработаны на основании гармонизированной системы товаров ВТО. Таким образом, при импорте и экспорте электромобильной и автопилотной продукции необходимо обеспечивать выполнение норм этой международной организации.

Так как стандарты и регламенты ЕАЭС одинаково обязательны к выполнению для всех стран-членов этой организации, трудности в реализации электромобильной и автопилотной продукции на территориях этих стран не должны возникать. Есть случаи продажи

китайской модели электромобиля JAC IEV 7S сборки казахстанского завода ТОО «СарыаркаАвтоПром» в соседние страны, в том числе и в Российскую Федерацию. Но даже здесь есть темы для обсуждения. Большинство сертификационных центров на сложную продукцию сосредоточено на территории Российской Федерации, что ставит производителей из других стран ЕАЭС в неравное положение. Об этом говорится и в комплексном плане развития машиностроения Республики Казахстан на 2019-2030 годы. В частности, в нем отмечено, что бывали случаи, когда российские специалисты затягивали с предоставлением разрешительной документации, в результате чего казахстанские производители не могли поставить комплектующие в срок и были вынуждены платить пени и штраф [10]. В Казахстане на сегодняшний день, к сожалению, нет собственных испытательных полигонов автотранспортных средств уровня государственного научного центра Российской Федерации – Федеральное государственное унитарное предприятие «Центральный научно-исследовательский автомобильный и автомоторный институт «НАМИ». Без развития самодостаточной собственной сертификационной базы, продвижение продукции на экспорт будет дополнительно затруднено. В целях превращения Казахстана в успешного производителя и поставщика электромобилей, государству необходимо принять подзаконные нормативно-правовые акты в целях создания своего аналогичного испытательного полигона, который впоследствии мог бы стать основной испытательной лабораторией Казахстанского института стандартизации и метрологии.

Учитывая лояльные ввозные пошлины, отсутствие налогов на электромобили, отмену утилизационных сборов, можно сказать, что в отношении импорта электромобилей в Республику Казахстан требования ВТО выполняются. Проблемы могут возникнуть с экспортом этого товара на рынки третьих стран. Споры между странами-участницами ВТО в сфере транспорта нередки. Зачастую, страны спорят о тех же тарифных и нетарифных мерах поддержки товаров местных производителей. Согласно принципу ВТО, все товары независимо от страны происхождения должны реализовываться на равных условиях. Поэтому Приложением I к Соглашению по субсидиям и компенсационным мерам ВТО запрещены такие меры по поддержке экспорта товаров как прямые экспортные субсидии, программы, допускающие удержание валюты,

либо любая подобная практика, которая влечет за собой выплату премии при экспорте, внутренние транспортные и фрахтовые тарифы для экспортных отгрузок, устанавливаемые или взимаемые на более льготных условиях по сравнению с перевозками на внутреннем рынке, полное или частичное освобождение от уплаты, уменьшение или отсрочка прямых или косвенных налогов, специальные вычеты, прямо связанные с экспортом или с результатами экспорта, превышающие вычеты, предоставленные в отношении производства для внутреннего потребления, страхование экспортных кредитов и любые другие расходы за государственный счет, представляющие собой экспортную субсидию в смысле статьи XVI ГАТТ 1994 [11].

При таких обстоятельствах рост экспорта казахстанских электромобилей можно обеспечить различными не запрещенными ВТО мерами, направленными на повышение заинтересованности зарубежных стран. Например, желательным было бы проведение различных международных выставок на территориях стран с перспективным электромобильным рынком. Такими странами вполне могут стать страны Центральной Азии, Афганистан, Пакистан, Индия, Иран, Азербайджан, восточные регионы России, Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая, Монголия, Грузия, Украина и прибалтийские страны. Целесообразно заключить соглашения с данными странами о проведении совместных выставок различных видов транспорта.

Перспективным рынком, который мог бы освоить Казахстан, является рынок аккумуляторов для электромобилей, которые могут составлять до 75% их стоимости. В Казахстане действует крупнейший завод по производству аккумуляторов в Центральной Азии ТОО «Кайнар-АКБ». Согласно номенклатуре производимых товаров ВТО 2017 года, аккумуляторные батареи, в том числе используемые в электромобилях, классифицируются по ГС 8507 (электрические аккумуляторы), причем литий-ионные батареи имеют свой собственный шестизначный код ГС 850760. Однако определение их конкретного конечного использования может быть затруднено, учитывая их использование в других назначениях, помимо транспорта. Считаем нужным рассмотреть возможность проработки вопроса по выделению государственных средств для модернизации и обновления производства ТОО «Кайнар-АКБ» через инструменты АО «НУХ «Байтерек» с тем, чтобы данная компания могла производить аккумуляторы для электромобилей в больших масштабах.

Члены ВТО в качестве участников Парижского и Киотского соглашений по защите окружающей среды в целях сохранения экологии планеты должны работать над смягчением тарифных и нетарифных мер в отношении электромобильного транспорта. Лучшим решением в этом направлении могло бы принятие большинством стран ВТО специального соглашения, предусматривающего освобождение электромобилей от всех видов пошлин и сборов до определённого момента. Такие же соглашения можно заключать на региональном уровне.

Таким образом, изученный материал позволяет нам говорить о том, что электромобильный рынок во всем мире активно развивается и в нем ожидается рост конкуренции между производителями из разных стран. Рынок электромобильного транспорта Казахстана и большинства стран ЕАЭС находятся на самом начальном этапе формирования. Члены ЕАЭС где-то по отдельности, где-то сообща принимают меры по стимулированию использования электромобилей. Однако этих мер поддержки для полноценного развития недостаточно. Есть правовые методы разрешения существующих проблем путем государственной поддержки производства и реализации электромобилей. Важно при этом учитывать соответствие принимаемых мер нормам ВТО. Нужно определить конкурентные качества отечественных производителей и проводить мероприятия по продвижению их товаров на внешних рынках. Электромобильная и автопилотная продукция, произведенная в Республике Казахстан, вполне может быть конкурентной на рынках сопредельных стран. Мировое сообщество должно озаботиться вопросом сохранения окружающей среды и прийти к соглашению в области экологических чистых транспортных средств.

Список использованных источников

1. Количество электрических автомобилей в РК сократилось на 10%. // Мониторинговое агентство «Energyprom.kz». URL: <https://www.energyprom.kz/ru/a/monitoring/kolichestvo-elektricheskikh-avtomobilej-v-rk-sokratilos-na-10> (дата обращения: 09.08.2021)
2. Постановление Правительства Республики Казахстан от 31 декабря 2019 года № 1055 Об утверждении Государственной программы инфраструктурного развития «Нұрлыжол» на 2020 – 2025 годы. // Информационно-правовая

система «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900001055> (дата обращения: 10.08.2021).

3. Постановление Правительства Республики Казахстан от 29 июля 2020 года № 479 «Об утверждении Плана мероприятий по реализации Концепции по переходу Республики Казахстан к «зеленой экономике» на 2021 – 2030 годы». // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2000000479> (дата обращения: 12.08.2021).

4. План мероприятий по обеспечению стимулирования производства и использования колесных транспортных средств с электрическими двигателями в государствах – членах Евразийского экономического союза на 2018 – 2020 годы. // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_prom/SiteAssets/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%20%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%8F%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D0%BC%D0%B5%D0%B6%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%82%D0%B0%20%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D0%BD%20%D1%8D%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D0%B1%D0%B8%D0%BB%D0%B8%202018%20-%202020.pdf (дата обращения: 10.08.2021)

5. Кодекс Республики Казахстан от 2 января 2021 года № 400-VI ЗРК. Экологический кодекс Республики Казахстан// Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2100000400> (дата обращения: 12.08.2021)

6. В ЕАЭС обнулят пошлины на электромобили. // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии ЕАЭС. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/16-03-2020-4.aspx> (дата обращения: 16.03.2020)

7. Приказ Министра энергетики Республики Казахстан от 25 декабря 2015 года № 762 «Об утверждении Методики расчета платы за организацию сбора, транспортировки, переработки, обезвреживания, использования и (или) утилизации отходов» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500012753> (дата обращения: 12.08.2021)

8. Дорожная карта по комплексному решению экологических проблем городов Нур-Султана и Алматы. // Официальный сайт Министерства экологии, геологии и природных ресурсов Республики Казахстан. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/ecogeo/documents/details/138573?lang=ru> (дата обращения: 12.08.21).

9. Приказ Министра по инвестициям и развитию Республики Казахстан от 27 февраля 2018 года № 138 «Об утверждении перечня транспортных средств и (или) сельскохозяйственной техники, а также их компонентов, реализация которых освобождается от налога на добавленную стоимость». // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики

<https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800016757><https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500012753> (дата обращения: 12.08.2021)

10. Комплексный план развития машиностроения Республики Казахстан на 2019 – 2030 годы. // Официальный сайт ОЮЛ Союза машиностроителей Республики Казахстан URL: <https://smkz.kz/img/kompl-plan-proekt2018.pdf> (дата обращения: 20.07.2021)

11. Соглашение по субсидиям и компенсационным мерам ВТО. // Официальный сайт Всемирной торговой организации. URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/24-scm.pdf (дата обращения: 13.08.21)

УДК 341.171

Обеспечительные меры в судах евразийской интеграции

Пименова Софья Дмитриевна

аспирант кафедры международного права
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Возникновение Суда Евразийского экономического Сообщества и пришедшего ему на смену Суда ЕАЭС вызвало волну интереса к вопросам евразийского правосудия. Однако все эти исследования не затрагивали вопросов применения обеспечительных мер в вышеназванных судах, хотя, как показывает современная практика международных судов, роль этих мер в деятельности любого суда возрастает и является залогом их эффективной работы.

Суд Европейского союза является судебным учреждением, наиболее близким по своим задачам судам евразийской интеграции. Так, Суд ЕС считает, что обеспечительные меры должны применяться лишь в исключительных случаях, особенно в исках Европейской Комиссии против государств-членов ЕС. Для этого Суд ЕС установил чрезвычайно высокий порог доказывания заявителем наличия условий, которые необходимо соблюсти для принятия Судом решения о применении обеспечительных мер: оправданность их применения *prima facie*, означающая, что рассмотрение основного иска должно иметь «разумные шансы на успех»; срочность; риск нанесения серьезного и непоправимого ущерба заявителю. Кроме того, судья, рассматривающий ходатайство о применении

обеспечительных мер, должен произвести «взвешивание» интересов сторон спора, третьих лиц или государств-членов ЕС.

В том, что касается вопросов юридической силы, принимаемых Судом ЕС обеспечительных мер, то его Регламент установил в статье 91, что все его решения и определения имеют обязательный характер.

В сентябре 2021 г. впервые обеспечительные меры были приняты Судом ЕС по межгосударственному иску, а не по иску Европейской Комиссии, в деле Чехии против Польши касаясь прекращения деятельности по добыче бурого угля в польском карьере «Туров» [1]. Также впервые Судом ЕС были приняты финансовые санкции за неисполнение принятых мер – полмиллиона евро в день вплоть до исполнения Польшей решения по обеспечительным мерам.

В практике Экономического Суда СНГ обеспечительные меры были запрошены только один раз в 2010 году в рамках иска Республики Беларусь к Российской Федерации в связи с введением вывозных таможенных пошлин на нефтепродукты, вывозимые с территории Российской Федерации в Республику Беларусь. В ходе рассмотрения дела истец заявил ходатайство о введении временного запрета на взимание российской стороной вывозных таможенных пошлин на нефтепродукты, поставляемые из Российской Федерации в Республику Беларусь. Коллегия Экономического Суда СНГ в удовлетворении ходатайства отказала, поскольку (1) запрет взимания вывозной таможенной пошлины на нефтепродукты, поставляемые из Российской Федерации в Республику Беларусь, не относится, по мнению коллегии Экономического Суда СНГ, к числу временных, т.к. его применение означало бы разрешение спора по существу, и (2) заявитель не представил какого-либо документального подтверждения в качестве обоснования запрошенной им меры [2].

В отличие от Экономического Суда СНГ, в Суде ЕврАзЭС применение обеспечительных мер регулировалось сразу четырьмя документами, в каждом из которых предлагался свой подход. Проблема в том, что в практике Суда ЕврАзЭС об этом никогда не просили сами заявители. Сам же Суд, очевидно, считал, что прибегать к обеспечительным мерам по собственной инициативе (хотя такое право предусматривалось документами Суда) было бы слишком рискованным шагом с его стороны. Итогом такого подхода стало отсутствие какой-либо практики Суда ЕврАзЭС о применении обеспечительных мер.

Несмотря на отмеченную осторожность Суда ЕврАзЭС в применении им обеспечительных мер, в Статуте и Регламенте пришедшего ему на смену Суда ЕАЭС исчезло какое-либо упоминание о возможности применения обеспечительных мер. Однако, думается, что это не означает, что такое ходатайство не может быть заявлено стороной спора, как и то, что это ходатайство не может быть удовлетворено Судом ЕАЭС.

Регламент Суда ЕАЭС предусматривает право сторон в ходе судебного разбирательства заявить любое ходатайство, которое должно быть рассмотрено Судом. Из этого можно сделать вывод, что Регламент не запрещает очевидным образом заявление ходатайства о применении Судом обеспечительных мер в конкретном деле [3].

Единственное ограничение в части обеспечительных мер, прямо предусмотренное в Статуте, содержится в п. 56, где говорится, что «поступление заявления в Суд в отношении какого-либо международного договора в рамках Союза и (или) решения Комиссии не является основанием для приостановления действия такого международного договора и (или) решения и (или) их отдельных положений, за исключением случаев, прямо предусмотренных Договором».

Однако молчание согласованного государствами Статута Суда ЕАЭС нельзя толковать как полный запрет на применение обеспечительных мер. Если бы государства хотели эти меры запретить, то они сделали бы это очевидным образом, как в случае с предусмотренным в п. 61 недвусмысленным запретом Суду рассматривать требования о возмещении убытков или иные требования имущественного характера.

Представляется, что молчание Статута означает, что в рамках межгосударственных исков стороны могут просить принять любые обеспечительные меры. То же самое относится и к искам к ЕЭК, где наступления серьезного и невосполнимого ущерба можно избежать не только приостановлением оспариваемого акта ЕЭК (что, как мы уже знаем, запрещено), но и срочным принятием других мер (например, запретом государственным органам государств-членов ЕАЭС применять оспоренный акт ЕЭК в отношении заявителя, что отнюдь не равнозначно приостановлению его действия).

Сложнее будет обосновать право Суда на применение обеспечительных мер в принципе. В этом случае Суд ЕАЭС может использовать доктрину подразумеваемых полномочий (*implied*

powers). На сегодня в международном правосудии и в доктрине сложилось устоявшееся мнение о том, что право принимать обеспечительные меры должно рассматриваться как подразумеваемое право любого судебного органа, будь то национальные или международные суды.

Для Суда ЕАЭС признание своего права принимать решения об обеспечительных мерах будет несомненно телеологическим толкованием всего Статута, раз в нем отсутствует какая-либо норма в отношении обеспечительных мер, которую надо истолковать. Кроме того, дополнительным аргументом для обоснования права принимать такие меры может послужить запрет Суду рассматривать требования о возмещении вреда. Это означает, что даже решение по существу спора не будет в состоянии компенсировать понесенный заявителю вред, если не принять обеспечительные меры. Это будет тот случай, когда судебный активизм окажется вполне уместным.

Список использованных источников

1. Пименова С.Д. Полмиллиона евро в день за неисполнение обеспечительных мер Суда ЕС (дело о карьере «Туров»). URL: https://zakon.ru/blog/2021/10/01/polmilliona_evro_v_den_za_neispolnenie_obespechitelnyh_mer_suda_es_delo_o_karere_turov (дата обращения: 05.10.2021).

2. Информация о распорядительном заседании коллегии Экономического Суда СНГ по рассмотрению дел, возникающих в рамках ЕврАзЭС, от 24 июня 2010 года (дело № 01-1-Е/2-10). URL: <http://sudsng.org/dopinfo/20102406> (дата обращения: 05.10.2021).

3. Ходатайство об обеспечительных мерах разумно заявить в исках предприятий к ЕЭК о соответствии принятых ею решений праву Союза и в межгосударственных спорах государств-членов ЕАЭС.

**Принцип недискриминации в промышленной политике
ЕАЭС: правовые проблемы и взаимосвязь с режимом
наибольшего благоприятствования ВТО**

Тлеубеков Султан Торебекович

tleubekov.s@gmail.com

PhD докторант 3-курса специальности «Международное право»
КазНУ им. аль-Фараби, преподаватель кафедры международного
права КазНУ им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Понятие «промышленная политика» имеет достаточно широкое определение в литературе. Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) определяет промышленную политику как «согласованные, целенаправленные, сознательные усилия со стороны правительства по поощрению и развитию конкретной отрасли или сферы с помощью набора инструментов политики» [1]. Всемирный банк отмечает, что промышленная политика включает в себя «усилия правительства по изменению структуры промышленности с целью стимулирования роста, основанного на производительности» [2]. Н. Крафтс дефинирует промышленную политику как «любое вмешательство государственного сектора, направленное на изменение распределения ресурсов по отраслям экономики и видам деятельности» [3]. По мнению Д. Родрика, промышленная политика направлена на «стимулирование конкретных видов деятельности и содействие структурным изменениям», и он отмечает, что она может включать в себя сельское хозяйство и сферы услуг, а также производство [4]. Часто используемым и широко цитируемым определением является дефиниция Г. Пака и К. Сагги, которые определяют промышленную политику как «любой тип избирательного вмешательства или государственной политики, которая пытается изменить структуру производства в сторону отраслей, которые, как ожидается, будут предлагать лучшие перспективы экономического роста, чем это было бы в отсутствие такого вмешательства» [5]. В свою очередь, согласно пунктом 3, ст. 92 Договора о Евразийском Экономическом Союзе (далее – Договор о ЕАЭС) «Целями осуществления промышленной политики в рамках Союза являются ускорение и повышение устойчивости

промышленного развития, повышение конкурентоспособности промышленных комплексов государств-членов, осуществление эффективного сотрудничества, направленного на повышение инновационной активности, устранение барьеров в промышленной сфере, в том числе на пути движения промышленных товаров государств-членов» [6]. По вышеприведенным определениям можно заключить, что понятие промышленной политики охватывает цели промышленного развития и направлено на повышение экономических показателей государства.

Подпунктом 4 пункта 2 статьи 92 Договора о ЕАЭС предусмотрено обязательство государств-членов Союза при реализации мер национальной промышленной политики соблюдать в отношении партнеров по Союзу принцип недискриминации [6].

Принцип недискриминации – один из основных торгово-политических концептуальных принципов, на котором строятся торговые взаимоотношения в рамках мировой торговой системы. Этот принцип подразумевает, что одному государству предоставляются такие же условия, льготы и преимущества, которые предоставлены любому другому государству.

Принцип недискриминации в промышленной политике ЕАЭС не имеет развернутого определения понятия в Договоре о ЕАЭС. Как показала практика, это привело к определенной правовой проблеме. Суть дела заключается в следующем: в 2020 году Министерство экономического развития Российской Федерации подало обращения в ЕАЭС касательно применяемых промышленных субсидий в Республике Казахстан. В обращениях отмечалось, что «проводимая в соответствии с Приказом № 317 (приказ и.о. Министра сельского хозяйства РК от 23 июля 2018 года № 317 «Об утверждении Правил субсидирования по возмещению части расходов, понесенных субъектом агропромышленного комплекса, при инвестиционных вложениях») система мер промышленной политики Республики Казахстан является средством неоправданной дискриминации производителей государств-членов ЕАЭС и ограничением торговли и нарушает положения статей 3, 28 и 92 Договора о ЕАЭС». Если говорить предметно, Приказом № 317 были предусмотрены разные стоимостные лимиты для расчета субсидии в зависимости от страны происхождения техники, так сельхозтоваропроизводитель стран Союза имел стоимостной лимит меньше, чем у зарубежных производителей. Данное обстоятельство и послужило предметом

обращения РФ с формулировкой, что зарубежным производителям представлены более благоприятные условия, чем производителям Союза.

По итогам рассмотрения вышеупомянутых обращений было подготовлено Заключение об отсутствии признаков барьера на внутреннем рынке ЕАЭС в связи с действием Приказа № 317 (далее – Заключение), где было отмечено, что принцип недискриминации не имеет достаточной детализации, которая позволяла бы квалифицировать его нарушение в качестве препятствия на внутреннем рынке ЕАЭС. Важно отметить, что мы лишь говорим о произошедшей ситуации на практике как о правовой проблеме принципа недискриминации в рамках ЕАЭС, и ни в коем случае не оцениваем правоту той или иной стороны.

Также в вышеуказанном Заключении было отмечено, что применяемая промышленная политика согласно Приказу № 317 представляет собой риск обращения заинтересованных сторон в Орган по разрешению споров Всемирной торговой организации (далее – ОРС ВТО) по причине нарушения статьи 1 ГАТТ ВТО (режим наибольшего благоприятствования – РНБ). Таким образом, возникает вопрос, как взаимосвязаны принцип недискриминации в рамках ЕАЭС и РНБ в рамках ВТО. Следует отметить, что в Преамбуле Договора о ЕАЭС подчеркивается принятие во внимание норм, правил и принципов ВТО.

В рамках международного торгового права принцип недискриминации получил конкретизацию в Генеральном соглашении по тарифам и торговле 1947 г. и позже был унаследован ВТО посредством включения в «пакет» Соглашений ВТО и воплощения непосредственно в «праве ВТО» [7]. Важность устранения дискриминации подчеркивается в Преамбуле Марракешского соглашения об учреждении ВТО (далее – Соглашение о ВТО), где «устранение дискриминационного режима в международных торговых отношениях» определено как одно из двух средств достижения целей ВТО [8].

В рамках ВТО принцип недискриминации закрепляется взаимным предоставлением РНБ и национального режима. В этой связи государства – члены должны устранить дискриминационный режим в международной торговле (Преамбула ГАТТ 1994 г.). В ст. XIX, XX ГАТТ 1994 г. указывается, что государства-члены не вправе применять чрезвычайные меры в отношении импорта отдельных

товаров таким образом, который мог бы стать средством произвольной или неоправданной дискриминации между государствами [9].

В связи с тем, что принцип недискриминации в торговле не запрещает улучшать общие условия торговли для государств, их товаров и лиц, они могут порождать различные дискриминационные условия. В целях противодействия применению дискриминационного режима «право ВТО» предусматривает нормы, регулирующие недискриминацию: обязанность для государств-членов по предоставлению РНБ и национального режима [7]. Соответственно, принцип недискриминации означает, что государство-член, которое предоставляет режим наибольшего благоприятствования любой стране, предоставляет его и другим членам ВТО (обязанность по предоставлению РНБ); государство-член предоставляет одинаковый режим как в отношении товаров, услуг и поставщиков услуг других членов, так и в отношении национальных товаров, услуг и поставщиков услуг (обязанность по предоставлению национального режима).

Принцип недискриминации отражен в специальных положениях «пакета» Соглашений ВТО [10]. Генеральным соглашением по торговле услугами (далее – ГАТС) предусмотрено понятие «недискриминационный». Так, согласно примечанию 15 к подпункту (а) пункта 5 Приложения по телекоммуникациям к ГАТС понятие «недискриминационный» понимается как относящееся к РНБ и к национальному режиму, как это определено в Соглашении, а также отражающее специфически секторальное употребление этого понятия, обозначающего «требования и условия, не менее благоприятные, чем те, которые распространяются на любого другого пользователя аналогичных телекоммуникационных сетей или услуг общего пользования при аналогичных обстоятельствах» [11]. Также нормативное закрепление обязанности по предоставлению национального режима находит отражение в ст. III ГАТТ – 1994 г., ст. XVII ГАТС, ст. III Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (далее – ТРИПС) и ст. 2 Соглашение по инвестиционным мерам связанным с торговлей (далее – ТРИМС), обязанность по предоставлению РНБ предусмотрена в ст. I ГАТТ – 1994 г., ст. II ГАТС и ст. IV ТРИПС. Принцип недискриминации также рассматривается в качестве

основополагающего принципа Соглашения по применению санитарных и фитосанитарных мер (ст. 2.3 Соглашения СФС).

Вышеуказанные принципы предоставления национального режима и режима наибольшего благоприятствования являются ключевыми опорами системы ВТО. Эти принципы также используются в качестве метода обеспечения и реализации остальных принципов и поддержания стабильного правопорядка в международной торговой системе.

Таким образом, принцип недискриминации в рамках ВТО охватывает обязательство по предоставлению РНБ. Следовательно понятие принципа недискриминации взаимосвязано с понятием РНБ. Если говорить о принципе недискриминации в рамках промышленной политики ЕАЭС и РНБ в рамках ВТО, то с правовой точки зрения они имеют концептуальную взаимосвязь. Также взаимосвязь между этими нормами можно увидеть на практике, кейс с Приказом № 317 этому подтверждение. Принимая во внимание тот факт, что Россия и Казахстан являются членами ВТО, риск обращения заинтересованных сторон в ОРС ВТО по причине нарушения РНБ в рамках статьи 1 ГАТТ ВТО не исключен. Так, вопрос в компетенции ЕАЭС может перерасти в полноценный спор в рамках ОРС ВТО. Здесь важно отметить, что заинтересованным сторонам необходимо будет учитывать уже имеющуюся практику разрешения споров в рамках ВТО. В качестве наиболее схожего спора в рамках ВТО можно назвать *Канада – Периодические издания (Canada – Periodicals)* [12], где предметом спора было нарушение национального режима и применение государственной поддержки. Однако идентичным данный спор назвать нельзя, так как решение возможного спора может и не иметь фактов нарушений РНБ, на основании оправдания мер в соответствии с исключениями, предусмотренными пунктом (d) ст. XX ГАТТ ВТО.

Мы считаем, что данный вопрос найдет свое решение в рамках ЕАЭС. Однако факт недостаточной детализации принципа недискриминации в Договоре о ЕАЭС, на наш взгляд, затрудняет принятие безусловного решения государства-членами Союза. Считаем целесообразным рассмотреть возможность прямого применения принципа недискриминации в рамках промышленной политики ЕАЭС, закрепляющее режим наибольшего благоприятствования, посредством внесения конкретной нормы. Следовательно, конкретизация принципа недискриминации

преимущественно в Договоре о ЕАЭС разрешила бы не только данную ситуацию, но и была бы полезным правовым решением для дальнейших возможных вопросов по применению РНБ в рамках промышленной политики Союза.

Список использованных источников

1. White, L. J. (2008), “Antitrust Policy and Industrial Policy: A View from the US”. Paper presented at the Second Lisbon Conference on Competition Law and Economics, Lisbon, Portugal, November 15- 16, 2007. Revised, January 2008.
2. World Bank (1993), *The East Asian Miracle*, Washington DC: The World Bank.
3. Crafts, N. (2010), “Overview and Policy Implications” in “Learning from some of Britain’s Successful Sectors: An Historical Analysis of the Role of Government”, *BIS Economics Paper*. - No. 6, March 2010.
4. Rodrik, D. (2008), “Normalizing Industrial Policy”, *Commission on Growth and Development Working Paper*. - No. 3, Washington DC.
5. Pack, H. and K. Saggi (2006), “Is There a Case for Industrial Policy? A Critical Survey”, *The World Bank Research Observer*. - 21(2), Fall: 267-297.
6. Договор о Евразийском экономическом союзе (г. Астана, 29 мая 2014 года) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.08.2021 г.) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31565247#pos=4;-106
7. Гуляева Т.К., Никитина В.А., Федосов Я.К. Принцип недискриминации в «Праве ВТО» // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. № 8. С. 82-91.
8. WTO Agreement: Marrakesh Agreement Establishing the World Trade Organization, Apr. 15, 1994, 1867 U.N.T.S. 154, 33 I.L.M. 1144 (1994).
9. GATT 1994: General Agreement on Tariffs and Trade 1994, Apr. 15, 1994, Marrakesh Agreement Establishing the World Trade Organization, Annex 1A, 1867 U.N.T.S. 187, 33 I.L.M. 1153 (1994)
10. Смбатян А. С. Всемирная торговая организация: уникальность и адекватность // Право ВТО. – 2012. – № 1. – С. 8.
11. GATS: General Agreement on Trade in Services, Apr. 15, 1994, Marrakesh Agreement Establishing the World Trade Organization, Annex 1B, 1869 U.N.T.S. 183, 33 I.L.M. 1167 (1994).
12. Panel Report, *Canada – Certain Measures Concerning Periodicals*, WT/DS31/R and Corr.1, adopted 30 July 1997, as modified by Appellate Body Report WT/DS31/AB/R, DSR 1997:I, p. 481; Appellate Body Report, *Canada – Certain Measures Concerning Periodicals*, WT/DS31/AB/R, adopted 30 July 1997, DSR 1997:I, p. 449.

Правовое регулирование применения искусственного интеллекта в рамках ВТО: современные вызовы

Елеген Акерке Еркінқызы

erke_1_9@mail.ru

Докторант 3-курса кафедры международного права
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан

Искусственный интеллект (ИИ) - это способность цифрового компьютера или управляемого компьютером робота выполнять задачи, обычно связанные с людьми, такие как способность рассуждать, пояснять, обобщать или извлекать уроки из прошлого опыта. Сегодня большая часть ИИ является «ограниченным» или «слабым» ИИ, поскольку он предназначен для выполнения относительно ограниченных задач (например, распознавания лиц или игры в шахматы). Однако долгосрочная цель многих исследователей ИИ - создать «общий» или «сильный» ИИ, который превзошел бы людей почти во всех когнитивных задачах. ИИ можно использовать для повышения эффективности производства товаров и услуг и содействия инновациям за счет генерации новых идей. Несмотря на то, что искусственный интеллект достиг многих важных этапов, ему еще предстоит решить множество технических задач, в том числе определенные когнитивные задачи, которые люди часто выполняют, не задумываясь, такие как восприятие своего физического окружения и управление им. Предстоящие исследования искусственного интеллекта, вероятно, будут сосредоточены на том, чтобы сделать системы искусственного интеллекта более надежными и довести до максимума их общественные преимущества при одновременном смягчении неблагоприятных последствий, которые могут включать в себя увеличение неравенства и безработицы.

Несмотря на то что, некоторые члены ВТО, похоже, следуют американскому подходу, применяя ИИ в том же направлении, оперативное определение ИИ по-прежнему ускользает от многих других стран при разработке ими новых законов или основ политики. Примечательно, что Китай, еще один мировой лидер в разработке ИИ, еще не дал четкого определения этого термина. Другие страны, похоже, тоже не хотят дальше обдумывать определение ИИ на данном

этапе. Палата лордов Великобритании, например, просто называет ИИ технологиями, способными «выполнять задачи, которые в противном случае требовали бы человеческого интеллекта», имея в виду, что современные системы ИИ обычно обладают способностью «учиться или адаптироваться к новому опыту». В ЕС Комиссия в сообщении 2018 года называет ИИ «системами, которые демонстрируют разумное поведение, анализируя окружающую среду и предпринимая действия - с некоторой степенью автономии - для достижения конкретных целей», в то время как в других случаях рассматривают ИИ как общий термин, охватывающий множество технологий, и тот, который следует определять гибко, чтобы способствовать инновациям.

Самая последняя попытка, предпринятая Группой экспертов высокого уровня Европейской комиссии по искусственному интеллекту в апреле 2019 года, описывает ИИ как «системы, которые демонстрируют интеллектуальное поведение, анализируя окружающую среду и предпринимая действия - с некоторой степенью автономии - для достижения конкретных целей», а системы на основе ИИ могут быть «чисто программными, действующими в виртуальном мире» или «встроенными в аппаратные устройства» [1].

Искусственный интеллект неизбежно повлияет на международную торговлю и, следовательно, на международную торговую систему.

Торговля всегда определялась технологиями, но быстрое развитие цифровых технологий в последнее время может существенно изменить международную торговлю в ближайшие годы. В Докладе о мировой торговле 2018 года исследуется, как цифровые технологии - и, в частности, Интернет вещей, искусственный интеллект, 3D-печать и блокчейн - влияют на торговые издержки, на характер выставленных на продажу товаров и структуру торговли. В нем оценивается, как эти технологии могут повлиять на мировую торговлю в ближайшие 15 лет [2].

Рост электронной торговли, электронного предоставления услуг и трансграничных потоков данных начался после того, как Уругвайский раунд переговоров завершился принятием ГАТС 1994 года.

Генеральное соглашение о торговле услугами ГАТС - это первое многостороннее соглашение о либерализации международной торговли услугами, которое является частью права Всемирной торговой организации (ВТО). ВТО играет очень важную роль в праве

международной торговли, потому что у нее есть собственный эффективный механизм обеспечения соблюдения. В последнее время система разрешения споров находится в кризисе, который угрожает дестабилизировать многостороннюю торговую систему.

Хотя основной целью ГАТС является расширение международной торговли услугами путем устранения торговых барьеров, эта цель не безгранична. В преамбуле к ГАТС признается регуляторная автономия членов ВТО для достижения целей своей национальной политики. Тем не менее, внутреннее регулирование, влияющее на торговлю услугами, должно соответствовать ГАТС и применяться недискриминационным образом. Общие обязательства и обязательства ГАТС (рассматриваемые вместе с индивидуальным перечнем обязательств членов ВТО) основаны на общих принципах недискриминационного режима, доступа к рынкам и прозрачности. Дерегулирование услуг не является целью ГАТС, однако запас маневренности, который остается за членом ВТО, также зависит от его индивидуальных обязательств в отношении доступа к рынкам и национального режима.

Трансграничные услуги, основанные на искусственном интеллекте, могут включать в себя режим 1 - трансграничные поставки и режим 2 - потребление за границей; перекресток, который может стать очень актуальным в связи с конкретными обязательствами члена ВТО, включенными в его график. Чтобы лучше понять, как ГАТС взаимодействует с текущей и будущей внутренней политикой членов ВТО в области искусственного интеллекта, ГАТС будет гипотетически применяться к трансграничным цифровым услугам, которые уже работают с прикладным искусственным интеллектом [3].

ГАТС применяется ко всем секторам услуг, за исключением государственных услуг. Сфера применения ГАТС обширна и весьма инклюзивна, поскольку она применяется ко всем мерам, влияющим на торговлю услугами. Все меры, влияющие на предоставление услуг, с момента производства, до их окончательной доставки подпадают под обязательства ГАТС. Мера, которая влияет на торговлю как товарами, так и услугами, регулируется ГАТС. Определение того, представляет ли деятельность услугу, должно производиться в индивидуальном порядке. Все чаще цифровые продукты сочетают в себе характеристики как товаров, так и услуг. Например, подключенный автомобиль - это явно хорошо, но это также и услуга,

поскольку автопилот управляет автомобилем. В этом случае правила торговли услугами применяются к характеристикам продукта, предоставляющего цифровую услугу.

Однако может быть сложно отнести цифровые услуги к одной из традиционных классификаций услуг. Классификации услуг в основном используются для определения конкретных обязательств, взятых стороной в списке конкретных обязательств страны. Большинство членов составили свои расписания ГАТС 1994 в соответствии со Списком отраслевых классификаций услуг ВТО (W/120), который связан с Предварительной классификацией основных продуктов ООН (UNCPC) 1991 года. Эти классификации услуг, первоначально разработанные для статичного и автономного мира, сегодня используется для определения обязательств участника в отношении цифровых услуг. На первый взгляд кажется, что ГАТС приспособлен к переходу от аналогового к цифровому и с офлайн к онлайн-сервисам.

На Женевской конференции министров в мае 1998 г. члены ВТО приняли Декларацию министров о глобальной электронной торговле [4]. Декларация предоставляет мандат на формулирование рабочей программы по всем связанным с торговлей аспектам электронной коммерции и вводит мораторий на уплату таможенных пошлин за электронные передачи.

Рабочая программа по электронной торговле, реализация которой прекращалась несколько раз, не дала ощутимых результатов, кроме периодического продления моратория на таможенные пошлины на электронные передачи. В рамках рабочей программы преобладает консенсус в отношении того, что электронная торговля подпадает под действие существующих договоров ВТО [5]. Однако существует много различий в классификации «цифрового контента» и в отношении того, подпадает ли электронная доставка трансграничной услуги режиму 1 (трансграничное) или режиму 2 (потребление за границей).

В течение этого периода государства дважды в год продлевали мораторий на электронную торговлю, в соответствии с которым они обязались не взимать таможенные пошлины на электронные передачи. Эта ситуация начала меняться в 2010-х годах, отражая зарождающуюся повестку дня цифровой торговли в Соединенных Штатах. Соединенные Штаты придерживались новых правил, в том числе преобразовали мораторий на электронную торговлю в

постоянное обязательство и заставили ВТО изменить мандат «Рабочей программы по электронной торговле» с обсуждения на переговоры. ЕС также присоединился к этим последним усилиям, отстаивая более скромные цели, отражающие в значительной степени различные позиции по этому вопросу между различными европейскими государствами и учреждениями, как обозначено ранее. Развитые и развивающиеся страны по-прежнему расходятся во мнениях по этому вопросу. Некоторые считают, что новые правила цифровой торговли в ВТО помогут им привлечь инвестиции в цифровое пространство, в то время как другие обеспокоены тем, что более широкие правила ВТО будут означать полную либерализацию цифровых продуктов и ограничивать их политическое пространство для проведения цифровой политики. Многие развивающиеся страны также высказались против решения новых вопросов в ВТО, утверждая, что прежде всего необходимо решить ранее застопорившиеся переговоры в рамках раунда Доха, а некоторые утверждали, что цифровые вопросы выходят за рамки ВТО и что переговорщики не в состоянии решать эти вопросы [6].

Эти процессы также повлияли на систему разрешения споров в рамках ВТО. Классические механизмы разрешения споров (такие как примирение, разрешение конфликтов, посредничество и переговоры), вероятно, потеряют значение из-за своей неэффективности, поскольку им будут препятствовать инновационные технологии. Например, этот процесс можно автоматизировать с помощью ИИ, который смягчит или даже предотвратит конфликты между торговыми партнерами. Это подводит дискуссию к следующему вопросу: какие основные изменения необходимы ВТО и другим многосторонним учреждениям, чтобы отвечать новым вызовам и удовлетворять соответствующие потребности? Особо важными представляются следующие проблемы. Тот факт, что технологии развиваются так быстро, и в сообществе нет четкого представления о том, как именно они работают и на что они способны, поэтому возникает конфликт интересов между бизнесом и правительством. Отражение сложности мирового урегулирования споров в ВТО кажется довольно сложным и требует много времени. Мир становится все более и более динамичным, что увеличивает стоимость участия в своевременных спорах. Еще одна проблема - это принцип консенсуса - основополагающий принцип ВТО, который также является основой нынешнего кризиса.

Ниже приведем примеры методов применения ИИ в мировой торговле.

1. Высокочастотная торговля

Высокочастотная торговля относится к сложной алгоритмической торговле, которая включает выполнение большого заказа за доли секунды. Выполнить многочисленные заказы за этот короткий промежуток времени человеку не по силам. Трейдеры используют алгоритмы и компьютеры для автоматического исполнения заказов, потому что это требует значительного времени, чтобы считывать рыночный тренд и размещать ставки вручную.

Автоматизация задач с помощью ИИ применяется во всех отраслях. В высокочастотной торговле применяется множество алгоритмов машинного обучения и методологий создания функций. Самый распространенный пример - применение метода опорных векторов SVM (от англ. Support Vector Machines). SVM работает, создавая разделительную линию в данных. Это включает в себя обучение моделей, чтобы они могли определять особенности, отражающие приближающееся увеличение или уменьшение ставок и рыночных цен.

2. Машинное обучение для поиска шаблонов в данных.

Одна из основных задач алгоритмов машинного обучения - использовать массивные исторические данные и точно предсказывать будущую картину. К счастью, эта задача машинного обучения коррелирует с фундаментальным аспектом торговли. Трейдеры обычно обнаруживают ограниченные во времени и пространстве локализованные модели и думают о том, как ими управлять для получения большей прибыли. Эти шаблоны постоянно меняются, и процесс выявления этих шаблонов требует много времени и энергии. Алгоритмы машинного обучения помогают находить шаблоны, которые можно сочетать с интуицией и опытом трейдеров для принятия точных решений. Ограничение использования машинного обучения для поиска закономерностей заключается в том, что многие трейдеры на одном рынке используют его для одной и той же цели. Другими словами, на рынке существует большая конкуренция, и модели, идентифицированные одним трейдером, также доступны другим трейдерам на рынке. Следовательно, даже если трейдер использует машинное обучение для поиска шаблонов, ему, возможно, придется действовать быстро или постоянно адаптироваться, потому что шаблоны немедленно исчезают из-за интенсивной конкуренции.

3. Машинное обучение для анализа настроений

На фондовый рынок влияет множество факторов, в том числе настроения людей. Настроения играют решающую роль в движениях фондового рынка, потому что рыночные тенденции быстро меняются вместе с настроениями людей. Следовательно, теперь компании используют машинное обучение и искусственный интеллект для анализа настроений людей и прогнозирования цен на акции на основе этих настроений. Социальные сети - мощный инструмент для анализа настроений, потому что люди свободно выражают свое мнение, о чем угодно в социальных сетях. Анализ настроений выполняется с помощью обработки естественного языка (NLP – Natural Language Processing), чтобы разделить мнения людей о стоимости акций компании на три категории, такие как отрицательные, положительные и нейтральные. NLP - это подполе машинного обучения, которое позволяет компьютерам понимать и анализировать человеческий язык. Если люди относятся к компании с оптимизмом, цена ее акций, скорее всего, вырастет. И наоборот, пессимистические настроения у людей вызовут снижение курса акций. Алгоритмы машинного обучения могут обрабатывать контент социальных сетей, такой как твиты, сообщения и комментарии людей, которые обычно имеют доли на фондовом рынке. Затем эти данные используются для обучения модели ИИ, чтобы она могла прогнозировать цены на акции в различных сценариях.

4. Чат-боты

Чат-боты общаются с трейдерами и предоставляют им историю финансовых отчетов и другую полезную информацию. Например, трейдер может спросить чат-бота о торговых предложениях. Чат-боты не только будут информировать его о текущих ценах, но также предоставят информацию о потенциальных предложениях, учитывая ответы других трейдеров. Чат-боты предоставляют брокерам ценную информацию, такую как котировки в реальном времени, выписки со счета, часто задаваемые вопросы (часто задаваемые вопросы) и уведомления о резких колебаниях цен. Эти чат-боты с алгоритмами машинного обучения работают намного лучше людей. Самое лучшее в чат-ботах - это то, что они могут обрабатывать и извлекать уроки из всех прошлых разговоров и соответственно обновлять себя.

5. Использование роботов-консультантов для автоматизированного консультирования

Внедрение роботов-консультантов набирает обороты во всех отраслях. В сфере торговли инвесторы могут использовать роботов-консультантов для создания адаптируемого инвестиционного портфеля и заключения сделок на различных рынках мира. Роботы-консультанты могут помочь в создании адаптируемых портфелей, поскольку они представляют собой автоматизированные компьютерные программы с алгоритмами, работающими на внутренней стороне. Эти алгоритмы позволяют трейдеру или инвестору принимать точные решения в различных обстоятельствах. Роботы-консультанты гарантируют, что ваши решения основаны на данных в реальном времени. Они получают информацию, такую как финансовые цели, сроки и допустимые риски, и анализируют эту информацию с помощью множества алгоритмов, включая модели машинного обучения, чтобы дать клиенту лучший совет. Поскольку они полностью автоматизированы, они также предпринимают необходимые действия, например, перебалансируют портфель клиента. Их ориентированные на действия способности в сочетании с полномочиями по принятию решений повышают их эффективность в торговом секторе. Они также полезны при предоставлении финансовых консультационных услуг, потому что человеку, который хочет войти в сферу торговли, понадобится содействие. Стоимость консультации с финансовым консультантом выше, чем с роботом-консультантом. Плата за консультацию финансовых консультантов увеличивается с их опытом. Роботы-консультанты не только экономичны, но и могут сократить время работы, поскольку они полностью автоматизированы. Они управляют портфелями в кратчайшие сроки и обеспечивают исполнение сделок как можно раньше [7].

Разработчики торговой политики, юристы и ученые уже давно борются с проблемами, создаваемыми революционными инновациями и цифровыми технологиями. Многие из этих извечных проблем цифровой торговли не могут быть легко решены. Некоторые из них были частично решены посредством Соглашения Транстихоокеанского партнерства, в то время как другие временно модерируются посредством судебных решений. Существует непрерывная связь между цифровыми технологиями и ИИ, и прошлый опыт и методы управления проблемами цифровой торговли могут помочь разработчикам торговой политики использовать разветвления ИИ. Однако из-за своей уникальной природы значение

ИИ, безусловно, выйдет за рамки того, что рассматривалось в более раннем правовом и политическом дискурсе. Вскоре мы предвидим новую волну глобального регуляторного разнообразия, а также мультицентрические сети управления в этой новой парадигме. Тогда перед политиками ВТО встает сложный вопрос: как сохранить такой плюрализм при разрешении торговых конфликтов, связанных с ИИ.

Человечество уже осознает масштабы возможных проблем, именно поэтому определённые страны уже стараются урегулировать использование ИИ путем заключения международных соглашений. На истоке развития ИИ данные и информация регулировались правилами ВТО, сейчас же появилась необходимость в заключении локальных и двусторонних соглашений. Основными проблемами применения искусственного интеллекта является крах рынка рабочей силы-компьютеры вытеснят человеческий ресурс, отсутствие безопасности при использовании информации, кибербулинг, доверие также возникает много вопросов, на которые пока у нас нет ответов. Такие как: «сможет ли человечество эксплуатировать ИИ в том же режиме что и сейчас либо мы будем вынуждены наделить ИИ правами?» и тому подобное [8].

Список использованных источников

1. Han-Wei Liu, Ching-Fu Lin. Artificial Intelligence and Global Trade Governance: A Pluralist Agenda. Harvard International Law Journal / Vol. 61. URL: <https://harvardilj.org/wp-content/uploads/sites/15/61.2-Liu.pdf>
2. World Trade Report 2018: The future of world trade: How digital technologies are transforming global commerce, URL: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/world_trade_report18_e.pdf
3. ГАТЦ. URL: http://www.rgwto.com/wto.asp?id=3668&doc_id=2111
4. The Geneva Ministerial Declaration on global electronic commerce. 1998. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/ecom_e/mindec1_e.htm
5. WTO Council for Trade in Services WTO, Progress Report on the Work Programme on Electronic Commerce, 19 July 1999, S/L/74, para. 4.
6. S. Hamel Azmeh And C. Hristopher Foster. The University Of Manchester And Jaime Echavarri The University of Sheffiel. The International Trade Regime and the Quest for Free Digital Trade. International Studies Review (2020) 22, P. 671–692. URL: <https://academic.oup.com/isr/article/22/3/671/5564378>
7. Rafia. Applications of Machine Learning algorithms for Trading. URL: <https://logikai.io/blog/applications-machine-learning-trading/>
8. Поздняков И.И. (2018) Влияние искусственного интеллекта на развитие мировой торговли. Экономические отношения. 8. (2). С. 173- 180. doi: 10.18334/eo.8.2.38972

**ЕАЭО шеңберінде Қазақстан Республикасы мен Ресей
Федерациясының кеден заңнамаларына салыстырмалы-
құқықтық талдау**

Жалғас Дария Нұрланқызы

dori.zhalgas@mail.ru

Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ-нің халықаралық қатынастар
факультетінің халықаралық құқық мамандығының

2 курс магистранты

Рысалдиева Айжан Ергеновна

Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ-нің «Халықаралық құқық»
кафедрасының аға оқытушысы, PhD докторы

Еуразиялық экономикалық одақ (ЕАЭО) - халықаралық құқық субъектілігі бар және Еуразиялық экономикалық одақ туралы шартпен құрылған өңірлік экономикалық интеграцияның халықаралық ұйымы.

ЕАЭО-да тауарлардың, көрсетілетін қызметтердің, капиталдың және жұмыс күшінің еркін қозғалысы, сондай-ақ экономика салаларында үйлестірілген, келісілген немесе бірыңғай саясат жүргізу қамтамасыз етіледі.

ЕАЭО Кеден одағының құқықтық мирасқоры бола отырып, 2015 жылғы 1 қаңтардан бастап жұмыс істей бастады. Қазіргі уақытта Одаққа бес мемлекеткіреді: Ресей Федерациясы, Беларусь Республикасы, Қазақстан Республикасы, Қырғыз Республикасы, Армения Республикасы.

ЕАЭО-қа мүше мемлекеттердің бірыңғай кедендік аумағында бірыңғай кедендік реттеу қажеттілігіне, сондай-ақ сыртқы экономикалық қызметке қатысушылар үшін неғұрлым қолайлы жағдайлар жасау мақсатында кедендік рәсімдерді оңайлату және үйлестіру қажеттілігіне байланысты 2014 жылғы 29 мамырдағы Еуразиялық экономикалық одақ туралы Шартқа сәйкес Еуразиялық экономикалық одақтың Кеден кодексі әзірленді.

Кеден заңнамасы ЕАЭО Кеден одағындағы кедендік реттеудің құқықтық базасы болып табылады. ЕАЭО Кеден заңнамасы Еуразиялық экономикалық одақтың басқару органдарының жұмыс істеуі шеңберінде қалыптастырылады.

ЕАЭО кеден заңнамасы одақ ішінде де, үшінші елдермен де интеграциялық процестерді тереңдету шеңберінде қалыптастырылады.

ЕАЭО-ғы кедендік реттеу ЕАЭО-тың кеден заңнамасына сәйкес, ал мұндай заңнамамен реттелмеген бөлігінде - ЕАЭО-қа мүше мемлекеттердің заңнамасына сәйкес жүзеге асырылатын болды [1].

ЕАЭО-тың жаңа Кеден кодексі қолданыстағылармен салыстырғанда елеулі өзгерістерге ұшырады, осыған байланысты Қазақстан Республикасының, сонымен қатар Ресей Федерациясының қолданыстағы кеден заңнамасын жаңа ережелерге сәйкес келтіру қажеттілігі туындады.

ЕАЭО-қа қатысушы елдің кедендік реттеу туралы ұлттық заңы Еуразиялық экономикалық одақтың кедендік заңнамасына сәйкес келуге тиіс және оның күші осы елдің аумағына ғана қолданылады. Кеден қатынастарын Ұлттық реттеу ЕАЭО-тың кеден заңнамасының тиісті нормалары белгіленгенге дейін ғана мүмкін болады. ЕАЭО-тың кеден заңнамасы оны қабылдаған елдің аумағында ғана қолданылатын кедендік реттеу туралы ұлттық заңнамаға қарағанда ЕАЭО-тың бүкіл аумағында қолданылады. Бұл жерде ЕАЭО-тың кеден заңнамасы қолданылуының кеңістіктік шектері - бұл Армения Республикасының, Беларусь Республикасының, Қазақстан Республикасының, Қырғызстан Республикасының және Ресей Федерациясының аумақтарын құрайтын ЕАЭО-тың кедендік аумағы, сондай-ақ ЕАЭО-қа қатысушы елдердің аумағынан тыс орналасқан жасанды аралдар, қондырғылар, құрылыстар және оларға қатысты ЕАЭО-қа қатысушы елдердің айрықша юрисдикциясы бар өзге де объектілер екенін атап өту қажет.

Сілтемелік нормаларды егжей-тегжейлі және жүйелендірілген ережелермен аша отырып, ЕАЭО-тың кеден заңнамасының нормаларын қайталау арқылы Қазақстан Республикасындағы кедендік реттеу туралы Қазақстан Республикасының Кодексінің біріздендірілген жобасын әзірлеу Еуразиялық экономикалық одақ шеңберінде Қазақстан Республикасында кедендік реттеудің нормативтік құқықтық базасын құруға мүмкіндік берді.

Қазақстан Республикасындағы кедендік реттеу туралы Қазақстан Республикасының Кодексінің жобасы ЕАЭО Кеден кодексінің кедендік реттеу саласындағы мынадай жаңалықтарын регламенттейтін болды:

1. Электрондық кедендік декларациялаудың басымдығы және жазбаша декларациялауды белгілі бір жағдайларда ғана қолдану.

2. Кеден органына оның толтырылуына негіз болған құжаттарды ұсынбай кедендік декларацияны беру мүмкіндігі.

3. Кедендік декларацияны тіркеуге және тауарларды автоматты түрде шығаруға байланысты кедендік операцияларды кеден органдарының ақпараттық жүйелерімен жасау мүмкіндігі.

4. Кедендік декларацияны тіркеу сәтінен бастап төрт сағат ішінде тауарларды шығаруды жүзеге асыру.

5. Тауарлардың кедендік аумаққа келуімен (кетуімен), кедендік декларациялаумен және тауарларды шығарумен байланысты кедендік операцияларды жасау кезінде «бір терезе» тетігін пайдалану.

6. Уәкілетті экономикалық оператор (УЭО) мәртебесі берілуі мүмкін заңды тұлғалардың санаттарын ұлғайту, осындай мәртебе берудің үш деңгейлі жүйесін енгізу және оны беру өлшемшарттарын (шарттарын) жаңғырту, УЭО үшін, оның ішінде ЕАЭО-тың бүкіл аумағындағы кедендік бақылауға қатысты арнайы оңайлатулар тізімдерін кеңейту [2].

Дәстүрлі мағынада көптеген елдердің, соның ішінде Қазақстан Республикасы мен Ресей Федерациясының кеден заңнамалары кеден ісі саласындағы құқықтық қатынастарды реттейтін нормалардың жиынтығы ретінде төмендегідей болып табылады:

а) тауарлар мен көлік құралдарын кедендік шекара арқылы өткізуге байланысты (кедендік ресімдеу және бақылау, кедендік режимдер мен төлемдер, тарифтік және тарифтік емес реттеу және т. б.);

б) кеден ісі саласындағы құқықтық тетікті институционалдық ұйымдастыруға байланысты;

в) кеден саласындағы құқық бұзушылықтар үшін жауапкершілікпен және кедендік дауларды шешу тәртібімен байланысты [3].

Аталған екі ел кеден заңнамаларының жобасын қабылдау мақсаттары: Қазақстан Республикасының кеден заңнамасын Еуразиялық экономикалық одақтың кеден заңнамасына сәйкес біріздендіру және келтіру. Сонымен қатар, заң жобасын реттеу пәні - Мемлекет пен сыртқы экономикалық қызметке қатысушы арасындағы Еуразиялық экономикалық одақтың кеден заңнамасының және Қазақстан Республикасы кеден заңнамасының талаптарын

орындауға байланысты қоғамдық қатынастар осы Заң жобасының құқықтық реттеу нысанасы болып табылады.

Кеден ісі саласындағы Ресей-Қазақстан ара-қатынасы мен байланысы ЕАЭО, сонымен қатар ТМД, Ресей Федерациясы мен Қазақстан Республикасы арасындағы ынтымақтастық жөніндегі комиссиясы, кедендік қызмет жөніндегі екіжақты бірлестік арқылы реттеледі.

Қазіргі таңда Қазақстан Республикасы мен Ресей Федерациясы арасындағы кедендік қызметтің белсенді байланыстарын төменде берілген кедендік ынтымақтастықтың басты бағыттары бойынша жүзеге асырылады.

1) 2019 жылғы 29 мамырда Нұр-Сұлтан қаласында қол қойылған Еуразиялық экономикалық одақтың кедендік аумағына әкелінген тауарларды қадағалау тетігі туралы Келісім шеңберінде тауарларды қадағалаудың ұлттық жүйелерін құру.

2) 2018 жылғы 2 ақпанда Алматы қаласында қол қойылған тауарларды сәйкестендіру құралдарымен таңбалау туралы келісімді және Еуразиялық экономикалық комиссияның жекелеген тауарларды таңбалауды енгізу туралы кейінгі шешімдерін іске асыру жөніндегі жұмыс кіреді.

3) навигациялық пломбаларды пайдалана отырып, тауарлардың транзиттік тасымалдарын қадағалау жүйесінің негізінде ЕАЭО-ға мүше мемлекеттердің аумағы бойынша тауарлар транзитінің бірыңғай жүйесін құру жөніндегі жұмыс кіреді.

4) «Еуразиялық экономикалық одақтың кедендік шекарасы арқылы өткізілетін тауарларды кедендік декларациялауға байланысты кедендік операцияларды жасау орындарында кедендік бақылауды Үйлестірілген жүргізу туралы» Еуразиялық экономикалық комиссия Кеңесінің 2020 жылғы 21 ақпандағы № 10 өкімін іске асыру жөніндегі жұмыс кіреді.

5) ДСҰ-ға қосылу шарты ретінде қабылданған міндеттемелерге сәйкес Қазақстан Республикасы оларға қатысты кедендік әкелу баждарының ставкаларын қолданатын тауарлар тасымалданған көлік құралын беру тәртібін қолдану шеңберінде кедендік әкелу баждарының төмендетілген мөлшерлемелерін қолдана отырып, Қазақстан Республикасына бұрын әкелінген тауарларды Ресей Федерациясына әкелудің жолын кесу бойынша Ресей кеден органдары мен Қазақстан Республикасының Мемлекеттік кіріс органдарының практикалық өзара іс-қимылы болып табылады,

Еуразиялық экономикалық одақтың Бірыңғай кедендік тарифі баждарының мөлшерлемелерімен және осындай баж мөлшерлемелерінің мөлшерлемелерімен салыстырғанда неғұрлым төмен.

Ресей мен Қазақстанның ДСҰ-ға кіруінің теріс салдарларын барынша азайту, ЕАЭО-ны белсенді түрде қалыптастыру қажеттілігі жағдайларында мыналар: 1) ЕАЭО-ға мүше мемлекеттердегі кедендік-тарифтік реттеудің базалық параметрлерін біріздендіру (тарифтік жеңілдіктер беру тетігі, неғұрлым қолайлы жағдай жасау режимі берілетін елдерді айқындау), құрылатын бірыңғай экономикалық кеңістік шеңберінде өнеркәсіптік саясат императивтерін айқындау негізінде бірыңғай кедендік-тарифтік саясатты жүргізу, 2) Еуразиялық экономикалық одақтың мыналарға бағытталған бірыңғай кедендік тарифінің құрылымын жетілдіру: өнеркәсіптік кооперацияны тереңдету, ортақ технологиялық платформалар мен өнеркәсіптік кластерлерді қалыптастыру, ЕАЭО-да экспортқа бағдарланған өндірістерді қолдау; бірқатар сезімтал ауыл шаруашылығы, азық-түлік, өнеркәсіптік тауарларға баждарды ДСҰ-мен келісілген деңгейге дейін арттыру және т. б. 3) инновациялық, сондай-ақ импортқа сезімтал кіші субпозицияларды бөлу үшін Еуразиялық экономикалық одақтың сыртқы экономикалық қызметінің тауар номенклатурасының кодтарын нақтылау, ішкі нарықты атаулы қорғау, импортты алмастыратын өндірісті дамытуды ынталандыру, СЭҚ тарифтік және тарифтік емес реттеу шараларының тиімділігін арттыру мақсатында тауарлар туралы қосымша ақпарат сыныптауышын дамыту негізінде сыныптауды жоспарлы тереңдету; 4) кедендік әкету баждарының мөлшерлемелерін белгілеу тетігін жетілдіру, кедендік әкету баждары мөлшерлемелерінің деңгейлерін және экспорттық баждар салынатын тауарлар тізбелерін түзету, оның ішінде: экспорттық баждар салынатын тауарлар санын қысқарту; мұнай мен мұнай өнімдеріне кедендік әкету баждарының мөлшерлемелерін есептеу және түзету тәртібін жетілдіру. 5) мемлекеттер экономикаларын әртараптандыру ЕАЭО елдері ынтымақтастығының басым бағыты болып қала береді. Бұрынғысынша, бірлестіктің жетекші елдері экономикаларының бәсекеге қабілеттілігін арттыру үшін негізгі кедергі - бұл шикізаттық бағыт. Бұл кедергіні еңсеру және ЕАЭО елдері экономикаларының өзара кірігуі мен үйлесімділігін күшейту-оларды әртараптандырудың кепілі [4; 10].

Қазіргі кезеңде кеден ісі саласындағы халықаралық ынтымақтастық интеграциялық өзара іс-қимылды одан әрі тереңдету және кеңейту мүддесінде сыртқы саудадағы бизнес-процестерді оңайлату мақсатында әртүрлі мемлекеттердің кеден органдары арасындағы қажетті байланыстардың дамуын қамтамасыз етеді. Қазіргі уақытта Ресей Федерациясы мен Қазақстан Республикасының Кедендік ынтымақтастығының негізгі бағыты Еуразиялық экономикалық одақ шеңберінде интеграциялық процестерді нығайту және дамыту, бірыңғай заңнамалық базаны жетілдіру, бірлескен кедендік және ақпараттық технологияларды дамыту, кеден заңнамасын бұзушылықтарға қарсы күресті күшейту болып табылады [5].

Ресей Федерациясындағы кедендік реттеуді кеден саясаты, сондай-ақ Ресей Федерациясының кедендік шекарасы арқылы тауарлар мен көлік құралдарын өткізудің тәртібі мен шарттары, кедендік төлемдерді алу, кедендік ресімдеу, кедендік бақылау және кеден саясатын жүзеге асырудың басқа құралдары құрайды. Ресей Федерациясының Конституциясы кедендік реттеуді Ресей Федерациясының қарауына жатқызады (71-баптың «ж» тармағы). Бұл мемлекеттің кеден саясатын әзірлеуге айрықша құқығын білдіреді, оны іс жүзінде іске асыру құралы кеден ісі болып табылады, сондай-ақ кеден аумағының біртұтастығын және елдегі кеден ісінің орталықтандырылуын қамтамасыз етеді [6].

Кедендік реттеудің әдістері мен тәсілдері екі ел Кеден жүйесі мемлекеттің экономикалық егемендігі мен қауіпсіздігін, ішкі нарықты, отандық сауда мен өнеркәсіпті қорғаудың бай тәжірибесіне ие. Осы стратегиялық іс-шараларды жүзеге асыру әрқашан мемлекеттің сыртқы және ішкі саясатының ажырамас бөлігі болып табылатын елде жүргізіліп жатқан кеден саясатымен тығыз байланысты болды. Кедендік реттеу мақсаттарының тауарлар нарығын қорғауға және ұлттық экономиканың дамуын ынталандыруға бағытталуы оның мемлекетінің ішкі саясатымен тығыз байланысын анықтайды.

Осы негізде екі ел кеден заңнамасына салыстырмалы-құқықтық талдау жасайтын болсақ, алдымен ҚР мен РФ кеден заңнамаларының атауына мән беруіміз қажет. Біздің ел заңнамасының толық атауы – «Қазақстан Республикасындағы кедендік реттеу туралы Қазақстан Республикасының Кодексі» болса, РФ-ның кеден заңнамасының толық заң атауы – «Федеральный закон О таможенном

регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Қолданыстағы заңнама атауының өзінен айырмашылықты байқауға болады. Яғни «Кодекс» және «Заң» ұғымдарының қолданылуы орын алып тұр. Заңнаманы қабылдаған уақыттың өзінде де екі елдің қабылдау мерзімдері әр түрлі екендігін айқындаймыз. ҚР мен РФ-ның заңнама құрылымын салыстыра отырып, бөлім және тарау бойынша бірдей, алайда бап саны бойынша ҚР-ның кедендік реттеу кодексінің көлемді екенін байқадық.

«Тауарларды еуразиялық экономикалық одақтың кедендік шекарасы арқылы өткізу, оларды еуразиялық экономикалық одақтың кедендік аумағында немесе оның шегінен тыс жерлерде иелену, пайдалану және (немесе) оларға билік ету туралы жалпы ережелер» бабында осы мәселе біздің заңнамада қарастырылады [7]. Ресей заңында «Основные положения о ввозе товаров в Российскую Федерацию и вывозе товаров из Российской Федерации» атты бабында осы түрде сипатталады [8]. Сонымен қатар, тауарлардың ЕАЭО-тың кедендік аумағына келуі және осындай келуге байланысты кедендік операциялар, тауарлардың еуразиялық экономикалық одақтың кедендік аумағынан кетуі және осындай кетуге байланысты кедендік операциялар негіздері отандық заңнамада қарастырылған. РФ кедендік заңында тауарларды және (немесе) көлік құралдарын мемлекет меншігіне айналдыру мәселелері ашылып жазылмаған. Алайда біздің заңнамада бұл туралы тілге тиек етеді.

Жоғарыда аталған айырмашылықтар негізінде «Введение запрета на оборот в Российской Федерации отдельных категорий товаров» бабында осы мәселеге РФ тоқталған [8]. Жекелеген тұлғалар санаттарының еуразиялық экономикалық одақтың кедендік шекарасы арқылы тауарларды өткізуінің, дипломатиялық пошта мен консулдық вализаны өткізудің тәртібі мен шарттарының ерекшеліктері тек ҚР кедендік реттеу кодексінде қарастырылған [7]. Бұл ерекшеліктерге шет ел заңы тоқталмаған. Алайда айырмашылықтарынан гөрі ұқсастықтары біршама көп екендігін айқындадық. Мәселен, кеден органдары, кеден өкілі, кеден тасымалдаушысы, уақытша сақтау қоймасының иесі, кеден қоймасының иесі, еркін қойманың иесі, уәкілетті экономикалық операторлардың атқаратын қызметтері мен міндеттері ұқсас.

Осылайша, қорытындылай келе ҚР мен РФ-ның кеден заңнамаларының ЕАЭО Кеден кодексі аясында құрылып, сол негізде жүзеге асырылып жатқандығын айта аламыз. Екі ел Кеден заңнамаларының арасындағы ұқсастықтарының көп екендігін және айырмашылықтарының да кездесіп қалатындығын байқадық. ЕАЭО Кеден кодексінің мақсаты - барынша тікелей әрекет ету үшін бірыңғай кедендік заңнама жасау болып табылады. Құжат экономикалық одаққа мүше бестіктің транзиттік және экспорттық әлеуетін барынша пайдалануға бағытталған. Құжатқа енгізілген жаңа тетіктің бірі – ол кедендік рәсімдерді автоматтандыру. Кодекс бес елге теңдей мүмкіндік сыйлайды және электронды декларациялаудың енгізілуі арқылы жемқорлықтың жолын бөгейді деп сенеміз.

Пайдаланған қайнар көздер тізімі

1. Абдрахманов Б.Н. «Қазақстан Республикасының кеден саясаты және кеден одағының ерекшеліктері». URL: https://www.keu.kz/images/magister_autoreferat/2013/Автореферат%20Абдрахманов%20Б.Н.pdf
2. Концепция проекта Кодекса Республики Казахстан «О таможенном регулировании в Республике Казахстан». URL: <https://iris.kz/npa/kontseptsiya-proekta-kodeksa-respubliki-kazakhstan-o-tamozhennom-regulirovanii-v-respublike-kazakhst/>
3. Сравнительный анализ таможенного законодательства Европейского Союза. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=2512
4. Айдабосынов Е.Н. Еуразиялық экономикалық одақ // Егемен Қазақстан. – 2017. - 10 б.
5. О сотрудничестве таможенных служб России и Казахстана в свете деятельности представительства таможенной службы Российской Федерации в Республике Казахстан. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sotrudnichestve-tamozhennyh-sluzhb-rossii-i-kazahstana-v-svete-deyatelnosti-predstavitelstva-tamozhennoy-sluzhby-rossiyskoy>
6. Сравнительная характеристика таможенного регулирования в России и зарубежом. URL: <https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=477148>
7. Қазақстан республикасындағы кедендік реттеу туралы Қазақстан республикасының кодексі (26.12.2017). URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1700000123>
8. Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (редакция, действующая с 22 августа 2021 года). URL: <https://docs.cntd.ru/document/550836304?section=text>

**ЕАЭО кеден одағы шеңберіндегі Қазақстан Республикасы
мен Беларусь арасындағы кедендік қатынастар**

Ерболов Данияр Ерболович

erbolovd@mail.ru

Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ-нің халықаралық қатынастар
факультетінің халықаралық құқық мамандығының
2 курс магистранты

Рысалдиева Айжан Ергеновна

Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ-нің «Халықаралық құқық»
кафедрасының аға оқытушысы, PhD докторы

Бүгінгі таңда Қазақстан Республикасы мен Беларусь Республикасы арасында Еуразиялық экономикалық одақ (бұдан әрі – ЕАЭО) шеңберінде көптеген салаларда тығыз өзара қатынастар дамып жатыр, оның ішінде кеден қатынастары ерекше орынды алады. 2018 жылдың 1 қаңтарында ЕАЭО Кеден кодексінің (бұдан әрі – ЕАЭО КК) күшіне енуі ЕАЭО мүше-мемлекеттердің ұлттық кеден қатынастарын реттейтін заңнамаларына өзгерістерді әкелді. ЕАЭО ұлттықтан жоғары кеден заңнамасы Одақтың барлық аумағына күші таралса, кедендік реттеу туралы ұлттық заңнама тек оны қабылдаған мемлекеттің аумағында ғана қолданылады. Осылайша, ЕАЭО КК мақсаты мүше-мемлекеттерде кедендік реттеуді біріздендіру.

Беларусь Республикасында Еуразиялық экономикалық одақтың кедендік құқығын құрайтын актілерді есепке алмағанда, кедендік қатынастар «Беларусь Республикасында кедендік реттеу туралы» 10 қаңтар 2014 жылғы №129-3 Беларусь Республикасының Заңымен, «Кедендік реттеу» туралы 22 желтоқсан 2018 жылғы №490 Беларусь Республикасы Президентінің Жарғысымен, «Беларусь Республикасында кедендік реттеу туралы Беларусь Республикасы Заңын жүзеге асыру бойынша шаралар туралы» 27 мамыр 2014 жылғы Беларусь Республикасы Министрлер Кеңесінің үкімімен реттеледі.

Қазақстан Республикасының аумағында кедендік реттеу «Қазақстан Республикасындағы кедендік реттеу туралы» 26 желтоқсан 2017 жылғы Қазақстан Республикасының Кодексі арқылы жүзеге асырылады.

ЕАЭО туралы шарт бойынша ЕАЭО негізі оның жұмысының тиімділігін қамтамасыз ететін кедендік аумақ болып табылады. ЕАЭО мүше мемлекеттердің кедендік одағы аясында ЕАЭО туралы шарттың 25 – бабына сәйкес:

- тауарлардың ішкі нарығы жұмыс істейді;
- ЕАЭО Бірыңғай кедендік тарифі (ЕАЭО БКТ) және үшінші тұлғалармен тауарлардың сыртқы саудасын реттеу бойынша басқа да бірыңғай шаралар қолданылады;
- үшінші тұлғалармен қарым-қатынаста тауарлар саудасының бірыңғай режимі бар;
- бірыңғай кедендік реттеу жүзеге асырылады;
- мүше-мемлекеттердің аумақтары арасында тауарлардың еркін қозғалысы кедендік декларация мен мемлекеттік бақылауды пайдаланбай жүзеге асырылады (көлік, санитарлық, ветеринарлық-санитарлық, карантиндік фитосанитарлық) [1].

Сыртқы экономикалық қызметті мемлекеттік реттеу құралдарының алуан түрлілігі арасында негізгісі мемлекеттің кедендік шекарасы арқылы өткізілетін тауарларға кедендік баждарды белгілеу, жүргізу, өзгерту және олардың қолданылуын тоқтату жолымен жүзеге асырылатын тауарлардың сыртқы саудасын мемлекеттік реттеу әдісі - кедендік-тарифтік реттеу болып табылады. Кедендік төлемдер мемлекеттің сыртқы экономикалық байланыстар жүйесіне қатысуының маңызды реттеушісі болып табылады, елдің халықаралық еңбек бөлінісіндегі орнын айқындайды және бюджет кірістерінің едәуір бөлігін қамтамасыз етеді [2].

Қазіргі жағдайда кедендік төлемдердің рөлі артып келеді, олар елдің әлемдік экономикаға кірігуінің тиімді құралы болып табылады. ЕАЭО Кеден кодексі туралы шартта кедендік төлемдер ұғымының айқындамасы бекітілмеген, алайда осы ұғымға қандай баждар, салықтар мен алымдар енгізілетіні көрсетіледі. Кедендік төлемдердің түрлері ЕАЭО КК 46 бабымен бекітілген:

- әкелу кедендік бажы;
- әкету кедендік бажы;
- Одақтың кедендік аумағына тауарларды әкелу кезінде алынатын қосылған құн салығы;
- Одақтың кедендік аумағына тауарларды әкелу кезінде алынатын акциздер (акциздік салық немесе акциздік алым);
- кедендік алымдар [1].

Әкелу кедендік баждары

Әкелу кедендік баждарын ЕАЭО Коллегиясы айқындайды және оның шешімдерінің күші барлық ЕАЭО мүше-мемлекеттеріне таралады.

ЕАЭО кедендік аумағында бірыңғай кедендік реттеу мен сауда саясатының құралы ЕАЭО БКТ болып табылады, оның бастапқы негізі 2010 жылдың 1 қаңтарынан бастап Беларусь, Қазақстан мен Ресейдің Кеден одағында күшіне енген бірыңғай кедендік тариф болды.

ЕАЭО БКТ - ЕАЭО сыртқы экономикалық қызметтің бірыңғай тауарлық номенклатурасына сәйкес жүйеленген, үшінші елдерден ЕАЭО кедендік аумағына әкелінетін тауарларға қолданылатын кедендік баж мөлшерлемелерінің жиынтығы.

Кедендік әкелу баждарының сомаларын есепке жатқызуға және бөлуге, оларды мүше-мемлекеттер бюджеттерінің кірісіне аударуға қатысты негізгі ережелер, сондай-ақ сомаларды бөлу нормативтері 29.05.2014 жылғы Еуразиялық экономикалық одақ туралы шарттың № 5 қосымшасына сәйкес жүзеге асырылады.

Әрбір мүше мемлекет үшін кедендік әкелу баждарының сомаларын бөлу нормативтері мынадай мөлшерлерде белгіленеді:

Армения Республикасы – 1,220 пайыз;

Беларусь Республикасы – 4,860 пайыз;

Қазақстан Республикасы – 6,955 пайыз;

Қырғыз Республикасы – 1,900 пайыз;

Ресей Федерациясы – 85,065 пайыз.

Әкету кедендік баждары

Әкету кедендік баждарын ЕАЭО мүше-мемлекеттері өз бетінше ұлттық мүдделерді ескере отырып бекітеді. Бұл олардың егеменді және әлі ұлттан жоғары органның билігіне берілмеген құқығы.

Кедендік әкету баждарын алу ерекшеліктері Беларусь Республикасының ұлттық заңнамасында белгіленген. Республикада Еуразиялық экономикалық одаққа мүше мемлекеттердің кедендік аумағынан тысқары жерлерге әкетілетін тауарларға қатысты кедендік әкету баждарының ставкаларын белгілейтін бірқатар нормативтік құқықтық актілер қолданылады:

1. Калий тыңайтқыштары – Беларусь Республикасы Президентінің 2013 жылғы 5 қыркүйектегі № 400 Жарлығы бойынша 2016 жылғы 1 қаңтардан бастап Беларусь Республикасының аумағынан Еуразиялық экономикалық одақтың кедендік аумағынан

тыс жерлерге әкетілетін калий тыңайтқыштарына кедендік әкету бажының мөлшерлемесі белгіленді.

2. Рапс дәндері – Беларусь Республикасы Президентінің 2010 жылғы 21 мамырдағы № 272 Жарлығыны сәйкес Беларусь Республикасының кедендік аумағынан Еуразиялық экономикалық қоғамдастыққа мүше мемлекеттердің кедендік аумағынан тысқары жерлерге әкетілетін рапс немесе кольза дәндеріне 1000 килограмм үшін 100 евро мөлшерінде кедендік әкету бажының ставкасы белгіленді.

3. Ағаш материалдары – Беларусь Республикасы Президентінің 2010 жылғы 9 қазандағы № 522 Жарлығы.

4. Өңделмеген терілер, иленген былғары - Беларусь Республикасы Президентінің 2011 жылғы 1 ақпандағы №40 Жарлығы.

5. Мұнай және мұнай өнімдері – 2010 жылғы 9 желтоқсандағы шикі мұнайды және мұнайдан жасалған тауарлардың жекелеген санаттарын кеден одағының кедендік аумағынан тысқары жерлерге әкету кезінде әкету кедендік баждарын (баламалы қолданылатын өзге де баждарды, салықтар мен алымдарды) төлеу және есепке алу тәртібі туралы келісім, Беларусь Республикасы Президентінің 2010 жылғы 31 желтоқсандағы № 716 Жарлығы [4].

Беларусь Республикасы Президентінің 2010 жылғы 31 желтоқсандағы № 716 Жарлығына қосымшаға сәйкес шикі мұнайға және мұнайдан жасалған тауарлардың жекелеген санаттарына қатысты, Беларусь Республикасының аумағынан 2011 жылдың 1 қаңтарынан бастап Кеден одағының кедендік аумағынан тыс жерлерге, ал 2015 жылдың 1 қаңтарынан Еуразиялық экономикалық одақтың кедендік аумағынан тыс жерлерге бастап әкетілетін кедендік әкету баждарының мөлшерлемелері Беларусь Республикасының Министрлер Кеңесі Ресей Федерациясында қолданылатын мөлшерлемеге тең мөлшерде белгілейді және Ресей Федерациясының тиісті нормативтік құқықтық актілерінде белгіленетін мөлшерлемелер сияқты мерзімдерде қолданысқа енгізіледі [3].

Қазақстан Республикасы мен Беларусь Республикасында кедендік әкету баждарын енгізу және есептеу ерекшеліктерін салыстыра отырып, ЕАЭО шеңберінде екі мемлекеттің кедендік-тарифтік реттеудің біркелкілігіне және ұзақ және күшті интеграциялық үдерістеріне қарамастан, кедендік әкету баждарын

енгізу негіздеріндегі елеулі айырмашылықтар мемлекеттің экономикалық даму ерекшеліктерінен туындағанын атап өткен жөн.

Беларуссияда экспорттық кедендік баждар салынатын тауарлардың шектеулі тізімінен Беларусь Республикасы экономикасының экспорттық бағыты туралы қорытынды жасауға болады. Бұл тұжырым мөлшерлемелердің өте қарапайым түрде белгіленгендігімен және отандық тауарларды экспорттауды жеңілдетуге және ынталандыруға нақты бағытталғандығымен расталады.

Қазақстан Республикасында мөлшерлемелер тереңірек сараланады және ресурстарды шетелге жаппай экспорттауды шектеу функциясын атқарады. Баж мөлшерлемелері неғұрлым жүйелендірілген және бір нормативтік-құқықтық құжатта ұсынылған.

Қазақстан Республикасында әкету кедендік баждарының мөлшерлемелері ҚР Ұлттық экономика министрінің «Әкету кедендік бажы қолданылатын тауарлар тізбесін, мөлшерлемелер көлемін және олардың қолданылу мерзімін және Шикі мұнай мен мұнайдан өндірілген тауарларға әкету кедендік бажы мөлшерлемелерінің көлемін есептеу қағидаларын бекіту туралы» 17.02.2016 ж. бұйрығымен айқындалған.

Кедендік баждар сыртқы сауда қызметіне әсер етудің тиімді құралы болып табылады, ұлттық мүдделердің сақталуын қамтамасыз етуге көмектеседі, сонымен қатар бюджеттің кіріс бөлігінің едәуір бөлігін құрайды. Баж салығы салынатын тауарларды өткізу бағыты бойынша кедендік баждардың бір түрі кедендік әкету баждары болып табылады [4].

ҚҚС пен акциз

Тауарлардың, жұмыс күшінің және капиталдың мемлекетаралық қозғалысы шаруашылық жүргізуші субъектілер мен мемлекет арасындағы, сондай-ақ белсенді сыртқы экономикалық қызметті жүргізетін мемлекеттер арасындағы бөлу қатынастарындағы салықтардың маңыздылығын едәуір күшейтеді.

ҚҚС және акциздер жанама салықтар, олардың негізгі функциялары ішкі нарықты және ұлттық өндірушілерді шетелдік бәсекелестіктен қорғау, сондай - ақ бюджетті толықтыру болып табылады [3].

Беларусь Республикасында ЕАЭО мүше-мемлекеттері арасында ең жоғары ҚҚС қолданылады. Осы мемлекетте оның мөлшерлемесі - 20 % құрайды. Қазақстан Республикасында бұл көрсеткіш 12 % тең.

Алынатын ҚҚС мөлшеріндегі мұндай айырмашылықтың себептерінің бірі Беларусь Республикасында қосымша бюджет кірістерін құрайтын маңызды стратегиялық ресурстары жоқ және ҚҚС негізгі кіріс көзін қамтиды.

Акиздер бойынша ЕАЭО мүше-мемлекеттерінің заңнамалық бірідендіру жұмыстары жүргізіліп жатыр. Мысалы, 2019 жылы алкоголь өніміне акциздер саласында салық саясатын жүргізу қағидаттары туралы келісім жобасы әзірленген болатын.

Келісім жобасында 2024 жылға қарай этил спиртінің көлемдік үлесі 9% – дан асатын (Беларусь Республикасында-7% және одан астам) алкоголь өніміне арналған акциздің сусыз этил спиртінің 1 литрі үшін 9 евро мөлшерінде бірыңғай индикативтік мөлшерлемесі, сондай-ақ 2024 жылы ЕАЭО-ға мүше мемлекеттерде қолданыстағы көрсетілген өнімге арналған акциздердің нақты мөлшерлемелерінің одан ауытқу диапазоны белгіленеді:

- Армения Республикасы мен Қырғыз Республикасы үшін - 40% - дан кем емес және 10% - дан аспайтын үлкен жағына;
- Беларусь Республикасы, Қазақстан Республикасы және Ресей Федерациясы үшін – 15% - дан аспайтын аз жағына және 10% - дан аспайтын үлкен жағына қарай.

ЕАЭО елдерінің вице-премьерлері *«темекі өнімдеріне арналған акциздер саласында салық саясатын жүргізу қағидаттары»* туралы 2019 жылдың 19 желтоқсанында келісімге қол қойды.

2024 жылдан бастап ЕАЭО елдерінің сигареттеріне ұлттық акциз ставкаларын есептеу кезінде аз немесе көп жағына қарай 20%-дан аспайтын ауытқумен 1 мың сигарет үшін €35 индикативтік ставкасы негізге алынатын болады. Бизнесті жаңа талаптарға бейімдеу үшін индикативтік ставкаға қол жеткізу мерзімі болып 2020 жылдан 2024 жылға дейінгі аралықтағы кезең белгіленді [5].

Кедендік алымдар

ЕАЭО КК кедендік алымдарды төлеушілер, кедендік алым салынатын объектілер, оларды төлеу тәртібі, мерзімдері ЕАЭО мүше-мемлекеттердің заңнамасымен айқындалатындығы белгіленген.

Беларусь Республикасының кеден заңнамасында келесідей кедендік алым түрлері бекітілген:

- кедендік операцияларды орындау;
- кеден органдарының қызметкерлері жүзеге асыратын тауарларды кедендік алып жүру;

- кедендік декларациялау жөніндегі маманға біліктілік куәлігін беру;
- кеден органдарының алдын ала шешім қабылдауы;
- кеден органдары кедендік төлемдердің кепілгері деп таныған банктердің және банктік емес несиелік-қаржылық ұйымдардың тізіліміне енгізу [6].

Қазақстан Республикасының кеден заңнамасында кедендік алымдардың келесідей түрлері айқындалған:

- тауарларды кедендік декларациялау үшін кедендік баж;
- кедендік алып жүру үшін кедендік алым.
- алдын ала шешім қабылдағаны үшін кедендік алым [7].

ЕАЭО-да кедендік алымдар түрлерінің ең көп саны Беларусь Республикасына белгіленді, бұл екі факторға байланысты: қатаң мемлекеттік кедендік реттеу және мемлекеттік бюджеттің кіріс бөлігін толықтыру мүмкіндігі.

Кедендік алымдарды енгізу бойынша мөлшерлемелерді белгілеу ЕАЭО мүше-мемлекеттердің тәуелсіз заңнамалық бастамашылдығы болғандығымен, олар ЕАЭО КК біркелкі талаптарына сәйкес болуы қажет. Кедендік алымдардың мөлшері кедендік алымдар белгіленген әрекеттерді орындау үшін кедендік органдардың шығындарының шамалы мөлшерінен аспауы тиіс [8].

Қорытындылай келе, осы жұмыста Қазақстан Республикасы мен Беларусь Республикасындағы кедендік төлемдер түрлері, олардың айырмашылықтары және ЕАЭО аясында кедендік төлемдердің реттелуі туралы салыстырмалы талдау жасалынды.

Пайдаланылған қайнар көздер тізімі

1. Еуразиялық экономикалық одақтың Кеден кодексі туралы шартты ратификациялау туралы ҚР Заңы [Электронный ресурс]. – ИПС «Әділет». – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1700000115>;

2. Мельник Н.В. Анализ взимания и распределения таможенных платежей стран евразийского экономического союза и меры по их совершенствованию // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2020. - №11-2. – С. 156-159.

3. Алексеева Т. О. Таможенные платежи в Евразийском экономическом союзе: проблемы унификации и гармонизации законодательства // Финансы и кредит. – 2017. – Т. 23. – № 2(722). – С. 78-88.

4. Лавренкова Ю. А. Унификация и гармонизация законодательства Евразийского экономического союза в отношении таможенных платежей / Ю.

А. Лавренкова // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2018. – Т. 3. – № 4(14). – С. 504-507.

5. Поляков Р. А. Сравнительный анализ правовых основ установления ставок вывозных таможенных пошлин Российской Федерации и Республики Беларусь // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 5-4(44). – С. 126-132.

6. Закон Республики Беларусь «О таможенном регулировании в Республике Беларусь» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11400129>

7. Қазақстан Республикасындағы кедендік реттеу туралы Кодекс[Электронный ресурс]. – ИПС «Әділет». – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1700000123>;

8. Федина Е. В. Анализ механизма взимания таможенных платежей в ЕАЭС // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. – 2018. – Т. 12. – № 1. – С. 89-98.

УДК 341.1

ЕАЭО мүшелері Қазақстан мен Қырғызстан арасындағы кедендік байланыстар: қазіргі жағдайы мен даму болашағы

Жұбатқан Айбарша Казизбекқызы

aibarshashirinbek@gmail.com

Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ-нің халықаралық қатынастар факультетінің халықаралық құқық мамандығының

2 курс магистранты

Рысалдиева Айжан Ергеновна

Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ-нің «Халықаралық құқық» кафедрасының аға оқытушысы, PhD докторы

Қазақстан мен Қырғызстан терең рухани, тарихи және мәдени құндылықтармен байланысқан көрші екі ел. Екі мемлекет арасындағы кедендік-сауда байланыстары айтарлықтай назарды талап етіп отырған мәселелердің бірі болып табылады. Қазақстан үшін де, Қырғызстан үшін де шекара мәселелерінің шешілуі, сауда қайшылықтарын жою өте маңызды. Көршілес мемлекеттер арасындағы мәселелердің күрделілігіне байланысты шешім табуға кешенді түрде еңбектену қажет. Мемлекеттік құрылым, саяси жағдай, әлеуеттің де түрлілігі мәселені одан сайын күрделендіруде. Қырғызстанның ЕАЭО-ға мүше мемлекеттермен көлік

байланысының қаншалықты дұрыс болатындығы Қазақстанға байланысты, себебі Армения, Беларусь және Ресейге көлік тасымалдары Қазақстан аумағы арқылы жүзеге асырылады. Бұған қоса, Қазақстанның да Қырғызстаннан импортталатын өнімдерге сұранысы жоғары. Елдер арасында төрт халықаралық және төрт екіжақты өткізу пункті жұмыс істейді. Қырғызстан экспорттайтын тауарлар қатарына осы мемлекеттен шығатын киім, аяқ киім, мақта матасы, көкөніс пен жемістер, сүт өнімдері, косметикалық құралдар, металдардың кейбір түрлері жатады. Соңғы 5 жылда Қырғызстанның импорттық-экспорттық әлеуетінің айтарлықтай жоғары еместігін байқауға болады. Бұның басты себептерінің бірі - Қазақстанның қойған қозғалыс шектеулері.

Қазақстанның Қырғызстаннан келетін жүк көліктерінің қозғалысына шектеу қоюының басты себебі - Қырғызстанның ветеринарлық және фитосанитарлық нормаларды бұзуы мен ЕАЭО-ға мүше мемлекеттердің нарығына түсуге сапасының сәйкессіздігі. Дегенмен Қырғызстан ЕАЭО мен Қазақстан талаптарына сәйкес әрекет етуді қолға алмады. Қазақстанмен фитосанитарлық кедергілер 2016 жылдың қазан айының соңында, яғни ЕАЭО-ға кіргеннен кейін бір жыл өткен соң, ал ветеринарлық шектеулер 2019 жылы ғана алынып тасталды [1]. Мұндай мәселелердің туындауына Қырғызстандағы тауар сапасын бақылайтын зертханалардың аздығы әсер етті. Бұған қоса Қырғызстан үшін кедергі болып тұрған мәселе - ауыл шаруашылық өнімдерді сақтау мен жеткізу. Бұл өнімдерді шығарушы тұлғалардың жеткізу мен сақтауға байланысты толыққанды мәліметтерді білмеуі себебінен уақытылы жеткізу, бағасын анықтау, алдын-ала сатып алушымен келісімге келу секілді әрекеттер төмен дәрежеде жүзеге асуда, яғни экспорт мәселесі едәуір үлкен назарды талап етуде. Осындай олқылықтар қырғыз экспорттаушыларының басқа ЕАЭО мүшелерімен тең дәрежеде бәсекеге қатысуына кедергі келтіреді. Қазақстан Қырғызстанмен шекара мәселесінің ушығуының бір себебі ретінде Қытайдан келетін тауарлардың кері экспорты жүйесіндегі көлеңкелі экономиканың болуын қарастырады. Сарапшылардың айтуынша, бүгінде Қырғызстан арқылы көлеңкелі реэкспорттың көлемі туралы айту қиын [1]. Түрлі сарапшылардың пікірінше, Қытайдан контрабанда төрт миллиард АҚШ долларына дейін өзгереді. Қазақ тарапы атап өткендей, Қырғызстаннан келетін тауарлардың бір бөлігінің таңбасы жоқ немесе тауардың өзі ұсынылған құжаттарға сәйкес келмейді [1].

Қырғызстанның Қытаймен шекарадағы кедендік пункттері Қытайдан кері экспортталатын жүктердің барлық түрлерін бақылау үшін қажетті жабдықпен жабдықталмаған. Кеден құқығы саласындағы сарапшылардың пікірінше Қазақстан мен Қырғызстан бір-біріне қарсы қойған талаптары үшінші бір мемлекетпен саудаға қатысты емес, тарифтік емес кедергілерге байланысты болуы тиіс. Тарифтік емес кедергілерде осы елдер арасындағы кеден бекеттеріндегі квоталау, лицензиялау, экспортты ерікті түрде шектеу, экспорттық субсидиялар, әкімшілік және техникалық кедергілер жатады. Қытай тауарларының өз шекарасы арқылы импорты бойынша деректердің айырмашылығын көрсете отырып, Қазақстан сонымен бірге оның Дүниежүзілік Банктің деректерімен алшақтықтары бар екенін де айтады [2].

2017 жылы Қазақстан мен Қырғызстан арасындағы шекараның жабылуы туралы біржақты шешімнің қабылдануына екі ел арасындағы саяси қайшылықтар септігін тигізді. Осы жағдайға байланысты Қазақстан тарапынан болған әрекетті саяси қысым ретінде қабылдай отырып, 2017 жылғы қарашада БҰҰ Бас Ассамблеясының екінші комитетінің отырысында Қырғызстанның ресми өкілі Қазақстан Қырғыз Республикасына экономикалық залал келтіру және елдің инвестициялық және туристік тартымдылығына нұқсан келтіру мақсатында экономикалық және көліктік блокада ұйымдастырып отырғаны туралы мәлімдеме жасады [3]. Бұл мәселенің саяси да себептері бар. Сол себепті де мәселені жай ғана тарифтік емес шектеулерді қарастыру арқылы емес, жүйелі түрде қарастыру керек болды. Шекарадағы жүк көлік қозғалысның шектелуі Қырғызстанның шығынға ұшырауына, экспорттың төмендеуіне алып келді. Қырғызстанның Президенті Сооранбай Жээнбековтың билікке келуімен Қазақстан мен Қырғызстан келісімге келе алды, яғни екі тарап жол картасына қол қойды. Алайда бұл құжаттың күшіне енуі мен бұған қол қою ЕАЭО қағидаларына сай емес.

Көршілес мемлекеттер арасындағы кеден қайшылықтарының бар екендігін осы елдердің ДСҰ мен ЕАЭО-ға жасаған шағымдарынан байқауға болады. Мысалы, Қырғызстан 2020 жылы ДСҰ мен ЕАЭО-ға Қазақстанның халықаралық сауда ережелерін бұзғанын алға тартып, шағымданған болатын. Қырғызстан мемлекетінің пайымдауынша, Қазақстан Қырғызстан аумағы бойынша транзиттік тауарлардың өтуі кезіндегі жүк көліктерін өткізу, тауарларды

тексеру барысындағы қатаң шаралары арқылы халықаралық сауда ережелерін, атап өткенде «еркін сауда» қағидасын бұзады [4]. Ал Қазақстан болса, Еуразиялық экономикалық комиссияға және Дүниежүзілік сауда ұйымына ЕАЭО алаңында Қырғыз тарапының ЕАЭО елдерінің тауарларына қатысты бақылау бағаларының ең төменгі деңгейін қолдануы туралы мәселені қайта қарау туралы өтінішпен жүгінді. Қазақстанның пікірінше, Қырғызстан халықаралық сауданың негізгі қағидалары болып табылатын «ұлттық режим» және «ең қолайлы режим» қағидаларын бұзған болатын. Бұндай шағымның басты себебі – Қырғызстанның Қазақстан тауарларына қосымша төлемдер белгілеуі мен дәл сондай шараларды Қырғызстанның тауарларына да, үшінші елдерден әкелінетін өнімдерге де қолданбауы [5]. Осылайша, екі ел арасындағы өз шешімін табу керек мәселелер көп. Бұл мәселелерді шешу мақсатында Қырғызстанның жасауы қажет қадамдар баршылық. Қырғызстан өзінің сауда-экономикалық қатынастарын қорғау бойынша белсенді қадамдар жасап, экономикалық және логистикалық стратегия дайындап, заңнамалық базаны ЕАЭО ережелеріне сәйкес келтіруі қажет. Сонымен қатар Қазақстан мен Қырғызстан арасындағы шекаралық мәселелердің туындауының тағы бір себебі - ЕАЭО-ға мүше мемлекеттердің мүдделерінің әртүрлілігі мен келісімге келудің қиындығы.

Екі мемлекет арасындағы мемлекетаралық кеден мәселелерінің болуына қарамастан, ынтымақтастықты нығайту арқылы жақсы нәтиже мен жарқын болашаққа қол жеткізу ықтималдығы жоғары. Орта Азияның туристік әлеуетін арттыратын мықты жобалардың бірі - Silk Visa деп аталатын туристік виза. Келешекте осы визаның арқасында шетелдіктер Орталық Азияның барлық мемлекеттеріне бара алады. 2022 жылы іске қосылады деп отырған бұл жобаның нәтижесі туристердің Орталық Азияға деген қызығушылығы мен көптеп келуін қамтамасыз етеді. Қазақстан мен Өзбекстанның бастамасымен жүзеге асқалы отырған бұл жобаға Қырғызстанның қосылуы мемлекетаралық туризмді дамытудағы жақсы мүмкіндік болып тұр. Себебі Қырғызстан өзінің сұлу табиғатымен, демалыс орындарымен туристер назарын аударуда.

Екі мемлекет арасындағы серіктестіктің нығаюының бір көрінісі - трансшекаралық өзен реттеу саласы. Шу мен Талас өзендері екі бауырлас халыққа ортақ игілік болып табылады. Қазақстан президенті Қасым-Жомарт Тоқаев атап өткендей: «ондаған миллион

адамның тағдыры, бүкіл өңірдің тұрақтылығы мен әл-ауқаты оларды тиімді пайдалануға байланысты». Қазақстан мен Қырғызстанның Шу және Талас өзендері бойынша біріккен іс-қимылы қазірде әлемнің көптеген елдері үшін оң үлгі болып табылады [6]. 2021 жылдың көктемінде Қазақстан Республикасы мен Қырғызстан Республикасы арасында Шу мен Талас өзендерінің мемлекетаралық пайдаланудағы су шаруашылығы құрылыстарын пайдалану жөніндегі комиссиясының 28-ші отырысы өткен болатын. Жиында тараптар су шаруашылығы объектілеріндегі жөндеу жұмыстарын ақылдасып, бірлесіп жасайтын іс-қимылдардың стратегиясын бекіткен болатын. Бұндай жиындардың көптеп өткізіліп, ынтымақтастыққа негізделген іс-қимылдардың қолға алуынан екі мемлекеттің өзара бірлігін байқауға болады.

Қазіргі таңда Қазақстан мен Қырғызстан арасындағы кедендік қарым-қатынас жақсы жаққа ілгерілеуде. Бұндай жақсы өзгерістердің белгісі ретінде екі мемлекет басшыларының іскерлік кездесулерді ұйымдастырып, келіссөздер жүргізіп жатқанын айтуға болады. 2021 жылдың наурызындағы Қырғызстан президентінің Қазақстанға мемлекеттік іс-сапармен келуі екі ел арасындағы достық қарым-қатынасты білдіреді. Кездесу барысында екі мемлекет басшылары Қасым-Жомарт Тоқаев пен Садыр Жапаров екіжақты стратегиялық әріптестік жөнінде сөз қозғаған болатын. Кездесу нәтижесінде Үкіметтерге «Бірыңғай экономикалық кеңістік жағдайында Қырғызстан мен Қазақстан аумағы арқылы тауарлардың кедергісіз қозғалысын қамтамасыз ету үшін» Қырғыз-Қазақстан мемлекеттік шекарасында логистикалық орталық құруды жеделдету тапсырылды [7]. Бұдан бөлек, кеден мәселесін талқылауға Қазақстан тарапының бастамасымен жақында Бішкек қаласында Қырғыз Республикасының Сыртқы істер министрі Руслан Қазақбаевтың Қазақстанның Төтенше және Өкілетті Елшісі Рәпіл Жошыбаевпен кездесуі өткен болатын. Тараптар қырғыз-қазақстан қатынастарының саяси, сауда-экономикалық, мәдени - гуманитарлық салалардағы өзекті және ағымдағы мәселелерінің кең ауқымын жан-жақты талқылады [8]. Мемлекет басшылары арасында қол жеткізілген уағдаластықтардың іске асырылу барысы, сондай-ақ халықаралық ұйымдар мен өңірлік бірлестіктер шеңберіндегі өзара іс-қимыл мәселелері жөнінде пікір алмасты. Осындай ынтымақтастық пен мәселені шешуге негізделген кездесулердің болуы Қазақстан мен Қырғызстанның қандай салада болмасын достық қарым-қатынасты мақсат еткенін аңғаруға болады.

Болашақта да екі тарап кеден саласында игі бастамаларды қолға алады деген болжам бар.

Қазақстан мен Қырғызстан арасындағы шекаралық байланыстарды реттеудің ең дұрыс тәсілі - мәселені екі жақты шешу жолдарын ойлап табу. Шекарадағы Қазақстан мен Қырғызстан қатынастарының жағдайы мен елдердің бір-біріне әсер ету әлеуеті мемлекеттердің ішкі жағдайларына, олар таңдаған саяси, экономикалық және мәдени даму моделіне, сондай-ақ тарихи өткенге, біздің елдеріміздің халықтарының қазіргі заманғы халықаралық ынтымақтастық жобаларына тартылу дәрежесіне байланысты. Екіжақты шешім табу мақсатында мемлекеттер өз заңнамаларын қайта қарастырып, ымыраға келу мақсатында ортақ жобаларды қолға ала білуі қажет. Екі ел дербес мемлекет болғалы бері шекараға байланысты оң да, теріс те оқиғалар орын алды. Қазіргі таңдағы болып жатқан мәселелер де өз шешімін таба алатын мәселелердің қатарынан және мемлекеттердің өзара ынтымақтастығының арқасында кедендік қатынастарды одан әрі нығайтуға болады.

Пайдаланған қайнар көздер тізімі

1. Ларионов К. «Что делать с нетарифными барьерами между Кыргызстаном с Казахстаном?». URL: <https://cabar.asia/ru/chto-delat-s-netarifnymi-barerami-mezhdu-kyrgyzstanom-s-kazahstanom-vzglyad-iz-kyrgyzstana>
2. Шабалин А. «Как кыргызская таможня занижает товарооборот с Китаем» Шокирующие цифры. URL: <https://kaktakto.com/analitika/kak-kyrgyzskaya-tamozhnya-zanizhaet-tovarooborot-s-kitaem-shokiruyushhie-cifry/>
3. Киргизия пожаловалась в ООН на блокаду со стороны Казахстана, ИА Regnum, 21 ноября 2017 год. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2347677.html>
4. «Кыргызстан пожаловался в ВТО на Казахстан». URL: <https://kursiv.kz/news/obschestvo/2020-02/kyrgyzstan-pozhalovalsya-v-vto-na-kazakhstan>
5. Казахстан обратился в ЕЭК и ВТО из-за того, что Кыргызстан применяет минимальные цены на товары из стран ЕАЭС. URL: <https://informburo.kz/novosti/kazahstan-obratilsya-v-eek-i-vto-iz-za-togo-chto-kyrgyzstan-primenyaet-minimalnyy-uroven-cen-na-tovar-iz-stran-eaes-102784.html>
6. Амребаев А. «Казахстан – Кыргызстан: граница дружбы и сотрудничества или непонимания и соперничества?». URL: <https://cabar.asia/ru/kazahstan-kyrgyzstan-granitsa-druzhby-i-sotrudnichestva-ili-neponimaniya-i-sopernichestva>

7. Токаев и Жапаров обсудили двустороннее сотрудничество.URL:
<https://rus.azattyq.org/a/31129089.html>

8. Кыргызстан попросил снять ограничения на въезд в Казахстан.URL:
<https://kursiv.kz/news/geopolitika/2021-08/kyrgyzstan-poprosil-snyat-ogranicheniya-na-vezd-v-kazakhstan>

ВОПРОСЫ-ОТВЕТЫ

Д.ю.н., профессор Сарсембаев М.А.: «Алексей Станиславович скажите, пожалуйста, вот Вы говорили о прямом эффекте норм ВТО. Есть ещё косвенные или иные эффекты?»

Д.ю.н., профессор Исполинов А.С.: «Прямой эффект — это термин, пришедший к нам из права Европейского союза. Там действительно есть прямой эффект. В принципе проблема возникла как раз применительно к праву Европейского союза во взаимодействии применении норм ВТО судами государств-членов Европейского союза. Вы совершенно правы, есть и косвенный эффект, то есть обязанность. Прямой эффект — это обязанность национальных судов применять при разрешении спора не норму применимого права, а норму международного договора. Это прямой эффект. Косвенный эффект — это обязанность национальных судов, толковать норму национального права исходя из смысла и духа норм международного договора. То есть не принимать вместо, а толковать на основе смысла и духа прямого договора. Вы совершенно правы, есть такой термин косвенный эффект. У меня на эту тему лет 10 назад написана большая статья. Вот оба термина активно сейчас используются в праве Европейского союза и как это водится из права Европейского союза перешли в международную правовую терминологию. У меня все, спасибо».

Д.ю.н., профессор Сарсембаев М.А.: «Спасибо большое, Алексей Станиславович. Ольга Владимировна, вот Вы как раз говорили о спорах в рамках ВТО, а также об уроках для международного правосудия. Скажите, пожалуйста, вот уроки для международного правосудия, в данном случае вы имели в виду универсальное международное правосудие или правосудие только в рамках ВТО?».

К.ю.н., доцент Кадышева О.В.: «Спасибо большое, Марат Алдангорович, за вопрос. Я, конечно же, имела в виду международное правосудие в целом. Потому что в последнее время особенно в последние 50 лет, мы стали даже больше, наверное, 80 лет, мы стали очевидцами стремительного или, как Алексей Станиславович где-то написал, лавинообразного роста органов международного правосудия, причём речь идёт не только о судах в чистом виде как Международный Суд ООН. Речь идёт и о квазисудебных органах, которые рассматривают споры. Собственно

ОРС ВТО тоже никогда не был судебным органом, как я уже сказала в своём выступлении, он очень удачно сочетал всегда в себе дипломатические и судебные процедуры. Именно поэтому, возможно, был так успешен. Поэтому я полагаю, собственно главное, как бы идея, которую я пыталась донести, это то, что все органы международного правосудия в той или иной степени зависимы от государств, от государств - творцов договоров. Поэтому они могут оказаться в такой же ситуации, как ОРС ВТО. Если они, скажем, так продемонстрируют свою самостоятельность, хотя это неплохо - демонстрация самостоятельности. Когда эта самостоятельность выйдет за те предпочтения, которые имеют государства, которые создали эти суды. У меня все. Спасибо».

Д.ю.н., профессор Сарсембаев М.А.: «Спасибо большое, Ольга Владимировна. Яна Викторовна, вот Вы говорили о проблеме регионализации при применении санитарных и фитосанитарных мер ВТО. Почему именно - проблема регионализации? Ведь ВТО – это универсальная торговая организация. А почему вас заинтересовала именно проблема регионализации? Скажите буквально в двух словах».

Аспирантка кафедры МП, МГУ им. М.В. Ломоносова Тараканова Я.В.: «Да, на самом деле это очень хороший вопрос. Коллизия возникать начала уже изначально с момента формирования ВТО. И во многих странах есть такие регионы, в которых можно обеспечить зону, свободной от вредителей или заболеваний, особенно это касается государств-архипелагов и государств, у которых физически нет трансмиссии вируса, например, через регион. И соответственно такие меры, в частности, меры концепции регионализации необходимы для того, чтобы обеспечить стабильную торговлю с данными регионами. В том случае, если в одной части, скажем, свинина оказалась подверженной африканской чуме, и она стала угрозой для определенного региона государств, то страны других регионов могут продолжать торговлю, если в них доказано наличие зон, свободных от вредителей».

Д.ю.н., профессор Сарсембаев М.А.: «Спасибо большое, Яна Викторовна. Софья Дмитриевна, вот Вы говорили об обеспечительных мерах, к сожалению, я в этот момент отсутствовал. Но меня все-таки заинтересовал этот вопрос. Среди этих обеспечительных мер Вы могли бы выделить одну, скажем,

принципиальную важную обеспечительную меру. Если да, то, пожалуйста, назовите её».

Аспирантка кафедры МП, МГУ им. М.В. Ломоносова Пименова С.Д.: «Вообще, я речь как бы не вела о классификации обеспечительных мер. Я рассказывала в целом об этом институте и рассуждала о том, может ли гипотетически Суд ЕАЭС такие меры применять, но вообще на усмотрение судов могут применяться любые обеспечительные меры, то есть абсолютно любые, это зависит исключительно от обстоятельств самого дела. То есть потому что главная цель обеспечительных мер – это сохранить как бы статус-кво между сторонами, то есть заморозить ситуацию, вот эту спорную в том виде, в котором она есть на данный момент с тем, чтобы не допустить нанесения непоправимого ущерба какой-либо из сторон. То есть в отношении видов обеспечительных мер как бы отсутствует какой-то перечень, поэтому здесь лучше всего принимать меры, которые покажутся суду подходящими в данном конкретном деле. Я привела пример с Судом ЕС: он в качестве обеспечительной меры постановил срочно прекратить деятельность Польского карьера по добыче бурого угля с тем, чтобы соответственно остановить ущерб, который причиняется Чехии. Ограничения в отношении обеспечительных мер могут быть установлены учредительными документами того или иного суда. Применительно к Суду ЕАЭС, о котором я тоже упоминала, нельзя обеспечительной мерой, например, приостановить действия решения Евразийской экономической комиссии. Применительно к моей теме по статуту Суда ЕАЭС принятые им решения приостановить нельзя, но можно, допустим, принять какие-то другие меры.

Д.ю.н., профессор Сарсембаев М.А.: «Большое спасибо Вам».

**УЧАСТИЕ КАЗАХСТАНА И РОССИИ В ВТО И В ЕАЭС:
ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ**

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

**Международной научной онлайн-конференции,
организованной кафедрами международного права
Евразийского национального университета
имени Л.Н. Гумилева и
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
5 октября 2021 года**

За содержание статьи ответственность несет автор

Тираж - 50 экз.
Шрифт «Times New Roman»
Заказ №15512

Отпечатано в типографии ЕНУ им. Л.Н. Гумилева
010000, Республика Казахстан,
г. Нур-Султан, ул. Кажымукана, 13/1